

УДК 63 (063)

ББК 4

ВЕСТНИК

**Донского государственного
аграрного университета**

Редакционный совет

Авдеенко А.П. - д.с.-х., профессор	Никитчук В.Э. - к.с.-х.н., доцент
Агафонов Е.В. - д.с.-х.н., профессор	Николаева Л.С. - д.ф.н., профессор
Баленко Е.Г. - к.с.-х.н., доцент	Пимонов К.И. - д.с.-х.н., профессор
Бардаков А.И. - д.п.н., профессор	Рудь А.И. - д.с.-х.н., доцент
Булгаков А.Г. - д.т.н., профессор	Сапрыкина Н.В. - д.э.н., профессор
Бунчиков О.Н. - д.э.н., профессор	Серяков И.С. - д.с.-х.н., профессор
Волосухин В.А. - д.т.н., профессор	Семенihin А.М. - д.т.н., профессор
Гавриченко Н.И. - д.с.х.н., профессор	Соляник А.В. - д.с.-х.н., профессор
Гайдук В.И. - д.э.н., профессор	Солодовников А.П. - д.с.-х.н., профессор
Гончаров В.Н. - д.э.н., профессор	Тариченко А.И. - д.с.-х.н., профессор
Дерезина Т.Н. - д.в.н., профессор	Ткаченко Н.А. - д.т.н., профессор
Джуха В.М. - д.э.н., профессор	Третьякова О.Л. - д.с.-х.н., профессор
Ермаков А.М. - д.б.н., профессор	Федюк В.В. - д.с.-х.н., профессор
Калинчук В.В. - д.ф.-м.н., профессор	Циткилов П.Я. - д.и.н., профессор
Кобулиев З.В. - д.т.н., профессор	Черноволов В.А. - д.т.н., профессор
Крючкова В.В. - д.т.н., профессор	Шаршак В.К. - д.т.н., профессор
Кузнецов В.В. - д.э.н., профессор	Шаталов С.В. - д.с.-х.н., профессор
Максимов Г.В. - д.с.-х.н., профессор	Чертков Д.Д. - д.с.-х.н., профессор

Редакционная коллегия

Башняк С.Е. - к.т.н., доцент	Илларионова Н.Ф. - к.э.н., доцент
Виноходова Г.А. - к.э.н., доцент	Козликин А.В. - к.с.-х.н., доцент
Гужвин С.А. - к.с.-х.н., доцент	Лаврухина И.М. - д.ф.н., профессор
Дегтярь А.С. - к.с.-х.н., доцент	Мельникова Л.В. - к.ф.н., доцент
Дегтярь Л.А. - к.т.н., доцент	Мокриевич А.Г. - к.т.н., доцент
Жуков Р.Б. - к.с.-х.н., доцент	Полозюк О.Н. - д.б.н., доцент
Зеленков А.П. - к.с.-х.н., доцент	Скрипин П.В. - к.т.н., доцент
Зеленкова Г.А. - к.с.-х.н., доцент	Фальнсков Е.М. - к.с.-х.н., доцент

Журнал предназначен для ученых,
преподавателей, аспирантов и студентов вузов.
Все статьи размещены на сайте eLIBRARY.RU и
проиндексированы в системе Российского
[индекса научного цитирования \(РИНЦ\).](http://индекса научного цитирования (РИНЦ).)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**Выпуск
№ 1 (19.2), 2016**

**Часть 2
Социально-
гуманитарные науки**

Учредитель:
Донской государственный
аграрный университет

Главный редактор:
Клименко
Александр Иванович
Зам. главного редактора:
Громаков Антон
Александрович
Поломошнов Андрей
Федорович

**Ответственный
секретарь:**
Семенченко Сергей
Валерьевич
Выпускающий редактор:
Поломошнов Андрей
Федорович

**Ответственная за
английскую версию:**
Михайленко Татьяна
Николаевна
Технический редактор:
Контарев Игорь Викторович

Дизайн и верстка:
Степаненко Марина
Николаевна
ISSN 2311-1968

Подписной индекс 94081

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донской ГАУ»,
346493, п. Персиановский,
Октябрьский (с) район,
Ростовская область
e-mail: dgau-web@mail.ru

SCIENTIFIC JOURNAL

**Volume
№ 1 (19.2), 2016**

**Part 2
Social and Human
Sciences**

Constitutor:
Don State
Agrarian University

Editor-in-chief:
Klimenko
Alexander Ivanovich

Managing Editor:
Gromakov Anton Aleksandrovich
Polomoshnov Andrey Fedorovich

Executiv Secretary:
Semenchenko Sergey Valerievich

Executive editor:
Polomoshnov Andrey Fedorovich

**English version
Executive:**
Mikhaylenko
Tatiana Nikolaevna

Technical editor:
Kontarev Igor Victorovich

**Computer design and make
up:**
Stepanenko Marina Nikolaevna

ISSN 2311-1968

Editorial Office

Address:
FSEI HE «Don SAU»
346493, Persianovski, Oktyabrski district,
Rostov region
e-mail: dgau-web@mail.ru

**УДК 63 (063)
ББК 4**

VESTNIK

**Don State Agrarian
University**

EDITORIAL REVIEW BOARD

Avdeenko A. P.	Nikitchuk V. E.
Agafonov E. V.	Nikolaeva L. S.
Baleno E. G.	Pimonov K. I.
Bardakov A. I.	Rud` A. I.
Bulgakov A. G.	Saprikina N.V.
Bunchikov O. N.	Seryakov I. S.
Volosuhin V. A.	Semenikhin A. M.
Gavrichenko N.I.	Solyanik A. V.
Gayduk V. I.	Solodovnikov A. P.
Goncharov V. N.	Tarichenko A. I.
Derezina T. N.	Tkachenko N. A.
Juha V. M.	Tretyakova O. L.
Ermakov A. M.	Fedyuk V. V.
Kalinchuk V. V.	Tsitkilov P. Y.
Kobuliev Z. V.	Chernovolov V. A.
Kryuchkova V. V.	Sharshak V. K.
Kuznetsov V.V.	Shatalov S. V.
Maksimov G. V.	Chertkov D.D.

Editorial Board

Bashnyak S. E.	Illarionova N. F.
Vinohodova G. A.	Kozlikin A. V.
Guzhvin S. A.	Lavrukhina I. M.
Degtar A. S.	Melnikova L. V.
Degtar L. A.	Mokrievich A. G.
Zhukov R. B.	Polozyuk O. N.
Zelenkov A. P.	Skripin P. V.
Zelenkova G. A.	Falynskov E. M.

The journal is intended for scientists, Professors, graduate students and university students. All articles posted on the site eLIBRARY.RU and indexed in the Institute of the Russian Science Citation index (RSCI).

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENS	
ФИЛОСОФИЯ		PHILOSOPHY	
<i>Поломошнов А.Ф.</i> ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ КОММУНИЗМУ?	<i>Polomoshnov A.F.</i> IS THERE AN ALTERNATIVE TO GLOBAL COMMUNISM?	4	
<i>Курилкин О.А.</i> НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ Н.МАКИАВЕЛЛИ	<i>Kurilkin O.A.</i> VIOLENCE AND NONVIOLENCE IN POLITICAL VIEWS MACHIAVELLI	22	
<i>Поломошнов П.А.</i> ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТНОГО ФАКТОРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗА РАЦИОНАЛЬНОСТИ	<i>Polomoshnov P.A.</i> TRANSFORMATION OF SUBJECTIVE FACTOR IN THE CONTEXT OF MODERN CHANGES OF IMAGE OF A RATIONAL	24	
КУЛЬТУРОЛОГИЯ		CULTURAL STUDIES	
<i>Швандерова А.Р.</i> К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ АББЕРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА	<i>Shvanderova A.R.</i> TO THE QUESTION OF THE SOCIO- CULTURAL BACKGROUND ABERRANTTION BEHAVIOR IN RISK SOCIETY	34	
<i>Шпалова Е.В.</i> РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ	<i>Shpalova E.V.</i> RELIGIOUS CULTURE OF PERSON AS SUBJECT OF RESEARCH	39	
<i>Меняйло А.А.</i> ФЕНОМЕН НЕОВАРВАРИЗАЦИИ ВКУЛЬТУРЕ	<i>Menyaylo A.A.</i> PHENOMENON OF NEOBARBARIZATION IN CULTURE	54	
<i>Михайленко Т.Н.</i> ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ	<i>Mikhaylenko T. N.</i> THE POSTMODERN DECONSTRUCTION OF THE FAMILY RELATIONS CULTURE OF THE YOUTH	59	
<i>Чекрыгина Т.А.</i> КУЛЬТУРНОЕ МЫШЛЕНИЯ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ	<i>Chekrygina T.A.</i> CULTURAL THINKING AS THE BASIS OF SOCIOCULTURAL IDENTITY	76	
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ		SOCIAL AND POLITICAL SCIENCE	
<i>Москалюк В.М.</i> ЭКОНОМИКА АГРО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ФИЛОСОФСКИМ ДИСКУРСЕ	<i>Moskaliuk V.M.</i> THE ECONOMY OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE	85	
<i>Белюсова В.Н.</i> МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ	<i>Belousova V.N.</i> INTERNATIONAL RELATIONS AND THEIR PERCEPTION IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT	89	
<i>Зуева Т.М.</i> СТЕРЕОТИПИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБРАЗА ВЛАСТИ	<i>Zueva T.M.</i> THE STEREOTYPIC FORMING OF THE EVERYDAY IMAGE OF THE STATE POWER	94	
ИСТОРИЯ		HISTORY	
<i>Курилкин О.А.</i> ОБРАЗ СССР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ОРУЭЛЛА	<i>Kurilkin O.A.</i> THE IMAGE OF THE USSR IN THE WORKS OF J. ORWELL	101	
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ		PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY	
<i>Габиров А.Б., Семенченко С.В., Пономарева Е.В., Муратова Ю.Ю., Луценко Е.Ю.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУЧЕБНОГО СПОРТИВНО- ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ДОНГАУ	<i>Habibov B. A., Ponomareva E. V., Semenchenko V. V., Muratova, Y.Y., Lutsenko E.Y.</i> ORGANIZATION OF EXTRA-CURRICULAR PHYSICAL EDUCATION STUDENTS IN DON STATE AGRARIAN UNIVERSITY	105	
ФИЛОЛОГИЯ		PHILOLOGY	
<i>Поломошнов Л.А.</i> КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БАРАКА ОБАМЫ В АМЕРИКАНСКОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОФИЦИАЛЬНЫХ МЕДИАДИСКУРСАХ	<i>Polomoshnov L.A.</i> CONTRAST REPRESENTATION OF BARACK OBAMA'S IMAGE IN AMERICAN AND DOMESTIC OFFICIAL MEDIA DISCOURSE	112	
РЕФЕРАТЫ	119	ABSTRACTS	125

УДК 008

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ КОММУНИЗМУ?

Поломошнов А.Ф.

Статья посвящена анализу альтернатив исторического развития человечества в XXI веке. Автор анализирует особенности современного глобального капитализма и доказывает его историческую бесперспективность. Позитивной альтернативой глобальному капитализму является глобальный коммунизм. Исторический опыт советского социализма рассматривается как первая форма глобального коммунизма.

Ключевые слова: глобализация, коммунизм, капитализм, кризис капитализма.

IS THERE AN ALTERNATIVE TO GLOBAL COMMUNISM?

Polomoshnov A.F.

This article analyzes the alternatives of historical development of mankind in the XXI century. The author analyzes the features of contemporary global capitalism and shows its historic hopelessness. A positive alternative to global capitalism is global communism. The historical experience of Soviet socialism is seen as the first form of global communism.

Key words: globalization, communism, capitalism, the crisis of capitalism.

Коммунизм – это неудачное прошлое человечества, или его перспективное будущее? Эта проблема поставлена современной всемирной историей в эпицентр внимания, но не как абстрактный теоретический вопрос, а как главный практический вопрос будущего человечества, как вопрос даже не столько о том, какое будущее ждет человечество, а о том, будет ли у человечества будущее? Может быть, многим такая постановка проблемы коммунизма покажется, неожиданной и не оправданной. Однако, в данном случае мы имеем дело с вопросом, который настойчиво задает сама современная история.

На поверхностный обывательский взгляд этой проблемы вообще не существует. Кажется, что история вынесла свои приговоры и они окончательны. Действительно, коммунизм, которому его адепты предрекали роль будущего человечества, с гибелью СССР канул в лету, Капитализм же, которому адепты коммунизма уже более ста лет предрекали скорый и окончательный крах торжествует, и, как кажется, не собирается уходить со сцены всемирной истории. Однако, если мы трезво оценим современную реальность, то придется расстаться с этим поверхностным взглядом.

Вряд ли найдется сегодня серьезный мыслитель, который стал бы оспаривать принципиальный тезис о глобальном кризисе, в котором находится все современное человечество, хотя интерпретация сущности этого кризиса и его причин может быть очень разнообразной. Поскольку доминирующей сегодня на планете социальной системой является современный капитализм, постольку мы имеем дело с кризисом этой системы. Рассмотрим вначале подробнее ее сущность.

Ю.И. Семенов определяет систему современного капитализма как «ортокапитализм»: «Ортокапитализм — первый в истории человечества основанный на эксплуатации человека человеком общественный строй, который на определенном этапе своего развития, а именно на третьей из названных выше стадий, обеспечил достаточно высокий жизненный уровень для людей, не принадлежащих к господствующему классу, включая значительную часть

(даже большинство) членов эксплуатируемого класса. Такого в истории цивилизованного общества раньше никогда не было...

С переходом к позднему ортокапитализму, возник огромный разряд обеспеченных людей, который не совпадал ни с одним из классов. В него входят члены различных классов и внеклассовых слоев: значительная часть рабочего класса, почти вся мелкая буржуазия, служащие и т.п. Наличие дохода, позволяющего вести более или менее достойное существование, объединяет всех этих людей и противопоставляет их остальным общественным группам. У этих людей возник общий интерес, который в известной степени оттеснил на задний план интересы, обусловленные их классовым положением. С возникновением такого разряда обеспеченных людей исчезло и совпадение разряда бедняков с рабочим классом». [14, С.514-515]

Однако, обратной стороной «ортокапитализма» является гигантская транснациональная эксплуатация развитыми странами остального мира: «Все это потребовало привлечения гигантского количества природных ресурсов, причем в значительной части импортируемых из стран периферии. Развитые страны, составляющие менее 20% всех государств Земли располагают 84,7% мирового ВВП, на их граждан приходится 84,2% мировой торговли, 84,5% сбережений на внутренних счетах. Эти страны потребляют 70 — 75% всей производимой на планете энергии, 79% добываемого ископаемого топлива, 85% мировой древесины, 75% обработанных металлов, в них производится 72% стали. Одни лишь США с населением в 260 млн. человек (4 — 5% жителей Земли) использует от 30 до 40% добываемых на планете ресурсов. Каждый американец потребляет столько же, сколько 8 среднестатистических жителей Земли или 20 жителей стран периферии, включая Россию. США потребляют около 1/3 мирового производства минерального сырья, из которого более половины импортируется.

Если в периферийных странах нарастает нищета и обездоленность, то в странах центра — безудержное паразитическое потребление продуктов и ресурсов. «...Наше бурное и беспокойное общество, — писал первый президент Римского клуба Аурелио Печчеи (1908 — 1984), — движимое, по-видимому, исключительно целями материального характера и готовое заплатить любую цену за намеченные достижения, развило в себе прямо-таки поразительную склонность к расточительству, и этот порок мешает ему воспользоваться плодами даже достигнутого ныне роста. И главными рассадниками этого зла явились сверхразвитые, перезрелые страны и регионы, породившие уродливое дитя, консьюмеризм — живое свидетельство их вырождения»». [14, С.517]

Сущность современного капитализма можно определить как «глобальный, или транснациональный, финансово-олигархический капитализм». Экономическая система этого капитализма имеет ряд особенностей. «Современному капитализму развитых стран Запада присущи три основных особенности, по которым он может быть охарактеризован как финансовый, государственный и транснациональный капитализм.

Одной из главных особенностей современного капитализма, как доминирующей экономической системы, является господство финансового капитала, сосредоточенного в руках небольшого количества банковских групп...

Другой особенностью современного капитализма является активное участие государства в регулировании экономики и экономических отношений. Целью такого участия является сохранение основ капитализма, но при этом государство ограничивает в известной степени деятельность частных предпринимателей, подчиняя ее общегосударственным интересам и общим интересам сохранения капиталистической системы.

Одной из главных черт современного капитализма является развитие транснациональных корпораций (ТНК) многопрофильных крупнейших фирм, имеющих свои подразделения в десятках стран... ТНК возникает и базируется обычно на определенной национальной почве и является результатом проникновения монополии из страны-родителя в другие страны. ТНК в случае необходимости прибегают к помощи и защите исходного национального государства, но когда их интересы вступают в противоречия с

национальными интересами, они вступают в борьбу с национальным исходным государством, преследуя свои узкокорыстные интересы. Тем более равнодушно ТНК относится к интересам страны освоения. ТНК как межнациональные производственные комплексы стремятся оплести своими филиалами весь мир». [10,С.93-95]

Важной стороной глобального капитализма является мировой экономический порядок, сущность которого характеризует транснациональная глобальная социальная поляризация и связанная с ней глобальная эксплуатация и глобальный социальный паразитизм мировых стран-эксплуататоров. «Сущность современного мирового экономического порядка выражается, прежде всего, в разделении стран на богатые, эксплуатирующие страны (монополизировавшие высокие технологии и сконцентрировавшие мировой капитал) и бедные, эксплуатируемые страны (находящиеся в кабальной финансовой и технологической зависимости от богатых, развитых стран). Т.о. второй чертой этого порядка является глобальная международная эксплуатация богатыми странами бедных». [10,С.95]

Политическая форма современного глобального капитализма – обветшавшая, давно ставшая пустой формой, неким симулякром или «перфомансом» для электората «демократия». «Внешняя форма политической системы в ведущих странах Запада – демократическая республика, предусматривающая широкие политические права граждан, их участие в управлении посредством представительной демократии, свободу политических организаций и равные условия их конкуренции в борьбе за власть. Однако, все эти демократические принципы остаются во многом формальными, на бумаге, т.к. избирательная кампания и деятельность политических организаций финансируется и контролируется финансовой олигархией. Посему, внутренней сутью этой политической системы является политическая биржа – покупка олигархами своих наемных политиков-слуг, маскируемая политическим балаганом для простого избирателя, которого обычно также подкупают предвыборной демагогией и подачками.

Олигархия контролирует обычно все политические организации и партии, формально конкурирующие в избирательной борьбе. Поэтому смена политических партий и лиц у власти не приводит к уходу власти из под контроля олигархов. Реальная единственная борьба идет между разными группами и объединениями капиталистов в борьбе за власть, которая рассматривается как инструмент реализации ими своих экономических интересов. В этом суть типичной двухпартийной системы.

Кроме того, международные олигархи, крупнейшие богачи мира объединяются в неформальные клубы, масонские ложи, на которых решают судьбы политиков, партий и правительств, причем в международном масштабе, принимают стратегические политические решения, которые затем реализуются посредством их финансовых и политических рычагов». [10,С.99-100]

Важнейшей характеристикой политической системы глобального капитализма является тотальное политическое, экономическое и военное доминирование мировых лидеров – стран Запада во главе с США, которое является основным инструментом обеспечения стабильности экономического господства этих стран.

Насколько хорош и справедлив этот глобальный капитализм – это вопрос риторический. Очевидно, что данная система устраивает лишь кучку мировой олигархии и сверхбогатые страны, но совершенно не устраивает весь остальной мир, обрекаемый глобальным капитализмом на роль вечно нищих и эксплуатируемых стран и народов.

Гораздо важнее другой вопрос: насколько стабилен и эффективен этот глобальный капитализм, каковы его исторические перспективы. Очевидно, что система глобального капитализма исторически бесперспективна, поскольку она находится в перманентном кризисе, который принимает все более острые формы.

Доказать, что современное человечество находится в историческом тупике глобального капитализма достаточно просто. Прежде всего, этот кризис признают сами лидеры и деятели мировой капиталистической олигархии и констатируют серьезные

экономисты. Весьма показательна в этом плане, например, работа известного биржевого деятеля, одного из богатейших олигархов Дж. Сороса. [16] Он признает, что мировой капитализм исторически трансформирует свои формы и периодически попадает в более или менее острые глобальные кризисы, но при этом отмечает, что кризис современной формы капитализма не является обязательной закономерностью, хотя и имеет свои причины: «Я полагаю, ответ следует искать в противоречии между международными масштабами финансовых рынков и национальными границами политики. Ранее я представил мировую капиталистическую систему как гигантскую систему циркуляции, всасывающую капитал в центре и выталкивающую его на периферию. Суверенные государства выполняют в этой системе функции клапанов. Когда на мировых финансовых рынках наблюдается период экспансии, клапаны открываются, но когда деньги движутся в обратном направлении, клапаны преграждают им путь, вызывая сбой в системе». [16]

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2007 году и до конца еще не преодоленный в наше время, Сорос оценивает как серьезное испытание для мировой капиталистической системы: «Мировая капиталистическая система переживает теперь самое суровое испытание за время своего существования: Азиатский кризис и его последствия. Испытание — это третья фаза цикла подъем - спад. Как и в любом цикле подобного рода, трудно с достаточной степенью определенности предсказать, выдержит ли тенденция испытание или же она резко повернет вспять. В такой ситуации разумно предложить возможные сценарии как успешного, так и неудачного испытания». [16]

Сам Сорос склонен верить в успешный выход мирового капитализма из кризиса, причем за счет отсталых, эксплуатируемых стран и социальных групп. При этом мировая финансовая олигархия упрочит свои позиции и увеличит доходы. «Итак, если мировая капиталистическая система сумеет преодолеть нынешний экономический кризис и выйдет из него победительницей, то в мировой экономике можно предвидеть дальнейшее усиление позиций многонациональных акционерных компаний. Острая конкуренция не позволит им уделять много внимания социальным проблемам. Разумеется, на словах они будут приветствовать такие достойные цели, как защита окружающей среды, особенно когда они имеют дело непосредственно с широкой общественностью, но они окажутся не в состоянии сохранять занятость в ущерб прибыли». [16]

Сам Дж. Сорос озабочен разработкой рецептов спасения мирового, транснационального финансового капитализма и верит в их эффективность. Но это его социально-классовая позиция.

На самом деле, если выйти за пределы узкого интереса финансовой олигархии, есть целый комплекс вполне убедительных аргументов в пользу тезиса об исторической бесперспективности, тупиковости глобального капитализма для человечества в целом.

Одним из самых убедительных аргументов является комплекс не решаемых, а лишь обостряющихся и увеличивающихся в количестве глобальных проблем, несмотря на имеющиеся технические возможности их решения. Главным препятствием на пути их решения является глобальный капитализм, диктатура мировой финансовой олигархии. Именно такие выводы получили в своих исследованиях «За пределами роста: Глобальная катастрофа или стабильное будущее?» (1992) по заказу Римского клуба Д. Медоуз и Й. Рандерс. Справедливо в этом плане замечание Ю. Семенова: «Нельзя спасти человечество, если не поставить рынок под жесткий контроль общества. Свобода рынка в наше время с неизбежностью погубит не только людей, но и все живое на земле». [14, С. 517]

Во-вторых, в системе глобального капитализма сложилось глобальное противоречие между мировыми эксплуататорами и эксплуатируемыми странами, чреватое глобальным взрывом по мере приближения к критическому уровню транснациональной поляризации. Представляет интерес критика современного глобального социального неравенства А. Печчеи: «Иногда приходится слышать совсем уж нелепые утверждения, что сохранение и закрепление существующего неравенства между различными членами человеческого сообщества в распределении силы, власти, богатств, доходов, влияния и возможностей

служит важным фактором разнообразия, гетерогенности всей системы в целом, а это в свою очередь способствует ее устойчивому развитию. Нет, для того чтобы действительно могли цвести сто цветов человечества, *необходимо прежде всего более равноправное общество на всех без исключения уровнях человеческой организации.*

Господствующие ныне законы и правила управления обществом — весьма близкие к законам джунглей — совершенно непригодны для того, чтобы обеспечить развитие массового, и в то же время диверсифицированного, сообщества людей — как групп, так и отдельных личностей, — которое бы действительно позволяло им жить плечо к плечу, невзирая на расовые, идеологические и культурные различия, и оказывать все более активное воздействие на развитие событий. Сегодня это социальное и политическое неравенство — которое было, возможно, допустимо и в силу необходимости приемлемо в предшествующие эпохи — стало абсолютно нетерпимым, а завтра оно может сыграть роковую роль в развитии человечества». [8,С.185]

Совершенно прав А. Печчеи в том, что на современном технологическом уровне развития человечества социальное неравенство недопустимо. «Ведь в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, то без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием *sine qua non* самого существования человеческого общества... Человечество оказалось сейчас перед острой дилеммой. И либо оно сможет обеспечить всем людям планеты этот весьма скромный, но абсолютно необходимый исходный уровень благосостояния и достойной жизни, либо оно рискует оказаться разорванным на части в результате не поддающихся контролю внутренних напряжений». [8,С.187-188]

В-третьих, по признанию самих адептов глобального капитализма, периодически, нарастающие по силе и объему глобальные кризисы выражают саму его природу и делом времени является крах столь нестабильной системы. Так, Дзарасов Р.С. отмечает: «Истоки отрыва финансового сектора от реального, а, следовательно, и современного мирового финансово-экономического кризиса, прослеживаются к самим основам глобального капитализма, к присущей ему специфической форме эксплуатации труда в виде неравноправных отношений центра и периферии». [2]

По мнению многих авторитетных экономистов попытки стабилизировать эту систему мировыми олигархами и одновременно сохранить свое доминирование и даже выиграть на кризисах, напоминают тушения пожара бензином и ведут к ужесточению самых неэффективных параметров глобального капитализма. «Думается, что рано говорить о преодолении мирового кризиса, ведь институциональная природа глобального капитализма никак не изменилась, а массивированное накачивание крупнейших экономик денежной наличностью еще более увеличило задолженность развитых государств мира. Это означает, что кризис, скорее всего, развернется с новой силой после окончания нынешней передышки». [2]

В-четвертых, глобальный капитализм по своей сути не устраивает подавляющую часть населения планеты, обрекаемую им на нищету и постепенное исчезновение, как «лишнего и не нужного» олигархам элемента. И, естественно, глобальный капитализм неизбежно вызывает мощнейшую волну социального сопротивления, которое принимает разнообразный характер, в том числе характер транснациональных конфликтов и столкновений в перспективе ведущих к очередной мировой войне. Наступление на интересы трудящихся, увеличение социальной транснациональной поляризации является для глобального капитализма вообще основным способом выхода из экономических кризисов. Дж. Петрас отмечает: «Кризис капитализма» как таковой был преодолен и превращен в «кризис труда». Финансовый капитал, главный детонатор кризиса, сумел восстановиться, капиталистический класс в целом усилился и, что особенно важно, он сумел использовать созданные в ходе «кризиса» политические, социальные и идеологические условия для дальнейшей консолидации и укрепления своего господства и для усиления эксплуатации

остального общества. Иными словами, «кризис капитала» был конвертирован в стратегическое преимущество. «Кризис» стал мощнейшим ресурсом для продвижения наиболее фундаментальных интересов капитала: увеличения прибылей, консолидации капиталистической власти, роста концентрации собственности, углубления неравенства между капиталом и трудом, а также создания огромных резервов рабочей силы, что опять же послужило дальнейшему росту прибыльности вложения капиталов». [7] Об этом же пишет и П.Н. Симоненко: «Приоритетом для политического истеблишмента стран Запада всегда были и остаются интересы крупного частного капитала. Именно поэтому основной груз экономических проблем элиты государств «золотого миллиарда» всегда пытались переложить на трудящиеся классы в своих странах и население государств капиталистической «периферии».

Для решения этой задачи в ход шел стандартный набор инструментов: помощь избранным олигополистическим группам за счет включения печатного станка, сокращение налогов, при одновременном и резком снижении социальных выплат, оптимизация производств и откровенный протекционизм». [15]

Абсолютно прав Дж. Петрас отмечая по сути циничную и антигуманную сущность современного глобального финансово-олигархического капитализма: «Произошел полный и окончательный разрыв между общественным благосостоянием и деятельностью финансовых структур. Деятельность Уолл-Стрит не несет никакой пользы для общества, банкиры и финансовые спекулянты, обогащая себя, не дают ничего взамен. Капитализм убедительно и неоспоримо доказал, что он процветает благодаря деградации десятков миллионов рабочих и абсолютно глух к бесконечным мольбам о реформах и регулировании. Реально существующий капитализм не может и не желает поднимать уровень жизни простых людей, гарантировать их трудоустройство, предоставить им достойную жизнь без страха и унижений. Капитализм, как мы это наблюдаем всё последнее десятилетие, и как, очевидно, будет в обозримом будущем, находится в полярной оппозиции свободе, равенству, демократическому принятию решений и всеобщему благу. Рекордные прибыли капиталистов начисляются за счет грабежа общественной казны, отъема пенсий и введения в жизнь изуверского принципа «работай, пока не помрешь», за счет разорения большинства семей посредством платной медицины и образования. Более чем когда-либо в новейшей истории широкие слои трудящихся отвергают власть банкиров и корпораций. Неравенство между верхним 1% и остальными 99% населения достигло беспрецедентных размеров». [7]

В-пятых, экономическая паразитическая и нестабильная сущность глобального капитализма порождает такую черту глобальных международных отношений как нарастающая напряженность и несправедливость, неравенство этих отношений. «Американская внешняя политика все более активно прибегает к внеэкономическим методам международной конкуренции. Мы отмечали, что уже тогда в геополитическом арсенале ГосДепа прочно закрепилось стимулирование внутреннего сепаратизма, организация локальных конфликтов и так называемых «цветных революций» в ближайшем пограничье лидеров региона. Одна из основных целей — не допустить стабилизации политических режимов в этих государствах и политически ограничить рост их геоэкономического влияния». [15]

Однако, у современного лидера глобального капитализма - США, стремящегося сохранить глобальное геополитическое господство это плохо получается. В современном мире растут новые геополитические силовые центры, мир движется от «однополярной модели» доминирования Запада во главе с США к многополярной модели. «У мировой экономики появились новые локомотивы роста. Развивающиеся страны, которые не следовали ущербным теориям монетаристов и не увлекались строительством потребительских пирамид, оказались более устойчивы к кризису...

Наряду с укреплением экономических позиций растет и политическая субъектность развивающихся стран. Они все решительнее заявляют о необходимости глубокой реформы мировой политической и финансово-экономической системы, все более жестко ставят вопрос

об усилении своих позиций в рамках ООН, МВФ, ВТО, увеличении роли в урегулировании международных конфликтов и противоречий... Незыблемое благополучие золотого миллиарда оказалось под угрозой. Проект Pax Americana, однополярного мира во главе с единственной сверхимперией США, вплотную приблизился к своему логическому завершению». [15]

Глобальное международное доминирование США, чем более они пытаются его сохранить, тем менее устраивает большинство стран современного мира. Несмотря на все усилия США и их союзников, это доминирование ослабевает. «Экономический кризис лишь ускорил этот процесс, кристаллизовал все накопившиеся проблемы и проявил полную неадекватность сложившейся мировой системы. Стало совершенно очевидно, что политическая и экономическая иерархия мира, основанная на абсолютном доминировании стран «золотого миллиарда» – США и их союзников, больше не отвечает реалиям современности». [15]

В-шестых, у современного глобального капитализма нет ни идеологических, ни социальных, ни политических ориентиров будущего, лишь стремление сохранить статус-кво, господство над миром и сверхприбыли. У кучки мировой финансовой олигархии нет позитивных, гуманистических и конструктивных моделей будущего, но есть «людоедские» неомальтузианские проекты общества технотронного рабства, глобального сокращения населения планеты, не афишируемые, но вполне реальные.

В-седьмых, глобальный капитализм превратил основные принципы капитализма в некие имитации, полностью выхолостив их сущность. Все капиталистические принципы и идеалы давно утратили свой оригинальный смысл и стали или симулякрами, или просто идеологическими мифами. Современный капитализм внутри стран эксплуататоров давно уже разбавлен значительной долей социализма, но используемого на сохранение и укрепление главного в капитализме: глобального доминирования кучки финансовой олигархии.

Подводя итог нашему обзору аргументов исторической несостоятельности глобального капитализма, следует отметить неизбежность его исторического «отрицания», как закономерность его собственного развития. ««Спираль отрицания» глобального капитализма только начинает раскручиваться и не может быть прервана в рамках современного капитализма на основе неоклассических иллюзий. Необходимо обратиться к корню проблемы — специфической форме эксплуатации труда, вытекающей из центрально-периферических отношений и господства «денежного менеджера», т.е. финансового спекулянта». [2]

Историческое отрицание глобального капитализма неизбежно и является лишь вопросом времени и цены, которую заплатит за это человечество, ибо порождаемые этой последней формой капитализма глобальные и локальные противоречия в принципе неразрешимы при ее сохранении, а острота этих противоречий нарастает с критическим ускорением. «Второй глобальный кризис связан с противоречиями капиталистической системы, которые проявились на новом витке развития капитализма. Регулирование капиталистической системы, которое стало применяться государством после первого глобального кризиса, помогало справляться с циклическими кризисами, но для борьбы с глобальным кризисом его оказалось явно недостаточно. Причиной этого стало распространение капитализма на всю планету, что делает невозможным исправление его дисбалансов национальным государством. Кроме того капиталистическая система не может нормально функционировать без постоянного расширения рынков сбыта, которое невозможно, так как она уже расширилась до планетарных масштабов. Следовательно, выходом из второго глобального кризиса может быть либо развал всемирной капиталистической системы с сопутствующими социальными и военными катаклизмами, либо создание человечеством новой социально-экономической системы, которая позволит сделать новый шаг в обобществлении экономики». [5]

Глобальный капитализм никак не справляется с ролью «светлого будущего человечества», и даже с ролью стабильного мира устойчивого развития. Однако,

современный глобальный капитализм, даже осознавая свой исторический крах и исчерпывая все, до самого последнего, ресурсы выживания, безусловно, сам собой не уйдет с исторической сцены. Он готов пойти на крайние меры, вплоть до разжигания глобальной войны, ради самосохранения. Локальные конфликты, разжигаемые лидером современного глобального капитализма – США, по всему миру – потенциальные очаги такой глобальной войны и демонстрация готовности глобального капитализма на самые крайние меры ради сохранения своего господства.

Предельно заостряет постановку проблемы роли современного социализма в истории Ю. Семенов: «На нынешнем этапе развития человечества дальнейшее существование капиталистических рыночных отношений с неизбежностью ставит под угрозу само бытие человека и человеческого общества. Сейчас, в наше время перед мировым человеческим обществом встала альтернатива: либо исчезнет капитализм, но сохранится человечество, либо погибнет человечество и тем самым, конечно, и капитализм. В этом смысле капитализм обречен безусловно, а человечество – условно». [14, С.548]

О глобальном кризисе, в который вступила Западная цивилизация в XX веке, говорил еще П. Сорокин в контексте своей концепции социокультурной динамики. «Рассмотрим подробно диагноз, поставленный Сорокиным современной западной цивилизации.

Общая суть этого диагноза – распад чувственной социокультурной суперсистемы современного западного общества, дезинтеграция чувственной культуры и социальной системы, основанной на чувственной культуре. «Это - кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов. Это – кризис форм социальной, политической и экономической организаций, включая формы брака и семьи. Короче говоря, это - кризис почти всей жизни, образа мыслей и поведения, присущих западному обществу. Если быть точным, этот кризис заключается в распаде основополагающих форм западной культуры и общества последних четырех столетий.»¹ У этого кризиса есть две стороны: 1. кризис ценностей чувственной западной культуры, 2. кризис социальных отношений западного общества. По Сорокину определяющей является первая сторона. Дезинтеграция, распад чувственной культуры, ее основных ценностей ведет к социальной дезинтеграции западного общества». [11, С.170-171]

Глобальный провал капитализма как перспективной модели будущего человечества, очевиден, как в идеологическом, так и в историческом плане. В связи с этим и встает вопрос о том, какая же глобальная модель организации общества может дать человечеству позитивную историческую перспективу? Ответ на этот вопрос очевиден: это коммунистическая модель. Ее общие принципы глубоко гуманистичны и воплощают в себе вековые идеалы человечества: социальное равенство, социальная справедливость, создание условий для действительно свободного и всестороннего развития каждой личности. В Третьей Программе КПСС дано следующее определение коммунизма: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа». [13]

Коммунизм – неистребимая вековая мечта всех угнетенных трудящихся. Однако, между прекрасным идеалом и его реальным воплощением может быть достаточно значительное различие. Поскольку мы говорим не об абстрактном идеале коммунизма, а о

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992, с.429.

практическом опыте его реализации, невозможно обойти вопрос о российской, советской форме коммунизма в XX веке. В связи с этим выстраивается следующая цепочка принципиальных проблем: 1. насколько аутентичен был советский социализм собственно истинному коммунистическому проекту социальной организации (насколько адекватно в СССР были воплощены главные принципы коммунизма), 2. оказался ли эффективным советский социализм в глобальном историческом соревновании с мировым капитализмом? 3. почему советский социализм потерпел столь внезапный и тотальный крах в конце XX века?

Рассмотрим вначале вопрос об аутентичности советского социализма собственно истинному коммунистическому проекту социальной организации.

Основные принципы социализма в СССР на разных стадиях его развития были воплощены с различной степенью аутентичности: наиболее полно были реализованы они в сфере социально-экономической организации: перечислить преимущества социализма: соц. равенство, соц. справедливость, бесплатная медицина, образование, дешевый отдых, соц. мощная защита населения.

Гораздо хуже с их реализацией дело обстояло в области политической организации: вместо подлинной социалистической народной демократии, мы имели фактическую диктатуру партийно-административного аппарата, номенклатуры, создавшей себе на почве фактической монополизации власти массу социальных привилегий и возможностей для злоупотребления властью.

В области идеологической, несмотря на преувеличенную идеологизацию, советский социализм утверждал глубоко гуманистическую духовную культуру и нравственность.

Оказался ли эффективным советский социализм в глобальном историческом соревновании с мировым капитализмом? Он оказался совершенно эффективным во всех прямых столкновениях с мировым капитализмом. Советский социализм выстоял после Октябрьской революции в условиях разрухи и одержал победу в Гражданской войне. Затем за двадцать лет советский социализм создал из разрушенной отсталой страны мощнейшую геополитическую силу. Советский социализм победил в глобальном военном конфликте с фашизмом и спас не только Россию, но и все человечество от коричневой чумы.

Советский социализм сумел быстро восстановиться от военных потерь и разрушений СССР в Великой отечественной войне и добиться геополитического паритета с США, в науке и технологиях предотвратив новую мировую войну с использованием ядерного оружия. Он сумел создать мировую социалистическую систему государств, на альтернативных капиталистическому мировому порядку основах международных отношений: подлинно дружественных, социалистических и гуманистических.

Почему же советский социализм потерпел столь внезапный и тотальный крах в конце XX века? Это поражение даже для некоторых западных специалистов оказалось странным и неожиданным. «Так спокойно и бесшумно, как советская супердержава, не сходила с исторической сцены ещё ни одна мировая суперсила. При этом она не была ни побеждена, ни ликвидирована, и её коллапс произошёл в разгар внутренних реформ и внешней разрядки, в наиболее мирный для Европы и всего мира период 20-го столетия. Ещё летом 1989-го, когда в Польше прошли первые полусвободные выборы и беженцы из ГДР штурмовали границу Венгрии, никто из обществоведов и политиков не мог и предположить, что «супердержава Востока» и её союзники по «соцлагерю» через каких-то два года перестанут существовать». [3]

Тем не менее, сложились две основные версии о причинах внезапного глобального исторического краха советского социализма. Первая версия, наиболее популярная на Западе и среди современных российских либералов, считает, что принципиальная внутренняя порочность, противоречивость и неэффективность всей социальной системы советского социализма привела к проигрышу экономического соревнования с США и Западом, а затем последовал политический и идеологический крах. В этом смысле типичной является позиция, например, Й. Арнасона, который утверждает: «Советская модель предстает как

иррациональная экономическая система, банкротство которой стало очевидным, когда были исчерпаны возможности отклонений от нее в экономической и политической сферах». [1,С.31] Внутренние противоречия советской системы, связанные с попыткой соединить противоположные и несовместимые цивилизационные основы: западные и восточные, российские привела к краху СССР. Однако, затем, противореча самому себе, Арнасон фактически признает решающую роль в крахе советского социализма ошибочной политики реформ правящей КПСС: «Самоликвидация советского имперского центра выглядела наиболее эффективно и имела решающее значение. В данном случае проект политических реформ, призванный рационализировать и цивилизовать имперские властные структуры, породил дезинтеграционный процесс, который вскоре вышел из-под контроля. Стратегия системной адаптации была подорвана невниманием к некоторым проблемам (как динамика наций и национализма) и непоследовательным подходом к другим (особенно в экономической сфере)». [1,С.32]

Доминирующую на Западе версию о неизбежном падении советского социализма некоторые западные же специалисты справедливо называют идеологическим мифом. «Падение коммунизма стало частью истории. Между тем становится ясно, что распространенная на Западе идея о неотвратимости победы над монолитным, неэффективным и деспотическим коммунизмом не более чем миф. В свое время сама внезапность и очевидная тотальность падения восточноевропейских режимов воспринималась многими как подтверждение того, что жизненно важные органы коммунистической системы оказались изъедены какими-то обширными язвами, приведшими к летальному исходу». [6]

Сам Марк Олмонд не без веских оснований указывает на негативную роль лидера КПСС М. Горбачева и на отчуждение КПСС не только от советского народа и общества, но и от социально-экономической и политической реальности: «Один из возможных ответов на вопрос, почему коммунисты не приняли жестких мер, состоит в том, что партия утратила ощущение своей легитимности. Это действительно так, но кто лишил членов партии их иллюзий? Уж конечно не горстка запуганных диссидентов. Ничего нового не было и в том, что миллионы членов партии оказались карьеристами, – они всегда были таковыми, по крайней мере в Центральной Европе. Нет, винить (или восхвалять) за то, что воля коммунистов к власти оказалась парализованной, нужно их верховного жреца. К крушению коммунизма привели горбачёвские гласность и перестройка... Настоящая тайна заключается в том, почему Горбачёв отказался от патента на власть, проверенного и испытанного во множестве разных стран по всему миру.

В результате действий Горбачёва большая часть коммунистов утратила веру в себя. Однако использование аналогии с религией для объяснения того, почему коммунисты отдали богу душу, может ввести в заблуждение. В конце концов, Коммунистическая партия – это не культовое сообщество хиппи, основанное на преклонении перед харизматичным лидером, привлекательным для нескольких психологически незащищенных типов. Это – бюрократия, состоявшая из миллионов посредственностей, многие из которых занимали крепкие позиции. Тем не менее даже самой своекорыстной клике требуется некий скрепляющий ее идеологический цемент. Отказ от идеологии оказался крупной ошибкой Горбачёва. «Сближение» он сделал главной темой своих выступлений. Вспоминая недавнее 70-летие большевистской революции и приближавшуюся 200-летнюю годовщину взятия Бастилии, он заявил, выступая с трибуны ООН в декабре 1988 года, что мировая политика должна руководствоваться общечеловеческими ценностями.

На самом же деле стабильность системы требовала изолировать ее от контактов с Западом. Поверив, что система должна конкурировать на западных условиях и при этом пытаться в какой-то степени сохранить свое влияние, Горбачёв и КГБ совершили ряд катастрофических промахов и нарушили стабильность застоя, не принеся взамен никаких реальных преимуществ. Таким образом, затруднительные обстоятельства, в которых оказался Горбачёв, были созданы им самим». [6]

Вторая версия объяснения краха советского социализма считает, что этот крах был вызван сочетанием двух основных причин. Первая причина: многолетняя подрывная, холодная война Запада (начавшаяся сразу после Второй мировой войны в соответствии с «планом Даллеса»), направленная на перерождение и разложение правящей коммунистической бюрократии, которая увенчалась успехом к 70-м-80-м годам XX века (и именно переродившаяся коммунистическая бюрократия, подпавшее под прямое и косвенное влияние Запада, стала основным организатором демонтажа социализма в СССР).

Вторая причина – внутренняя управленческая деградация правящей коммунистической элиты, неспособность ее к совершенствованию социализма, накопление противоречий роста социализма и развитие ростков антисоциалистического уклада: криминальной теневой экономики, срастившей с партийной элитой. Все это и привело фактически к антикоммунистическому перевороту, проведенному предательски переродившейся партийной элитой. «Отсутствие реальной обратной связи с народом, полная бесконтрольность партийной номенклатуры вела к построению бюрократизированной системы власти, для которой характерны страшные системные пороки: - клановость, превращение партийных чиновников в особую привилегированную касту, фактически монополизировавшую власть и превратившую ее в способ существования, - непомерная роль личности вождя, чреватая политическим волюнтаризмом, - выдвижение на вершины власти интеллектуальных ничтожеств и нравственных перерожденцев, - криминализация власти (использование партийными чиновниками власти для личного обогащения) и т.п. Все это в целом вело к умственной и нравственной деградации и перерождению правящей касты, монополизировавшей власть и превратившей политическую жизнь в грызню партийных чиновников за власть и привилегии. Нарастало лицемерие деградирующей и переродившейся партийной власти, углублялось противоречие между ее подлинными интересами и показными социалистическими ценностями и интересами страны и народа, а также противоречие между декоративной советской социалистической демократией и реальной циничной партийно-чиновничьей диктатурой.

Эти негативные процессы рано или поздно должны были достичь своей критической точки, на которой пороки бюрократической диктатуры партии должны были вступить в антагонистическое противоречие с интересами страны и народа. Перед правящей партией встал выбор: или внутреннее реформирование, реальная демократизация или смена политической системы в направлении ликвидации социализма и утверждения откровенной, но уже не партийной и не социалистической чиновничье-бюрократической номенклатурной диктатуры». [9,С.48]

Для СССР и российской цивилизации крах советского социализма и последующие разрушительные рыночные реформы оказались глобальной исторической катастрофой. Прежде всего реформы оказались разрушительными для российской экономики. «Реальными результатами экономических реформ стали: 1.глобальный кризис экономики и падение промышленного и сельскохозяйственного производства, 2.качественное падение уровня жизни и доходов населения при гигантском социальном расслоении, 3.выстроенная в итоге реформ экономическая система – это сырьевой придаток мировой капиталистической системы, с разрушенным внутренним высокотехнологическим промышленным производством, с неконкурентоспособным сельским хозяйством, 4.импортозависимость, 5.отсутствие продовольственной независимости и безопасности. В итоге реформ разрушены высокотехнологичные отрасли производства и легкая промышленность...

Наша экономика, усилиями реформаторов, вписанная в мировую капиталистическую систему на правах бедного родственника или эксплуатируемого сырьевого придатка, не может сегодня ни обеспечить населению хотя бы минимальный достойный уровень жизни, ни обеспечить население промышленными и продуктовыми товарами. Разрушена значительная часть высокотехнологических производств и промышленного потенциала. Основные фонды и социальные инфраструктуры изношены до критического уровня. Мы живем только за счет цены на нефть. Ее обвал приведет к экономической катастрофе...

Нужно признать, что построение капитализма в России провалилось и привело экономику России к перманентному экономическому кризису и деградации. Ущерб, нанесенный экономике страны капиталистическими реформами, сопоставим с ущербом, понесенным в годы Великой отечественной войны. Никаких позитивных перспектив при сохранении нынешней криминализованной псевдорыночной, спекулятивной, коррупционной экономической системы у России нет». [9,С.222-223]

Особенно катастрофическими оказались итоги неудачного внедрения капитализма в России в области социальных отношений. «В социальной сфере вместо роста благосостояния всего населения страны, вместо количественного преобладания среднего класса, вместо государственных гарантий социальных прав трудящихся, реформы привели к прямо противоположным результатам. С одной стороны, мы имеем большую часть населения страны, живущую в беспросветной бедности и нищете, а с другой стороны – жирующих олигархов и коррупционеров-чиновников. С большим сожалением мы должны признать, что и сегодня в России остаются все признаки негативной социальной ситуации, порожденной и постоянно воспроизводимой современной капиталистической системой: 1.критическое социальное расслоение между богатыми и бедными (разрыв в доходах составляет даже по официальным оценкам 15-16 раз); 2.высокий процент безработных (сегодня это около 10%); 3.бесперспективная нищета или бедность значительной части населения (по разным оценкам от 30% и выше); 4.качественно ограниченные социальные права граждан и государственные гарантии этих прав. Система критического социального неравенства и сверхэксплуатации народа, существующая в современной России чревата социальным взрывом и крайне нестабильна». [9,С.223-224]

Демографические итоги реформ просто ужасают: «В области демографии фактическим итогом реформ стали депопуляция и падение физического здоровья населения. Факты демографической статистики говорят о том, что современные российские реформы, независимо от тайных и явных целей и обещаний реформаторов, нанесли России демографический ущерб, сопоставимый с потерями в Великой отечественной войне и привели страну в ситуацию систематической депопуляции». [9,С.225]

Наконец в области политической системы, капиталистические реформы не на один порядок увеличили степень отчуждения власти от народа, стимулировали дальнейшую интеллектуальную и нравственную деградацию управленческой элиты и ее социальный паразитизм. «Общий итог политических реформ в России за двадцать лет состоит в переходе от советской социалистической партийно-номенклатурной системы к буржуазной чиновничье-номенклатурной олигархической диктатуре, рядящейся в «демократию», но являющейся, по сути, политической системой, не отвечающей интересам народа и страны, ведущей страну в пропасть. Все бесконечные и непрерывные ее модернизации не смягчили, а лишь усугубили роковые критические пороки действующей политической системы криминально-бюрократической олигархической диктатуры: 1.антидемократизм, 2.полную социальную бесконтрольность и антинародность, 3.социальную пустоту, 4.тотальную и неискоренимую коррупцию, 5.деградацию качества чиновников и управления под разговоры о правительстве профессионалов, 6.отсутствие адекватных программ и планов социального развития, 7.чуждость интересам народа и страны, 8.паразитизм и плохое управление (ручное деструктивное управление). Эта система обслуживает свои собственные интересы и интересы кучки олигархов и держит народ в безысходной нищете». [9,С.224]

В свете исторического провала советского социализма, независимо от его причин, логично поставить вопросы: имеет ли перспективы коммунизм сегодня? Или же крах советского социализма и выстроенной им мировой социалистической системы стал окончательными похоронами самой идеи коммунизма и доказательством его неэффективности? Может ли стать коммунистическая реорганизация общества выходом для современного человечества из глобального исторического тупика?

Крах советского социализма был искусственным, но внутренне обусловленным его несовершенством, тем, что в нем недостаточно полно были реализованы принципы

социализма, а не тем, что принципы социализма оказались порочными по сути. Именно искажение принципов социализма и привело советский социализм к краху. Но исторический опыт советского социализма показал, что только социализм может быть позитивной социальной перспективой человечества в XX веке, что именно социализм может дать эффективное решение всего комплекса глобальных проблем. В то же время, глобальное соревнование социализма и капитализма в XX веке, закончившееся после временного исторического поражения СССР, установлением глобального транснационального капитализма с временным и неэффективным доминированием США и мировой финансовой олигархии, доказывает нам сегодня, что современный коммунизм может быть только глобальным и, что для окончательной победы над глобальным капитализмом он должен быть цельным, т.е. аутентичным воплощением всей системы принципов коммунистической социальной организации.

Вопреки заветной мечте современных мировых олигархов коммунизм отнюдь не умер. Идеи коммунизма актуальны в странах, находящихся в разряде современных мировых эксплуатируемых. Идеи коммунизма актуальны и в передовых социальных кругах стран «золотого миллиарда». «Марксистские идеи снова начинают проникать к нам с Запада. Оказывается, все это время они эволюционировали и вдохновляли разношерстных новых левых — от академических интеллектуалов до революционеров из народа, ведущих национально-освободительную борьбу в странах третьего мира. Студенты, бунтовавшие в 1968 году, стали профессорами и воспитывают новое поколение в духе своих идеалов. Сегодня быть правым стыдно и в европейской, и даже в американской интеллектуальной среде; умеренная левизна стала там нормой, хотя это и не всегда «настоящий» марксизм, что бы это ни значило.

Новейшие левые изучают Маркса, но гораздо больше они увлечены новейшими прогрессистскими идеями. На повестке дня у них — и прямая «электронная» демократия, и сетевая экономика, и «антикопирайт», и противостояние иерархической глобализации в интересах транснациональных корпораций, и безусловный основной доход для всех как средство спастись от безработицы и заняться свободным творческим трудом в наступающую эпоху роботизации. После кризиса 2008 года стало быстро расти и число сторонников большего контроля над банками и корпорациями, резкого повышения налогов на богатых, борьбы за сохранение социальных завоеваний в условиях вынужденного сворачивания социальных стандартов». [4]

Идеи коммунизма актуальны и в России: их придерживается, правда, пока только на словах КПРФ. На них спекулируют буржуазные партии российского парламента – ЛДПР и «Справедливая Россия». Даже правящая партия «Единая Россия» использует в своей политической риторике некоторые идеи коммунизма.

Идеи глобального коммунизма как решение глобальных проблем человечества обнаруживаются в ранних исследованиях западных экспертов «Римского клуба». О коммунистических способах решения все более обостряющихся глобальных финансовых и экономических кризисов говорят многие серьезные западные эксперты и ученые.

В современном мировом коммунистическом движении множество проблем. Оно дезорганизовано и не монолитно. Оно слабо организовано и плохо обеспечено во всех отношениях. Оно находится в очевидном политическом кризисе. Однако, оно практически вездесуще, и любое резкое, критическое ухудшение глобальной ситуации в мире, или внутренней ситуации в его отдельных регионах, легко может запустить процессы его самоорганизации в эффективную политическую силу.

Главное условие для возрождения творческого социального потенциала коммунизма – разработка современной теории научного коммунизма на основе критического переосмысления теоретической и социальной истории коммунизма. Современный научный коммунизм должен разработать эффективную модель глобальной социальной организации общества на основе современных и перспективных технологий и принципов коммунизма.

Эта теория станет знаменем прогрессивного человечества на пути к будущему, обретением нового смысла истории, возрождением исторического прогресса.

Однако, история многовариантна. Какие же альтернативы будущего дает нам начало XXI века? П. Сорокин говорил в свое время о двух альтернативах. «Сорокин заявляет, что ни одна культура не может бесконечно долго оставаться в состоянии дезинтеграции. Следовательно, современная дезинтеграция западной чувственной культуры должна смениться новой идеациональной интеграцией. Во-вторых, эклектическая социокультурная смесь Запада и Востока, возникающая в результате их взаимного влияния, не может существовать бесконечно долго и должна смениться новой социокультурной интеграцией. Сорокин заключает свой анализ позитивного прогноза мирового социокультурного развития общим выводом, содержащим главную историческую альтернативу нашего времени: «Если в настоящем и ближайшем будущем новый и великий объединенный социокультурный порядок не будет установлен на Востоке или на Западе, или среди человечества в целом, это будет означать конец творческой миссии человека на планете, деградацию и регресс всех «исторических народов» до уровня нетворческих «неисторических» человеческих орд, обреченных в конечном счете на гибель».¹ С высоты прошедшего после этого альтернативного прогноза исторического развития человечества, мы должны констатировать, что не пока что реальная история не подтвердила ни позитивной, ни негативной альтернативы, обозначенных Сорокиным.»[12,С.135]

Сегодня, нам кажется, основных альтернатив всего три, и лишь одна из них позитивная. Первая альтернатива, достаточно подробно рассмотренная нами в начале статьи - гибель человечества в результате деградации глобального капитализма. Вторая альтернатива – выстраивание современной мировой олигархией глобальной системы общества технотронного рабства, предполагающей радикальное сокращение численности населения планеты. Что хуже из этих двух альтернатив – дело вкуса, но обе они не приемлимы с позиций гуманизма.

Единственная позитивная альтернатива – такая качественная глобальная перестройка современного общества внутри отдельных стран, а также трансформация современного мирового экономического, политического и духовного порядка, которая, по своей сущности, может быть названа глобальным коммунизмом, т.е. торжеством коммунистических принципов социальной организации во всемирно-историческом масштабе. Глобальный коммунизм, безусловно, является единственной позитивной и конструктивной альтернативой человечества в XXI веке.

Пока не создано целостной современной теории глобального коммунизма. Но мы считаем, что, во-первых, необходимость ее разработки диктуется особенностями современной критической ситуации, в которую завел мир современный глобальный капитализм. Во-вторых, существует достаточно большое количество самых разнообразных теоретических источников и предпосылок для разработки современной теории глобального коммунизма. Его идеи буквально носятся в воздухе. Эти идеи в различном виде получают отражение в работах самых разных социальных мыслителей и политических и экономических деятелей. Практически, эти элементы теории глобального социализма диктуются всем комплексом глобальных проблем, порожденных современным глобальным капитализмом, как набор принципиальных и эффективных решений этих проблем.

Так, например, А. Печчеи, не используя термина «коммунизм», фактически предлагает коммунистическую программу решения глобальных проблем, формулируя ее как программу нового, современного гуманизма. «Мы сейчас находимся лишь в самом начале процесса глубоких эволюционных изменений и должны сами позаботиться о том, как направить его дальнейшее развитие и расширение. Человек подчинил себе планету и теперь должен научиться управлять ею, постигнуть непростое искусство быть лидером всей жизни на Земле. Если он найдет в себе силы полностью и до конца осознать всю сложность и

¹ Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. – М.,1997, С.107.

неустойчивость его нынешнего положения и принять па себя всю ответственность, которая отсюда проистекает, если он сможет достичь того уровня культурной зрелости, который позволит ему выполнить эту его нелегкую миссию, тогда будущее принадлежит ему. Если же он падет жертвой своего же собственного внутреннего кризиса и не справится с высокой ролью защитника и главного арбитра жизни на планете, что ж, тогда ему суждено стать свидетелем того, как станет резко сокращаться число ему подобных, а уровень жизни вновь скатится до отметки, пройденной уже несколько веков назад.

Только новый гуманизм способен обеспечить в человеке такую трансформацию, поднять его качества и возможности до уровня, соответствующего его новой возросшей ответственности в этом мире.

Этот новый гуманизм должен быть не только созвучен приобретенному человеком могуществу и соответствовать изменившимся внешним условиям, но и обладать той стойкостью, гибкостью и способностью к самообновлению, которая позволила бы ему регулировать и направлять развитие всех современных революционных процессов и изменений в промышленной, социально-политической, научной и технической областях. Поэтому и сам этот новый гуманизм должен носить *революционный характер*. Он должен быть таким творческим и убедительным, чтобы радикально обновить, если не полностью заменить, кажущиеся ныне незыблемыми принципы и нормы, способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций — духовных, философских, этических, социальных, эстетических и художественных». [8,С.181-182]

Принципы нового гуманизма, предлагаемые Печчеи, по своей сути совпадают с принципами коммунизма: 1.социальное равенство, 2.справедливость, 3.всесторонне и свободное развитие каждой личности. «Ведь в сущности, если смотреть на будущее в долгосрочной перспективе, то без справедливости нет и не может быть никакого стабильного мира или безопасности, никакого социального развития, никакой свободы личности, человеческого достоинства или приемлемого качества жизни для всех. Справедливость становится, таким образом, в новую эпоху условием *sine qua non* самого существования человеческого общества... Я считаю, что некий *гарантированный минимальный уровень жизни должен стать неотъемлемым правом любого родившегося на свет гражданина*. Такой *социальный минимум*, исходящий из учета человеческих потребностей в пище, жилье, медицинском обслуживании, образовании, информации, коммуникациях, средствах передвижения и, возможно, еще в каких-то дополнительных благах будет, по-видимому, зависеть от конкретных климатических условий и традиций данного региона, сложившихся привычек и образа жизни. Этот минимум должен, конечно, быть оправданным с физиологической точки зрения и способствовать культурному развитию личности — он должен стать нормой достойной человека жизни, а не жалкого ущербного существования на грани допустимого уровня. Следовательно, он должен быть существенно лучше тех условий, в которых прозябают сейчас миллионы мужчин и женщин, принадлежащих к так называемым маргинальным слоям населения». [8,С.187]

Конечно, существует попытка найти третий путь, или альтернативу всемирной истории. Защитники современного глобального капитализма, во-первых, никогда не признают сформулированную нами альтернативу. Они, во-вторых, настойчиво пытаются доказать, что, несмотря на все проблемы, именно глобальный капитализм является перспективной социальной системой. Его стабильность и выживание обеспечиваются некоторыми модернизациями. Так, например, Дж. Сорос, обсуждая перспективы глобального капитализма, предлагает целый комплекс «спасительных» мер.

Главная идея этого комплекса состоит в том, чтобы восстановить во всей чистоте классические ценности и принципы капитализма. Правда, констатируя отход современного капитализма от этих принципов, Сорос не предлагает никаких реальных путей их восстановления. Весь проект экономического лечения современного кризиса глобального капитализма по Соросу фактически сводится к косметическим мерам, которые приведут лишь к увеличению транснациональной социальной поляризации, а также реальной власти и

доходов мировой олигархии. Так, например, Сорос уповает на развитие хеджевых фондов, т.е. фондов, ориентированных на максимизацию доходности и минимизацию рисков доходности. Причем, эти фонды обычно не ограничиваются нормативным регулированием, либо подвержены более слабому регулированию, недоступны широкому кругу лиц и управляются профессиональным инвестиционным управляющим. Хеджевые фонды гарантируют оптимизацию прибылей олигархов в условиях мирового финансового кризиса. Понятно, почему за них, как за спасительный рецепт хватается мировой олигарх Сорос. Но это никак не связано с исправлением качественных пороков глобального капитализма. Напротив, это лишь их усугубляет.

В сфере транснациональных отношений, Сорос стыдливо замалчивает ключевой факт транснациональной эксплуатации, но признает факт неэффективного современных устройства международных отношений. Главный их порок он видит в том, что свобода движения капитала не подкреплена свободой вмешательства в политическую жизнь и суверенитет других государств, т.е. в недостаточной открытости государств для прямого политического вмешательства глобализаторов. «Демократические государства устроены в соответствии с принципами открытого общества — по меньшей мере в принципе. Кодекс поведения существует в форме законов, которые можно корректировать и улучшать с учетом обстоятельств. Государство находится под контролем общества, а не над законом. Не хватает лишь верховенства международного права. Как его обеспечить? — Только путем сотрудничества демократических государств, контролируемых обществом внутри страны. Им придется отказаться от части своего суверенитета, чтобы добиться верховенства международного права, и изыскать пути заставить другие государства сделать то же самое. В принципе, это звучит хорошо, но следует считаться с непредвиденными последствиями. Вмешательство во внутренние дела другого государства всегда чревато опасностью, но отказ от вмешательства способен причинить еще больше вреда». [16]

Т.е. мировой олигарх мечтает в принципе ограничить политический суверенитет эксплуатируемых стран, и это естественно для него, т.к. при этом он получит лучшие условия для своей экономической свободы эксплуатации периферийных стран современного мира под видом предотвращения в них кризисов и содействия их развитию.

Весь комплекс мер, предлагаемых Соросом по оптимизации транснационального, глобального капитализма, не разрешает его принципиальные противоречия и даже не смягчает, а усугубляет их. Поэтому, общая тенденция совершенствования глобального капитализма в духе Сороса есть замаскированная смягченная версия увековечения глобального капитализма, что совершенно невозможно с точки зрения логики истории.

В качестве примера третьего среднего пути между капитализмом и коммунизмом можно привести предложения Лунина. Свой проект Лунин называет консорцизмом. В области экономической системы консорцизм означает «условную собственность» на средства производства: «для преодоления свойственных капитализму системных изъянов необходимо создать новый вид собственности на средства производства. Им станет условная собственность на средства производства. Её отличием станет разделение принадлежности функций собственности, к которым относятся владение, пользование, распоряжение. Средства производства не могут принадлежать частному собственнику, так как капитал любого предприятия возрастает за счет труда всех работников компании и оплаты произведенного продукта потребителем, то есть обществом. Следовательно, верховным собственником средств производства может быть лишь высший суверен, то есть народ...

Вместе с тем народ как совокупность не может осуществлять пользование средствами производства в связи со сложностью управления предприятием. На это способны либо государство, либо частные лица, которые в состоянии управлять процессом развития предприятия, но так как корпорации будут принадлежать народу, то определенная часть капитала в зависимости от величины корпорации будет передаваться во временное пользование гражданам, которые выполняют необходимые для этого условия...

Распоряжение капиталом любой компании не может происходить по воле частных учредителей или правительства, так как верховным владельцем их является народ. Поэтому распоряжаться судьбой общественной компании путем покупки-продажи активов или слияния компаний, где часть капитала получают граждане, частные учредители или правительство получают только после экспертной оценки такого решения независимым государственным органом, который поможет предотвратить идущие в ущерб интересам народа сделки.

Таким образом, владение средствами производства будет общественным, пользование частным, а распоряжение ограничено государством». [5]

В области политической организации Лунин предлагает преодолеть отчуждение власти от народа: «Решить её возможно только в результате создания нового общественного строя – консорцизма. Средством решения проблемы отчуждения народа от собственности и власти станет инструмент условной собственности, которая станет предоставляться гражданам при выполнении определенных законодательством условиях. В силу того, что верховное право на владение средствами производства будет принадлежать народу, то она соответственно не может передаваться по наследству и продаваться. Условный собственник получит лишь право пользования собственностью, что предотвратит концентрацию собственности в руках узкого слоя лиц. Благодаря такому распределению широкие массы населения станут владельцами части средств производства, что позволит преодолеть отчуждение народа от собственности. В свою очередь это позволит преодолеть отчуждение народа от власти, так как став собственником гражданин с помощью системы заслуженности прав подкрепленных материальными возможностями сможет непосредственно влиять на процесс принятия решений государством». [5]

Комментируя предложение Лунина, не требуется детальной критики идеи «условной собственности», чтобы понять ее утопизм как альтернативного третьего пути между коммунизмом и капитализмом.

В заключение резюмируем нашу авторскую позицию: современный глобальный капитализм не имеет позитивной исторической перспективы в XXI веке, более того, он губителен для человечества, и, в частности, для российской цивилизации. Единственной позитивной всемирно-исторической альтернативой глобальному капитализму может быть только глобальный коммунизм. Разработка современной целостной, фундаментальной научной теории глобально коммунизма является приоритетной задачей современных прогрессивных мыслителей.

Литература

1. Арнассон, Й. Коммунизм и модерн [Текст] / Й. Арнассон // Социологический журнал. - 2011. – № 1.
2. Дзарасов, Р.С. Кризис капитализма и общественный строй новой России [Текст] / Р.С. Дзарасов // Полис (Политические исследования). – 2011. – №4. – С.41-59.
URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/4/4.pdf>
3. Кёнен, Г. Чем был коммунизм? [Электронный ресурс] / Г. Кёнен. – Режим доступа: <http://urokiistorii.ru/history/soc/51421>
4. Лейбин, В. Назад, к победе коммунизма! [Электронный ресурс] / В. Лейбин, А. Константинов, М. Рогожников. – Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2015/16/nazad-k-pobede-kommunizmai/
5. Лунин, М. Альтернатива капитализму [Электронный ресурс] / М. Лунин. – Режим доступа: <http://politobzor.net/show-40561-alternativa-kapitalizmu.html>
6. Олмонд, М. Если бы коммунизм не рухнул [Электронный ресурс] / М. Олмонд. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6553
7. Петрас, Д. Глобальный кризис капитализма: кто страдает, а кто гребет барыши? [Электронный ресурс] / Д. Петрас. – Режим доступа: <http://petras.lahaine.org/?p=1887>

8. Печчеи, А. Человеческие качества [Текст] / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1980. – 302 с.
9. Поломошнов, А.Ф. Российские реформы на рубеже тысячелетий [Текст] / А.Ф. Поломошнов, Н.В. Сапрыкина, Л.А. Чернобродова, В.Г. Корнев, Л.И. Захарова. – п. Персиановский : Донской ГАУ, 2009. – 246 с.
10. Поломошнов, А.Ф. Философия и современный мир [Текст] : Курс лекций / А.Ф. Поломошнов, И.М. Лаврухина, П.А. Поломошнов. – пос. Персиановский, 2015.
11. Поломошнов, П.А. Интегральная парадигма социальной философии П. Сорокина [Текст] / П.А. Поломошнов. - Персиановский: Донской ГАУ, 2009. – 227 с.
12. Поломошнов, П.А. Интегрализм как способ преодоления фрагментации современного социального знания [Текст] : дис. ... кандидата философских наук / П.А. Поломошнов ; Донской государственный технический университет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 188 с.
13. Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/062.htm
14. Семенов, Ю.И. Философия истории [Текст] / Ю.И. Семенов. – М. : Современные тетради, 2003. – 776 с.
15. Симоненко, П.Н. Кризис глобального капитализма и риски новых конфликтов [Электронный ресурс] / П.Н. Симоненко. – Режим доступа: www.kpu.ua/uploads/2009/07/krizis_globalnogo_kapitalizma.doc
16. Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности [Электронный ресурс] / Дж. Сорос ; пер. с англ. – М. : ИНФРА-М, 1999. – 262 с. – Режим доступа: <http://capitalizm.narod.ru>

References

1. Arnasson Y. Kommunizm i modern [Communism and modern] //Sotsiologicheskii zhurnal. - 2011. - № 1.
2. Dzarasov R.S. Krizis kapitalizma i obshchestvennyy stroy novoy Rossii [The crisis of capitalism and the social system of the new Russia] //Polis (Politicheskie issledovaniya). – 2011. - №4. - S.41-59. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/4/4.pdf>
3. Kenen G. Chem byl kommunizm? [What was communism?] URL: <http://urokiistorii.ru/history/soc/51421>
4. Leybin V., Konstantinov A., Rogozhnikov M. Nazad, k pobede kommunizma! [Back to the victory of communism!] URL: http://expert.ru/russian_reporter/2015/16/nazad-k-pobede-kommunizma/
5. Lunin M. Al'ternativa kapitalizmu [The alternative to capitalism] URL: <http://politobzor.net/show-40561-alternativa-kapitalizmu.html>
6. Olmond M. Esli by kommunizm ne rukhnul. [If communism did not collapsed.] URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_6553
7. Petras D. «Global'nyy krizis kapitalizma: kto stradaet, a kto grebet baryshi? [The global crisis of capitalism: who are suffering and who rows profits?] URL: <http://petras.lahaine.org/?p=1887>
8. Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. [Human qualities]– М.:Progress,1980. – 302 с.
9. Polomoshnov, A.F., Saprykina, N.V. i dr. Rossiyskie reformy na rubezhe tysyacheletiy. [Russian reforms at the turn of the millennium.] /A.F. Polomoshnov, N.V. Saprykina, L.A. Chernobrodova, V.G. Kornev, L.I. Zakharova. – p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. – 246 с.
10. Polomoshnov A.F., Lavrukhina I.M., Polomoshnov P.A. Filosofiya i sovremennyi mir: Kurs lektsiy [Philosophy and the Modern World: Lectures] / pos. Persianovskiy, 2015.
11. Polomoshnov P.A. Integral'naya paradiigma sotsial'noy filosofii P. Sorokina. [Integral paradigm of social philosophy Sorokin.] - Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. -227 с.

12.Polomoshnov, P.A. Integralizm kak sposob preodoleniya fragmentatsii sovremennogo sotsial'nogo znaniya. [Integralism as a way to overcome the fragmentation of contemporary social knowledge.] Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filosofskikh nauk /Donskoy gosudarstvennyy tekhnicheskuy universitet. Rostov-na-Donu, 2009. - 188 s.

13.Programma KPSS. Prinyata XXII s"ezdom KPSS. [The CPSU Program. Adopted by the XXII Congress of the CPSU] URL: http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/062.htm

14.Semenov Yu.I. Filosofiya istorii. [The philosophy of history.] - M: Sovremennye tetradi, 2003, - 776 s.

15.Simonenko P.N. Krizis global'nogo kapitalizma i riski novykh konfliktov [The crisis of global capitalism and the risk of new conflicts] URL: www.kpu.ua/uploads/2009/07/krizis_globalnogo_kapitalizma.doc

16.Soros Dzh. Krizis mirovogo kapitalizma. Otkrytoe obshchestvo v opasnosti. [The crisis of world capitalism. Open society is in danger.] //Per. s angl. - M.: INFRA-M, 1999. - 262 s. URL: <http://capitalizm.narod.ru>

Поломошнов Андрей Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет».

УДК 945.05

НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ МАКИАВЕЛЛИ

Курилкин О.А.

В статье анализируется позиция Н. Макиавелли по проблеме насилия в политике. Автор отмечает, что Макиавелли не поощряет жестокость и насилие, но считает, что в политической жизни без нее не обойтись. Однако к жестокости нужно прибегать для того, чтобы не допустить большего зла или за тем, чтобы принести пользу большинству.

Ключевые слова: Макиавелли, политика, насилие, власть.

VIOLENCE AND NONVIOLENCE IN POLITICAL VIEWS MACHIAVELLI

Kurilkin O.A.

The article analyzes the position of Machiavelli on the problem of violence in politics. The author notes that Machiavelli does not encourage cruelty and violence, but believes that it cannot do without in the political life. However, by the cruelty, we need to resort to in order to avoid a greater evil or in order to benefit the most.

Keywords: Machiavelli, politics, violence, power.

Проблема насилия и ненасилия проходит практически через все творчество Макиавелли. Но особенно она затрагивается в его трактате «Государь». В восьмой главе этой работы, озаглавленной: «О тех, кто приобретает власть злодеяниями», Макиавелли размышляет о том способе сделаться государем, который не сводится ни к милости судьбы, ни к доблести. То есть, он говорит о тех ситуациях, когда человек достигает верховной власти путем преступлений. Макиавелли приводит два примера, в качестве первого примера он называет сицилийца Агафокла, который стал царем Сиракуз, хотя был беден и вышел из незнатного рода. Агафокл вел бесчестную жизнь, но отличался высокой силой духа, и со временем, вступив в армию, добился там высокого звания. Получив его, он вознамерился сделаться правителем Сиракуз и, созвав однажды утром граждан в сенат, для решения якобы

важного дела, подал условный знак своим солдатам, которые перебили всех сенаторов и самых богатых жителей города. После этого действия Агафокл, отмечает Макиавелли, властвовал, не встречая никакого сопротивления со стороны граждан. И даже после того, как его дважды разбили карфагеняне, он не потерял свою власть.

Макиавелли подчеркивает, что Агафокл ничего не получил просто так, по милости судьбы. Он достиг власти не под чьим-нибудь покровительством, а своей службой в армии, в которой он испытал множество невзгод и опасностей. А удержал власть своей смелостью и отвагой. Однако, пишет Макиавелли, нельзя назвать доблестью убийство сограждан, предательство, вероломство, жестокость, всем этим можно захватить власть, но не славу.

Макиавелли не одобряет здесь насилие и жестокость. Он просто констатирует, что это один из способов, которым можно захватить власть и даже удержать ее. Но подобным образом нельзя прославиться, во всяком случае, в качестве благородного властителя. Поэтому жестокость и бесчеловечность, заключает Макиавелли, не приближает правителя к величайшим людям.

Но бывают и другие случаи, указывает мыслитель, когда даже жестокостью и предательством не удастся новым правителям обезопасить себя от заговора. Макиавелли считает, что все дело в том, что жестокость жестокости рознь. «Жестокость хорошо применена в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, - когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуя в ней и по возможности обращая на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже».[1,С.75] Другими словами, Макиавелли допускает только «разумную» жестокость - жестокость, без которой нельзя обойтись, но которая не чрезмерна и которую, в идеале, можно направить и на пользу простому народу. Без этих компонентов, проявляя просто жестокость, невозможно удержать власть.

В качестве второго примера Макиавелли приводит Оливеротто из Фермо. Служивший под началом у Вителлоцо, Оливеротто, благодаря своей сообразительности, силе и храбрости стал первым лицом в войске. Однако он полагал унижительным подчиняться другим, поэтому сговорившись с несколькими людьми, решил завладеть Фермо. Под предлогом получения наследства он въехал в город и выжидал несколько дней. Затем пригласил на ужин самых именитых жителей города. На них затем напали из засады. Перебив гостей, Оливеротто промчался по городу и осадил высший магистрат, тот из страха сделал Оливеротто правителем города. В конце этого примера Макиавелли говорит, что истребив всех тех, кто мог по недовольству ему повредить, Оливеротто затем укрепил свою власть новым законодательством и пребывал в безопасности внутри Фермо.

В другой главе «Государя», которая называется «О жестокости и милосердии и о том, что лучше: внушать любовь или страх», особенно хорошо выражены взгляды Макиавелли на проблему насилия и ненасилия.

Начинается она с того, что Макиавелли предупреждает государей, которые хотели бы прослыть милосердными, о том, что не стоит злоупотреблять милосердием. Для подтверждения своих слов автор приводит в пример Чезаре Борджия, который жестокостью навел порядок в Романье и объединил ее. И тем самым, продолжает Макиавелли, он проявил больше милосердия, чем жители Флоренции, которые так боялись обвинения в жестокости, что позволили разрушить Пистойю. Поэтому, считает мыслитель, правитель не должен обращать внимание на обвинения в жестокости, если хочет удержать в повиновении своих подданных. Он проявит больше милосердия, если учинит несколько расправ, тем самым прекратив беспорядки, вызванные излишним милосердием. Ведь от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от наказания государя только отдельные лица.

Новому государю, по мнению Макиавелли, проще избежать упрека в жестокости, потому, что новому правителю всегда угрожает множество опасностей. Но при этом властитель не должен легко склоняться к расправе, он должен быть сдержан, осмотрителен и

милостив. Он должен делать все, чтобы излишняя доверчивость не обернулась неосторожностью, а излишняя недоверчивость не озлобила подданных.

Самое лучшее для государя, - когда его любят и боятся одновременно. Но любовь плохо уживается со страхом, поэтому, пишет Макиавелли, необходимо выбрать страх. Но страх нужно внушать таким образом, чтобы тебя не начали ненавидеть. Внушать страх без ненависти вполне возможно, констатирует мыслитель. Для этого необходимо не покушаться на имущество подданных. Можно даже под хорошим предлогом лишить жизни человека, но лишения имущества правителю не простят. «Люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества», - пишет Макиавелли. [1, С.96]

Еще одна ситуация, когда государю необходимо выбрать страх, это когда он командует большим войском. Ведь если не прослыть жестоким, нельзя поддержать единства и боеспособности войска, утверждает Макиавелли. Для подкрепления этой мысли автор «Государя» приводит в пример Ганнибала, который удерживал свое войско от распрей, как в дни побед, так и в дни поражений. Макиавелли объясняет эту способность Ганнибала невероятной жестокостью, которая в совокупности с его другими талантами внушала войску благоговение и ужас.

В завершение Макиавелли вновь возвращается к вопросу, что же лучше: внушать любовь или страх. Он заключает, что любят правителей по собственному желанию, а боятся по желанию правителя. Поэтому разумнее выбрать то, что зависит от самого государя.

Можно резюмировать, что Макиавелли не поощряет жестокость и насилие, но считает, что в политической жизни без нее не обойтись. Однако к жестокости нужно прибегать для того, чтобы не допустить большего зла или за тем, чтобы принести пользу большинству.

Литература

Макиавелли, Н. Государь [Текст] / Никколо Макиавелли. – М. : Эксмо, 2013. – 672 с.

References

Makiavelli N. Gosudar [Sovereign.]// Nikkolo Makiavelli. – М.: Eksmo, 2013. – 672 s.

Курилкин О.А. – сотрудник Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

УДК 1 (091)

ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТНОГО ФАКТОРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Поломошнов П. А.

В статье рассматривается трансформация статуса субъекта в условиях неклассической и постнеклассической рациональности. Неклассический тип рациональности с его принципами нелинейности, относительности, плюрализма, самоорганизации, возникая в недрах естествознания, находит свое отражение в сфере гуманитарных наук, порождая в социальной философии новый тип мышления, модифицируя социальную онтологию и методологию в духе антифундаментализма, полипарадигмальности и децентрационности.

Глобализация взаимодействий, поиск общего звена между концепциями, субъектами, осуществляемый в поле коммуникации актуализирует субъекта как ценность, как значимый, задающий смысл, созидующий его, определяющий, элемент социальной

коммуникации.

Ключевые слова: классическая рациональность, неклассическая рациональность, субъект, общество, личность.

TRANSFORMATION OF SUBJECTIVE FACTOR IN THE CONTEXT OF MODERN CHANGES OF IMAGE OF A RATIONAL

Polomoshnov P.A.

The article deals with of the status of the subject at the conditions of non-classical and post-nonclassical rationality. Non-classical type of rationality with its principles of non-linearity, relativity, pluralism, self-organization, originating in the depths of the natural sciences, is reflected in the humanities, social philosophy in creating a new type of thinking, modifying social ontology and methodology in the spirit of antifundamentalism, multiparadigmatic character and decentering.

The globalization of interactions, search for a common link between the concepts, entities engaged in the communications field is updated the subject as a value, as a significant element defining the meaning, creating its defining of social communication.

Keywords: classical rationality, non-classical rationality, the subject, society, identity.

Принципиальный вопрос о природе социальности человека решался на протяжении веков различными путями. Исторически и логически первым способом выступил подход, который можно обозначить как объектный, представлявший собой поиск фундаментальных детерминант общественной жизни в виде некоего объективного онтологического фактора (Бог, идея, разум, природа, в том числе телесная природа человека, демографические закономерности, климат, география и т.д.) В XIX веке, вместе с провозглашением О. Контом позитивистской стратегии и связанной с этим институционализации социологии, изолирующей свой предмет от метафизических сущностей, базой для истолкования общественной связи преимущественно становится взаимодействие действительных социальных субъектов. Однако, мыслится оно в рамках прежней объективистской логики, которая, хотя и господствует в трактовке социальных субъектов до некоторого времени, меняется сама, возвышаясь над субстратом и обращаясь к объективности как системности, целостности, объясняемой не природой частей, а способом и порядком соединения.

Данное положение ярко демонстрируется в социологии Э. Дюркгейма, в которой в роли субъекта, в первую очередь, предстает общество в целом или иные формы коллективности, созидающие отдельных индивидов в качестве социальных. Такая постановка вопроса указывает на индивидов как цель, но не означает сведение сущности всех социальных явлений исключительно к фактам индивидуальной природы. Французский социолог проводит мысль о том, что именно заданная социальная реальность становится самодовлеющей, определяющей по отношению к индивидам. [6, С.22] Социальные факты как особый вид вещей, независимых от индивидов, но объясняющих их поведение, выделяются автором не в онтологическом, а предметном, эпистемологическом отношении. [6, С.31-56] Показателен его подход к способам соединения индивидов в социальных образованиях. Общность первого типа случается на основе однообразия, сходства их социоприродных черт, изоморфизма действий. Для такой «механической солидарности» характерна достаточно жесткая детерминация взаимодействий индивидов устойчивым образцом традиции. Более зрелая, развитая «органическая солидарность» осуществляется на основе различия их качеств, сверхприродной спецификации в разделении труда, что в условиях возрастания преобладания этого типа связи индивидов должно делать субъективные факторы, в частности свободу как результат договорной ассоциации все более различных индивидов, значимым условием их обмена деятельностью, участия в отношениях. [5, С. 359]

Позднее К. Маркс блестяще показал, что разделение труда как фундамент и различия,

социальных субъектов, исторически развиваясь, преобразует способ их взаимодействия в безразличную к индивиду, овеществленную в виде денег общественную связь, всеобщность которой достигается в системе общественных отношений капиталистической стадии развития общественно-экономической формации. [8, С.103] Развивая человека как род, она функционально жестко детерминирует индивидов, задавая им место и роль в производственном организме, отчуждая их при этом от подлинной сущности живого человеческого общения, а, следовательно, и друг от друга, превращая из хозяев вещей в их рабов. Диалектика субъективного и объективного факторов выражается в понятии естественноисторической природы общественной жизни человека, которая складывается из деятельности реальных индивидов, но определяется не их сознанием, а объективными законами общественных отношений, в которые они с необходимостью вступают и которыми определяются.

Начиная со второй половины XIX века, в социальных исследованиях на авансцену выходит теория социального действия, осуществляемого субъектами в ипостаси отдельных индивидов, которые и становятся основными героями проекта социально-гуманитарного познания. М. Вебером ставится противоположная предшественникам задача – прийти к пониманию социальных взаимодействий исходя из понимания субъективных смысловых факторов действия индивидов – мотивов и ценностей [2, С.602-643]. Даже если рассматривается поведение комплексных субъектов, то происходит это по аналогии с отдельными личностями. Рассмотренные выше модели в определенной мере ассимилируются социологом, включившим и дюркгеймовский дуализм механического-органического, и марксову модель целесообразности отношений труда в типологию социального действия под видом традиционной и целерациональной ее моделей. Но, помимо вышеназванных двух, немецкий социолог анализирует также аффективное и ценностно-рациональное действие. Аффективное поведение находится на второй ступени прогрессивной шкалы, ближе по природе к животному миру, и не является в подлинном смысле социальным, а ценностно-рациональный тип действия на третьей. И, хотя Вебер ставит целерациональный тип действия выше ценностно-рационального, первый намного более перспективен для использования в качестве инструмента понимания практик и процессов интеракции, не только в условиях господства крупных религиозно-идеологических сословных иерархий, но и в тогда, когда эти системы теряют свою силу, тогда как собственно ценности никуда не исчезают вслед за «расколдовыванием мира», а приобретают иные воплощения. Метод отнесения к ценности соответствует природе предмета изучения и сущности субъекта. Однако этот тип социального поведения мыслится социологом в логике линейной, однозначной детерминации действий.

В середине XX века Т. Парсонс, вбирая опыт предшествующей традиции социального знания, конструирует парадигму изучения общественных отношений, представляя их как систему действия, с инвариантной ее масштабу структурой компонентов, определяемых функциональными характеристиками. Ее аспектами выступают агент (актор), цель (результат), ситуация (условия и средства), и нормативная ориентация. [13, С.94-95] Соответствуют им функции интеграции, целедостижения, адаптации и сохранения и воспроизводства образца. На различных уровнях действия детерминантой поведения системы действия оказывается один из четырех элементов, но всегда разный, что выводит данное представление за рамки редукционистской логики объяснения. При этом неизменно целостность структуры социального действия задается субъектом, осуществляющим действие. Для успешного осуществления внутренней интеграции, как системы с субъектом с одной стороны, так и самого актора, если речь идет о группе, а не индивиде с другой, ключевое значение имеет культурная подсистема, выполняющая функцию сохранения и воспроизводства образца. С ее помощью осуществляется институционализация отношений в социальных нормах и ролях, интернализация культурных требований, стандартов, знаний, определяющих в итоге действие как рациональное (причем совершенно необязательно это означает рациональный характер этих положений). Несмотря на комплексное, системное

видение ситуации социального действия, ее субъект мыслится как самостоятельный, целостный, сохраняющий самоидентичность и осознающий себя в качестве такового, что и формирует характер его ориентаций и действий в различных поведенческих ситуациях, а также способ их изучения, построенный в значительной степени на субъектных факторах. [13, С.72] К ним относятся проявляющиеся в языковых символах, которым придается значение, состояния сознания актора [13, С.146]: во-первых, мотивы, связанные с ожиданиями других на уровне социальной системы и системы личности, во-вторых, идеи и ценности имеющие нормативный статус на уровне культурной системы. [12, С.461] Выделенный мотивационный, ценностный, смысловой, то есть субъектный фактор прямо указывает на значимое положение субъекта, хотя и рассматривается объективно, поскольку элементы теории используемые в субъектном объяснении могут быть выражены в терминах безразличных состояний сознания, что соответствует образу и задаче системного описания рационального действия. [13, С.146]

Неклассический тип рациональности с его принципами нелинейности, относительности, плюрализма, самоорганизации, возникая в недрах естествознания, находит свое отражение в сфере гуманитарных наук, порождая в социальной философии новый тип мышления, модифицируя социальную онтологию и методологию в духе антифундаментализма, полипарадигмальности и децентрированности. [1] Концепции, альтернативные теории социального действия в классической версии, смотрят на субъективный фактор социальных взаимодействий с другой точки, создавая несовместимую, но дополняющую перспективу. Постепенно развивается ряд подходов, не замыкающихся на системном типе мышления и классической рациональности, логике объяснения, как подведения под закон или указания на действующую или целевую причину. В рамках этого движения, прослеживается линия дополнения процедуры объяснения пониманием и интерпретацией, что соответствует по-своему осмысленному в гуманитаристике принципу дополнительности, введенному Н. Бором в 1927 году, [11, С.61-69; 16, С.152-154] который, в свою очередь явился теоретико-методологическим следствием принципа неопределенности В. Гейзенберга.

Одним из таких течений является символический интеракционизм Дж. Мида. [9] Его теория фокусируется на становлении личности как субъекта внутри социальной реальности. Социальная реальность постулируется как создаваемая в процессе деятельности, а не данная до ее начала, поэтому, чтобы понять индивида, надо ухватить смысл того, что он делает, его практик. И личность человека, и социальное действие суть процессы, реализующиеся в символических формах, которые в свою очередь, приобретаются в процессе социализации, а затем подкрепляются или изменяются в процессе интеракций. Человек осваивает мир через символические значения. Значимость символов человеческого языка выражается в том, что способностью индуцировать определенные ответные реакции, то есть только обеспечением формальной возможности, механизма коммуникации, что делают и жесты животных, их функция не исчерпывается. В языке человека существует возможность интерпретировать знаки в зависимости от социального контекста, в котором они происходят. Символизация и интерпретация требуют определенных временных затрат, а также возможна ошибочная интерпретация, поэтому устойчивое общение между людьми устанавливается когда формируются общие значимые символы, язык, как символический посредник и хранилище интерсубъективного опыта.

Используя теоретическое видение коммуникации как процесса создания и интерпретации значимых символов, ученый описывает происхождение языка, мышления и самосознания личности, в терминах диалога, коммуникации с самим собой. [10, С.162-195] Соответственно и коммуникация с другим по зеркальному принципу предполагает возможность поставить себя на его место, принять его роль. Поэтому участники социального взаимодействия добровольно, сознательно и взаимно ограничивают себя, корректируют свои намерения в зависимости от интерпретации действий или реакции другого. В отличие от Т. Парсонса, у которого актер встраивается в существующий социальный порядок, выбирая из

возможных ориентаций наиболее приемлемые, у Дж. Мида, действующий субъект обладает большей свободой воли, поступок совершается исходя из его творческих взаимодействий с символической реальностью.

Примыкает к интеракционистской концепции этнометодология Г. Гарфинкеля. [3] К ее предпосылкам относится феноменология Э. Гуссерля, а если говорить точнее – идея смысловой сферы активности сознания – «жизненного мира». У Гарфинкеля понятие преобразуется в ее социальную ипостась «здравого смысла». Этнометодология имеет целью исследование ситуаций повседневности и предполагает использование «здравого смысла» в качестве ресурса для интерпретации. Гарфинкель исследует обыденную жизнь индивидов, в которой они, полагаясь на смысловую прослойку, совершают практические действия и производят при этом собственное понимание социальных контактов. Социальная реальность получает ясные контуры только в результате интерпретаций и практических действий индивидов, исполненных в конкретной ситуации. Не структура порождает образ действия, а наоборот. Социолог утверждает, что исследователь не должен подходить к социальным интеракциям с внешним по отношению к ним нарративом, с некоей универсальной структурой сообщества и взаимодействия индивидов, поскольку, в таком случае, он упускает тот способ конструирования социальной реальности и её интерпретации индивидами, который имеет место в этой конкретной ситуации. Субъектно ориентированная, ситуативная исследовательская и поведенческая стратегия этнометодологии не позволяет исследователю оставаться «чистым», вовлекая его в процесс в качестве сотворца коммуникативных интерпретаций. Принципы этнометодологии включают также элемент индексных выражений (сейчас, тогда, здесь), используемых в повседневной коммуникации, которые иллюстрируют ситуативный характер коммуникативной рационализации действия. Когда индивиды прибегают к этим выражениям, то совершают сами (и приписывают другому) такую работу, благодаря которой сказанное в диалоге понимается из контекста сугубо intersubjectивных отношений.

Любая социальная ситуация внутренне саморепрезентируется и ее участники получают сведения о происходящем, о его рациональности, осмысленности, принадлежности общим методам понимания и согласования. Но также эта информация касается и содержания ситуации, значит. ее участники обретают представления и о самой ситуационной расстановке, её структуре, обстоятельствах и т.д. Это является основанием того, что индивиды могут давать описания той ситуации, в которой они находятся, что собственно Гарфинкель и использует для построения этнометодологического принципа, согласно которому интерпретации, которые дают индивиды с целью объяснить ситуацию и сделать её понятной, по своей функции совпадают с действиями, в которых те же индивиды создают "ситуации организованной повседневной деятельности". [3, С.44] Таким образом, принципы этнометодологии относятся и к её объекту, саморегулирующейся социальной ситуации, и к способу ее изучения. Основная идея этнометодологии - это локальная самоорганизация социального порядка субъектами, обладающими собственной практически выстраиваемой рациональностью. По мнению Гарфинкеля, социальная жизнь представляется упорядоченной только потому, что члены общества активно заняты приданием смысла всему тому, что происходит в процессе общения.

Можно отметить, что автор этнометодологии все-таки признает структуры в качестве элементов социальной жизни, но нивелирует их значимость, что часто не соответствует реальной социальной практике. Обычно индивид не осознаёт того, что в своей повседневной деятельности становится субъектом социального взаимодействия и творения социальной действительности, а здесь заключен огромный потенциал увеличения степени свободы и самоопределения социальных субъектов. На наш взгляд, преувеличение аспекта обыденности, повседневности коммуникативных практик как раз и фиксирует этот барьер, в то время как реальному его преодолению может способствовать более требовательные к качеству коммуникации ситуации, к примеру, научные дискуссии.

Онтология сущности во многом заменяется в социальных теориях онтологией

отношения. Конечно, мысль о том, чтобы искать основание социальной связи внутри самого процесса интеракции, определив его суть, не вытеснила полностью логику структуры, которая существует в социальных науках по сей день. Более того, вопрос соотношения структуры и действия является, как отражение тематики взаимодействия субъектно- и объектно ориентированных моделей, остается одним из самых насущных в современных социальных исследованиях. Конструктивные варианты преодоления противостояния и организации взаимодействия между микро и макро позициями в американской социальной мысли разрабатывали Дж. Александер, Н. Уайли, Д. Коулмен, А. Лиска, Р. Коллинз, Н. Элиас, Э. Сикурел. В европейской традиции противостояние частных теорий, опирающихся на две основные альтернативные парадигмы «социальной структуры» и «социального действия» пытались преодолеть Э. Гидденс, М. Арчер, П. Бурдьё, Ю. Хабермас. Модель интеграции аспектов социальной реальности и знания на основе объединения европейской и американской традиций построил Дж. Ритцер. [17, С.46-55] Интегративная социологическая метатеория американского социолога представляет собой пересечение двух континуумов микро и макропозиций (индивидов и групп) и субъективных и объективных компонентов (действия и структуры), где подчеркивается первостепенная значимость связей (вертикальных, горизонтальных и диагональных), действующих одновременно в двух направлениях – а не самих областей социального бытия по отдельности. Исследование связей – предметная область интегрированной парадигмы. [19, С. 573-577]. Действительно, эта схема имеет ряд преимуществ: преодолевается ограниченность однонаправленного причинно-следственного детерминизма за счет «диалектического» понимания связей, как синхронных и двусторонних, способ классификации элементов системы позволяет включить социальные явления всех порядков и уровней. Можно легко установить «разделение труда» между отдельными социологическими теориями по четырем секторам (макрообъективный, макросубъективный, микрообъективный, микросубъективный), провозглашая взаимную необходимость и независимость их существования на основе дополнительности. Но главный недостаток данной концепции, на наш взгляд, состоит в том, что в ней присутствует лишь указание на схематизированное единство различий, их агрегат, но не принцип объединения.

Особого внимания в отношении нашего предмета заслуживает концепция коммуникативного действия Ю. Хабермаса [21], своеобразное обновление парадигмы теории действия, ассимилирующая, как идеи представителей классической социологии, так и феноменологической школы, прагматизма, символического интеракционизма и герменевтического направления. Специфическая теория «колонизации жизненного мира» Ю. Хабермаса может быть рассмотрена в рамках проблемы соотношения деятельности-структуры. Понятие «жизненный мир» обозначает живой опыт общения, достижения понимания в непосредственном коммуникативном действии. Однако, этот процесс имеет тенденцию к рационализации (в Веберовском смысле), что приводит к дифференциации отдельных элементов жизненного мира (культура, общество, личность). Эти составляющие при взгляде на них снаружи представляют собой функциональные системы, усложняющиеся и институционализирующиеся по мере роста рационализации социального действия. Помимо своей первоначальной организаторской роли, они начинают осуществлять все более полный контроль над жизненным миром – колонизируют его. По мнению Хабермаса, это искажает смысл коммуникации, нарушает диалектическую связь между факторами системы и жизненного мира. Эта теория, как нам кажется, формально более приближена к классическим социально-философским концепциям. Хабермас соединяет две стратегии, обосновывает их единство генетически «[Я] поддерживаю эвристическое предложение рассматривать общество как сущность, которая в ходе социальной эволюции дифференцируется и как система и как жизненный мир» [19, С.474]. А вопрос о дуальной сущности общества, соединяющей два способа обобществления - «социальная интеграция» посредством консенсуса коммуникативного действия и «системная интеграция» управляющего воздействия символических структур – полностью повторяет проблематику социальной науки XIX – начала XX вв. В данной концепции присутствует

мировоззренческий и моральный компонент, когда дается негативная оценка диктату одной общественной силы и высказывается надежда на восстановление равновесной взаимосвязи.

Многие современные исследователи сходятся в мысли о том, что трансформации, связанные с процессами продолжающейся модернизации и глобализации меняют характер коммуникативной рациональности - ее контурами становятся диалог, добровольная связь, равноправие, аргументированность, свобода как принцип, вместо одностороннего диктата жестких схем, правил и структур. Собственно, последние генетически определяются первыми, а первые воплощаются во вторых на конкретном временном срезе. Никакой другой рациональности кроме той, что удерживает в коммуникации, нет. [7, С.14] И рациональными будут признаны те критерии, что позволяют достичь целей, выступающих как общие ценности, взаимовыгодного соглашения, консенсуса. [18, С.19] В условиях расширения масштабов взаимодействия вширь (пространство, время и количество вовлекаемых субъектов) и вглубь (содержание общения), невозможен диктат, потому что взаимодействие представляет собой обмен без глобального согласия, но с признанием взаимных обязательств. В условиях нарастания динамики, момент воспроизводства стандартов и эталонов деятельности уступает место моменту их творчества.[16] Но, все же, можно предположить, что некоторое общее основание остается в виде ценностных регулятивов коммуникации символического характера. На содержание ценностей оказывает большее влияние интеллект, как мощнейший творческий фактор. В качестве примера можно привести позицию Н.С. Юлиной по поводу формирования коммуникативного пространства в области современных исследований проблемы сознания. Регулятивный идеал продуктивной научной дискуссии, построенный на принципах стремления к ясности, аналитичности, аргументированности сыграл главную роль в создании основы коммуникации ученых, представлявших различные предметные, логические и методологические стратегии. [22, С.14]

Существует ряд серьезных вопросов, порождаемых данной концепцией. Это проблема соизмеримости ценностей субъектной матрицы коммуникации, поддержания неразрывности социального пространства-времени как выражение устойчивости коммуникативной практики, проблема создания и расширения пространств и времен межкультурной и межнациональной коммуникации, символизации и одушевления пространства коммуникации, которая позволит преодолевать физические, природные ограничения и различия и повышать степень самоопределения человеческого существования.[15] Зачастую происходит фрагментация коммуникации, свобода порождает возможность ее добровольного прекращения, снижения интенсивности, а не только расширения. Теория коммуникативного действия - один из наиболее перспективных образцов интеграции социально-гуманитарного знания как междисциплинарного проекта, привлекающий внимание исследователей, как в зарубежной, так и в отечественной науке. [4] А большое количество вопросов свидетельствует о ее высоком эвристическом потенциале.

Овладение и расширение пространства и времени человеческого существования возможно только в качестве целого.[14] Глобализация взаимодействий, поиск общего звена между концепциями, субъектами, осуществляемый в поле коммуникации актуализирует субъекта как ценность, как значимый, задающий смысл, созидаящий его, определяющий, элемент социальной коммуникации. Коммуникация всегда осуществляется субъектами, и понимание ее сути лежит в плоскости их взаимодействий. Но остается открытым вопрос о статусе их смысловых, ценностных ориентиров, объективно или субъективно задаваемая реальность этих социально значимых категорий, как происходит перенос и смена приоритетов. Но всегда фундаментальным основанием их дополнительности, действительной соизмеримости является неделимость этих аспектов в социальной практике, действительная органическая целостность современного общества.

Литература

- 1.Бронзино, Л.Ю. Неклассические социологические теории и неклассическая рациональность [Текст] : дис. ... доктора социологических наук: 22.00.01 / Л.Ю. Бронзино. – М., 2010.
- 2.Вебер, М. Основные социологические понятия [Текст]: Избранные произведения / М. Вебер. – М., 1990.
- 3.Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии [Текст] / И. Гарфинкель. – СПб. : Питер, 2007.
- 4.Демина, Н.А. Коммуникативное общество и его рациональность: социально-философский анализ [Текст] : дис. ... кандидата философских наук. 09.00.11 / Н.А. Демина. – Красноярск, 2003.
- 5.Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии [Текст] / Э. Дюркгейм. – М., 1991.
- 6.Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм. – М., 1995.
- 7.Касавин, И.Т. Введение [Текст] / под. ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации. – М. : Альфа-М, 2012.
- 8.Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. [Текст] : сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т.46. – Ч. I. – М., 1968.
- 9.Мид, Дж.Г. Избранное [Текст] : Сб. переводов РАН ИНИОН / Дж.Г. Мид ; сост. и переводчик В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко ; Центр социал. научн.-информ. Исследований. – М., 2009.
10. Мид, Дж. Разум, Я и общество [Текст] / Дж. Мид // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Социология. – №4. – Серия 11. – М., 1997.
- 11.Мушич-Громыко, В.Г. О конкретном применении принципа дополнительности Нильса Бора при анализе гуманитарных и социальных текстов [Текст] / В.Г. Мушич-Громыко // Современные гуманитарные исследования. – М., 2007.
- 12.Парсонс, Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук [Текст] / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М., 2002.
- 13.Парсонс, Т. Структура социального действия [Текст] / Т. Парсонс // О структуре социального действия. – М., 2002.
- 14.Поломошнов, А.Ф. Парадигма философии истории [Текст] / А.Ф. Поломошнов. - п. Персиановский : Донской ГАУ, 2006. – 163 с.
- 15.Поломошнов, А.Ф. Краткий курс житейской мудрости [Текст] / А.Ф. Поломошнов. - п. Персиановский: Донской ГАУ, 2009. – 272 с.
16. Поломошнов, А.Ф. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры [Текст] / А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. - С. 695.
17. Поломошнов, П.А. Интегрализм как способ преодоления фрагментации современного социального знания [Текст] : дис. ... кандидата философских наук / П.А. Поломошнов ; Донской государственный технический университет. – Ростов-на-Дону, 2009. – 188 с.
18. Порус, В.Н. Рациональная коммуникация versus коммуникативная рациональность [Текст] / В.Н. Порус ; под. ред. И.Т. Касавина, В.Н. Поруса // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации. – М. : Альфа-М, 2012.
19. Ритцер, Дж. Современные социологические теории [Текст] / Дж. Ритцер. – СПб. : Питер, 2002.
- 20.Сорокина, В.И. К вопросу о возможности применения принципа дополнительности в социогуманитарном познании [Текст] / В.И. Сорокина // Вестник Башкирского университета. – Т. 12. – № 4. – 2007.

21. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие [Текст] / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000.
22. Юлина, Н.С. Очерки по современной философии сознания [Текст] / Н.С. Юлина. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.

References

1. Bronzino L. Yu. Neklassicheskie sotsiologicheskie teorii i neklassicheskaya ratsional'nost': dissertatsiya doktora sotsiologicheskikh nauk: 22.00.01 [Non-classical sociological theories and non-classical rationality: the dissertation of the doctor of sociological sciences] / L. Yu. Bronzino. - M., -2010.
2. Veber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya // M. Veber. Izbrannye proizvedeniya. [Basic sociological concepts] M., 1990.
3. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii [Research on ethnomethodology] / I. Garfinkel'. — SPb.: Piter, 2007.
4. Demina N. A. Kommunikativnoe obshchestvo i ego ratsional'nost' : Sotsial'no-filosofskiy analiz. [Communicative society and its rationality: the Socially-philosophical analysis. Dissertation of the candidate of philosophical sciences.] Dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk. 09.00.11 / N.A. Demina. – Krasnoyarsk, 2003.
5. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor] / E. Dyurkgeym. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. - M., 1991.
6. Dyurkgeym E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject matter, method, purpose] / E. Dyurkgeym. — M., 1995.
7. Kasavin I.T. Vvedenie [Introduction] / Kommunikativnaya ratsional'nost' i sotsial'nye kommunikatsii. Pod. red. I.T. Kasavina, V.N. Porusa. – M.:Al'fa-M, 2012.
8. Marks K. Ekonomicheskie rukopisi 1857-1859 gg. [Economic Manuscripts of 1857-1859.] / K. Marks, F. Engel's. Sochineniya. M., 1968, t.46, ch. I.
9. Mid Dzh. G. Izbrannoe: Sb. perevodov [Favorites: Coll. Translation] / RAN INION. Tsentr sotsial. nauchn.-inform. issledovaniy.; Sost. i perevodchik V. G. Nikolaev. Otv. red. D. V. Efremenko. — M., 2009.
10. Dzh. Mid. Razum, Ya i obshchestvo [Mind, I and Society] / Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Referativnyy zhurnal. Seriya 11, Sotsiologiya №4. – M., 1997.
11. Mushich-Gromyko V.G. O konkretnom primenenii printsipa dopolnitel'nosti Nil'sa Bora pri analize gumanitarnykh i sotsial'nykh tekstov [On the specific application of the principle of complementarity of Niels Bohr in the analysis of the humanities and social texts] / Sovremennye gumanitarnye issledovaniya. - M., 2007.
12. Parsons T. K obshchey teorii deystviya. Teoreticheskie osnovaniya sotsial'nykh nauk [On the general theory of action. Theoretical Foundations of Social Sciences] / T. Parsons. O strukture sotsial'nogo deystviya. – M., 2002.
13. Parsons T. Struktura sotsial'nogo deystviya [Structure of Social Action] / T. Parsons. O strukture sotsial'nogo deystviya. – M., 2002.
14. Polomoshnov, A.F. Paradigma filosofii istorii [The paradigm of the history of philosophy] / A.F. Polomoshnov. - p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2006. – 163 s.
15. Polomoshnov, A.F. Kratkiy kurs zhiteyskoy mudrosti [A short course of worldly wisdom] / A.F. Polomoshnov. - p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. – 272 s.
16. Polomoshnov, A.F. Problema tvorchestva i postmodernistskiy krizis kul'tury [Problem of creativity and post-modern crisis of culture] / A.F. Polomoshnov, P.A. Polomoshnov //Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2014. - № 5. - S. 695.
17. Polomoshnov P.A. Integralizm kak sposob preodoleniya fragmentatsii sovremennogo sotsial'nogo znaniya. [Integralism as a way to overcome the fragmentation of contemporary social knowledge] Dissertatsiya kandidata filosofskikh nauk / Rostov-na-Donu, 2009.

18.Porus V.N. Ratsional'naya kommunikatsiya versus kommunikativnaya ratsional'nost' [Efficient communication versus communicative rationality] / Kommunikativnaya ratsional'nost' i sotsial'nye kommunikatsii / Pod. red. I.T. Kasavina, V.N. Porusa. – M.:Al'fa-M, 2012.

19.Rittser Dzh. Sovremennye sotsiologicheskie teorii [Contemporary Sociological Theory] / Dzh. Rittser. - SPb.: Piter, 2002.

20.Sorokina V.I. K voprosu o vozmozhnosti primeneniya printsipa dopolnitel'nosti v sotsiogumanitarnom poznanii [On the possibility of the application of the principle of complementarity in the socio-humanitarian knowledge] / Vestnik Bashkirskogo universiteta. – 2007. – T. 12, № 4.

21.Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie. [Moral consciousness and communicative action] / Yu. Khabermas. - SPb.: Nauka, 2000.

22.Yulina N.S. Ocherki po sovremennoy filosofii soznaniya [Essays on modern philosophy of mind] / N.S. Yulina. – M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015.

Поломошнов Платон Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета.

УДК. 303.1

**К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ
АБЕРРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА**

Швандерова А.Р.

В статье исследуются структурные и функциональные связи между аберрантностью и институциональной системой общества риска. В контексте данного подхода автором предпринята попытка объяснить экспансию различных типов девиантного поведения и их институционализацию в современном российском обществе риска. Автор разделяет позицию неoinституционализма, принадлежащего к неоклассическому направлению, исходящего из двух общих установок: во-первых, социальные институты имеют значение и, во-вторых, они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов экономической теории.

Ключевые слова: аберрантность, неoinституционализм, габитуализация, рациональный экономический выбор.

**TO THE QUESTION OF THE SOCIO-CULTURAL BACKGROUND
ABERRANTTION BEHAVIOR IN RISK SOCIETY**

Shvanderova A.R.

The article examines the structural and functional connection between aberrantly and institutional framework of the risk society. In the context of this approach the author attempts to explain the expansion of various types of deviant behavior and their institutionalization in contemporary Russian society risk. The author shares the position of new institutionalism, which belongs to neo-classical direction, coming from two General settings: first, social institutions are important and, second, they are amenable to analysis using standard tools of economic theory.

Keywords: aberrantly, neoinstitutionalism, habitualization, rational economic choices.

По оценкам ведущих ученых риск является неотъемлемой характеристикой функционирования современного общества и связан с активной преобразовательной деятельностью субъекта, направленной на кардинальное переустройство социальной системы: «Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, – а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени» [1].

Институциональные преобразования в современной России имеют эту же направленность. В этих условиях социальное поведение индивида неизбежно обретает четкие индивидуалистические свойства - целенаправленность, выбор вариантов действий, в котором критерием максимизации регулируется полезность социального действия; выбор наиболее выгодных альтернатив, то есть социальное поведение предполагающее действия, ведущие к достижению продуманных рационально поставленных целей, исходя из знаний модели окружающего мира и ожиданий относительно поведения других индивидов.

Вслед за теоретиками рационального выбора А. Даунсом, М. Олсоном, Г. Беккером, Д. Коулменом [5], развивающими экономические и социологические теории с целью объяснить, что индивид должен делать, если действует рационально, и предсказать поведенческие образцы действий индивидов и групп, рассмотрим экспансию различных типов девиантного поведения и их институционализацию в современном российском обществе.

Спецификой современного российского общества, по мнению Я.И. Гилинского [2], является то, что «современная Россия являет собой идеальную совокупность всех девиантогенных факторов (состояние аномии, резкая социальная дифференциация, глубокий экономический кризис, социальная дезорганизация, смена всех идеологий и т.п.; социальная реальность изменяется с головокружительной скоростью, вынуждая членов общества и общество в целом функционировать в таких ситуациях, стереотипы, правила поведения, в которых отсутствуют в индивидуальной или общественной практике, в имеющемся опыте взаимодействия. В этом случае неопределенность выступает конструирующим признаком, то есть средой появления риска. В этих условиях особенно острой является необходимость адаптироваться в обществе риска,

Эвристический подход к объяснению механизма социальной адаптации в условиях стремительных преобразований институциональной структуры российского общества риска, предлагают ученые Новосибирской школы социологии Т. Заславская, Р. Рывкина и другие [3,4]. В их исследованиях показывается взаимодополнительность социальных институтов, функционирующих в социальных системах различного цивилизационного типа: Традиционные институты функционируют на основе нормативных структур, жестко предписанных обычаем или ритуалом, современные институты допускают свободу выбора индивидуальных и групповых норм поведения. Заимствование тех или иных институциональных элементов обуславливает формирование рисков и необходимости адаптации к ним. Поэтому, согласно концепции трансформационного процесса академика Т. И. Заславской [3], понимая, что экономическая сфера, то есть необходимость совместного производства из вещества природы средств потребления (материальных благ), без которых невозможно физическое воспроизводство социума – первый, базовый пласт общественной жизни, необходимо создание такой конфигурации социальных институтов общества, которая будет способствовать устойчивому функционированию и развития общества в ожидаемом направлении.

Реформы российской экономики 90-х годов, экономические кризисы 2008-го и переживаемый страной сегодня сопровождаются невероятно быстрой, обвальнoй сменой социальных ценностей, в результате чего человек дезориентирован и часто беспомощен в социальном пространстве и, тем не менее, должен выживать.

Как? Исследования Т. Заславской, Р. Рывкиной, регулярные опросы ВЦИОМ показывают, что у живущих и «выживающих» сегодня россиян, особенно горожан, преобладают совершенно иные установки, оценки жизненных ситуаций и нормы поведения, чем доминировавшие более 20 лет назад. Так, сфера трудовых отношений, которая и сегодня определяет условия жизнедеятельности основной части российских граждан, наполнена теневым содержанием обыденных и массовых трудовых практик, и это воспринимается как нормальное явление.

Рассмотрим институционализацию неправовых практик на примере этой сферы. Действующая Конституция РФ, как известно, предоставила российским гражданам новые экономические и политические права, многие из которых к настоящему времени стали неотъемлемым элементом институциональной системы, по крайней мере, по форме, приблизившейся к западной. Вместе с тем обнаружилось, что три основных системообразующих института общества - экономика, политика и право, - подвергаются преобразованиям в неодинаковой степени, одновременно и с разным успехом. Причем в самом удручающем положении сегодня находится право: если в здоровых обществах и нормальных условиях государственные законы и нормы воспринимаются большинством граждан как справедливые и реализуются в массовых социальных практиках, то в обществах риска дело обстоит иначе: длительное ослабление институциональных систем привело к тому, что отклонение реальных практик от правовых норм стабилизируется, в результате чего они приобретают устойчиво неправовой характер, обуславливают процессы, которые несут опасность социальной дестабилизации и являются весьма сложными по своей структуре, со специфическими функциями и социетальными последствиями. Например, российская официальная статистика употребляет в отношении неправовых экономических

практик даже специальный термин – «ненаблюдаемая экономика», подразумевающий наличие совокупности (!) теневых институтов.

Между тем, институционализация неправовых практик -«новых норм» - означает *перерождение* социальных институтов, а эти «новые» нормы можно выразить расхожей в современной России фразой - «приходится крутиться»: люди в функции социальных субъектов, с одной стороны продолжают входить в привычные для них легальные социальные группы и организации, а с другой стороны, включаясь в теневую экономику, создают новые – нелегальные – социальные образования, формируют социальную базу «тени» - выживают.

Стратегия «выживания» применяется теми, у кого недостаточный доход, то есть большей частью населения: и теми, у кого отсутствует постоянная работа, - безработные и пенсионеры, и теми, кто имеет регулярную полную занятость, но также нуждаются в дополнительном доходе. поскольку заработок не поспевает за инфляцией и недостаточен для нормальной жизни.

Интересно, что хотя вторичная (дополнительная) занятость зачастую приносит больше денег, чем основная работа, но люди сохраняют четкое представление о том, что для них является основной деятельностью. Люди говорят «зарабатывать» применительно к основной работе и «подрабатывать» - применительно к дополнительной менее важной для них работе, даже если заработки здесь более существенны. И это говорит, на наш взгляд, о значимости труда, признания профессионализма, ведь основная работа, как правило, связана с интеллектуальным капиталом человека, его формальным образованием, другими статусными характеристиками. В итоге основная работа становится формальным придатком дополнительной, а вторичная занятость, допускаемая по молчаливому соглашению всех сторон и нередко юридически неоформленная, начинает доминировать над первичной, с одной стороны, ее трансформируя, а с другой являясь вынужденным результатом ее трансформации.

Безусловно, такой «вытесняющий» тип вторичной занятости, конкурирующей с основной, не может быть признан приемлемым с точки зрения соблюдения формальных норм, он требует определенных санкций. Но его существование оправдывается общей ситуацией в стране – массовой распространенностью неэффективной формальной занятости, «скрытой» и «открытой» безработицы. Тесная взаимосвязь этих явлений несомненна: отмечается, что вторичная занятость – явление, обратное вынужденной неполной занятости. Иными словами, *происходит узаконение на государственном уровне не востребованности людей через низкие зарплаты и свободный график работы, то есть. ненаполненность основной занятости реальным трудом.* Поведение в этой ситуации можно назвать аберрантным

- нарушающим нормы вынужденно, с целью выживания. Расширение «неформального сектора» в результате деятельности массового «слоя незащищенных» по использованию экономических ниш в периоды кризиса в обществе (в частности, как реакция на повышение незащищенности в формальном секторе) объясняется как обеспечивающее выживание и воспроизводство представителей этого слоя явление. В практике современных российских трудовых отношений весьма распространенное нарушение формальных норм, носящих нелегитимный, неправовой характер в массовом сознании воспринимается как обоснованное и справедливое.

Таким «одобренным» отклонением стало, например, то, что вторичная занятость практически оторвана от образовательных характеристик, хотя и не обязательно. Для некоторых, у кого основная работа лежит в поле их профессиональной компетенции, но не приносит достаточно денег, вторая работа может не требовать особых профессиональных навыков и выполняться вечером или в выходные, например, частичная занятость в виде кондуктора, уборщицы, частного извоза.

Вторая работа требует значительно меньшей квалификации, но общий уровень образования, умений помогает в вариантах заработка. Оформление найма порой отсутствует,

лицензии тоже не всегда оформляются, и поскольку деньги платятся за реальный объем работы, то ее интенсивность и график на дополнительной работе становятся определяющими по отношению к основной работе.

Другие люди предпочитают подрабатывать в «тени» в соответствии с профессиональными навыками, будь то формальная или неформальная занятость. Например, преподаватели школ берут платных учеников, то же делают и преподаватели вузов, большой отряд российских переводчиков занят в издательствах, репетиторстве, турагентствах. Поиск таких подработок может опираться на действия официальных каналов (официальные платные курсы и пр.). Однако те же самые навыки могут быть использованы и в неформальной экономике, например, при нерегистрируемом репетиторстве, когда информация расходуется от человека к человеку. Частные уроки на дому, пошив одежды, услуги парикмахера, медработника - та деятельность, которая не регистрируется в формальной экономике, но формирует ядро неформальной занятости – это известные российские реалии.

Работники предприятий и в организаций также стараются, используя производственные мощности (бумага, металл, электроэнергия, телефонная связь и т.д.), пополнить свой семейный бюджет.

Приведенные примеры, не исчерпывающие, безусловно, всего многообразия предприимчивости, свидетельствуют, с одной стороны, о необычайной пластичности россиян, их способности адаптироваться к любым социальным изменениям. Население России практически может выдержать все. Оно, в принципе, готово спускаться все глубже вниз по лестнице архаизации и примитивизации, но выживать в любом варианте. При этом снимаются любые нравственные вопросы, слабеют либо вообще отсутствуют регулирующие функции сознания.

Сколь бы «дикой» ни казалась людям сложившаяся практика, у них не возникает стремления отказаться от нее в пользу «цивилизованных» предписаний-норм формальных институтов. Напротив, они готовы пойти даже на риск и нарушить те из предписаний, которые вступают с ней в противоречие. В результате, не выдерживая конкуренции с усвоенными навыками неформального взаимодействия, формальные правила подвергаются трансформации или даже замещаются более действенными в практическом плане нормами.

С другой стороны, очевидно, что труд был и остается основой социальной включенности человека, определяет его статус, формирует базовые представления о мире, в котором он живет, помогает не просто выжить, а удержаться на более-менее приемлемом жизненном уровне. Кому-то – нарастить объект власти, усилить влияние на других людей, кому-то победить конкурентов, кому-то просто выжить.

Таким образом, обобщая причины дисфункций социальных институтов, можно сказать, что все они, так или иначе, сводятся к рассогласованию функций института с обслуживаемой им социальной средой. В результате происходит деформация социального института, главным последствием которого является то, что он теряет свое социальное значение, т. к. перестает выполнять возложенную на него социальную функцию. Есть и не менее тревожные последствия второго рода. Это - разрушение тех социальных организмов, которые обслуживались данным институтом. Так, в результате деформации системы общественной торговли, здравоохранения, культуры страдают здоровье, жизнь, материальные и духовные интересы граждан. Деформация политических институтов влечет за собой апатию, упадок общественных инициатив, стагнацию в социальном развитии общества и т. д. Отсюда вывод: деформация социальных институтов сама по себе, являясь социальным отклонением, вызывает целый комплекс следственных негативных явлений:

- социальную напряженность и конфликты из-за невыполнения институтом своих функций; дальнейший процесс порождает стремление к замене бездействующего института иными установлениями (преимущественно неформальными);

- дисфункции социальных институтов, продолжаясь длительное время, отрицательно сказываются на нравственном формировании личности, искажают систему ценностных ориентации и мотивы поведения людей;

- ослабление контрольных функций институтов создает безнаказанность нарушителей социальных норм и общее состояние безответственности, расшатывает нормативную систему, ослабляет нормативное регулирование.

В результате и происходит замена прежнего социального института новым, большей частью неформальным образованием: функции, не выполняемые деформированным институтом, «повисают в воздухе», а они должны быть кем-то или чем-то осуществлены, ибо такова общественная потребность. Неформальное образование принимает их на себя, неформальные связи и базовые нормы, на которых они формируются, становятся устойчивыми. Официальные нормы не действуют, формируются непрозрачные, нигде не фиксируемые, не подвластные регулированию законом правила (нормы-оправдания), они берут на себя функции поддержки жизнеспособности и развития социума. Важнейшая из этих функций – «освоение правил», то есть интерпретация новых условий жизни, целесообразное (аберрантное) отклонение.

Таким образом, институциональная система российского общества, изменяясь, формирует новые «правила игры». Прежде всего, изменению подвергаются те социальные институты, которые определяют социальный тип общества – «базовые институты» (институты собственности, власти, образования).

В течение периода, уже соизмеряемого с масштабом смены поколений, в России идет процесс массовой выработки и усвоения моделей социально-экономической деятельности, более или менее соответствующих сложившейся системе формальных институтов и неформальных норм. Ведь человеку свойственно приспосабливаться к любому положению вещей, и если даже он не видит способов решения общих проблем, то способы решения проблем личных он все равно ищет и находит всегда. Если власть недостаточно выполняет свои функции по социальной поддержке, у человека неизбежно возникает установка на «ручной вариант решения проблем» - отношения неформальные, ненаблюдаемые, параллельные официальным, «теневые», - именно так он компенсирует отсутствие соответствующих легальных (государственных и общественных) возможностей.

Отсюда - существенный рост распространенности различных форм девиантного поведения, формирование социально-психологической атмосферы, в которой преобладающими стали чувство недоверия к социальным институтам, неуверенность и пессимизм - аномия. А поскольку состояние такого всеобщего безнормия, как следует из теории аномии Э. Дюркгейма и Р. Мертон, не может длиться неопределенно долго, то на смену социальной дезориентации приходят нормативные и ненормативные реакции на аномию.

В этих условиях аберрантная мотивация девиантных форм поведения легализуется в качестве нормативной, которая вытесняет абстрактно всеобщие мотивы поведения – правовые и нравственные – на периферию общественной жизни, утверждая эгоизм в качестве права на индивидуальность. Аберрантная мотивация тем самым формируется как габитус общества риска, стирая границы между девиантными и делинквентными формами поведения.

«Теневые практики» возникают во всех сферах жизнедеятельности и «габитализируются» («габитус» - одно из базовых понятий социологической концепции Пьера Бурдьё. Габитус – это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более менее адекватно на события и ситуации... Интериоризация жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознанной, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определенным – тем, а не иным способом. – Прим. авт.) [6] всеми заинтересованными категориями граждан. Полностью завершается этот процесс, «в результате передачи институционализируемых образцов новому

поколению, т.е. через воспроизводство молодым поколением приемлемых образцов, стереотипов поведения, превращения их в стандартизированные обычаи, традиции».

Литература

1. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь [Текст] / Э. Гидденс. – М., 2004. – С. 39.
2. Гишинский, Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль [Текст] : Избранные статьи / Я.И. Гишинский. – СПб., 2004.
3. Заславская, Т.И. Социентальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция [Текст] / Т.И. Заславская. – М., 2002.
4. Рывкина, Р.Э. Социология российских реформ: социальные последствия экономических перемен [Текст] : курс лекций / Р.Э. Рывкина. – Лекция 6.3. – М., 2004.
5. Саймон, Г. Рациональность как процесс и продукт мышления [Текст] / Г. Саймон // THESIS. – Вып. 3. – 1993.
6. Шматко, Н.А. Введение в социологию [Электронный ресурс] / Н.А. Шматко, П. Бурдьё. – Режим доступа: <http://bourdieu.name/book/export/html/7>

References

1. Giddens E. Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. [Escaping the world: how globalization is reshaping our lives] М., 2004. S. 39.
2. Gilinskiy Ya.I. Deviantnost', prestupnost', sotsial'nyy kontrol'. Izbrannyye stat'i: [Deviance, crime, social control. Featured articles] - SPb. 2004.
3. Zaslavskaya T. I. Sotsiental'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva. Deyatel'nostno-strukturnaya kontseptsiya: [Societally transformation of the Russian society. Activity-structural concept]- М. 2002.
4. Ryvkina R.E. Sotsiologiya rossiyskikh reform: sotsial'nye posledstviya ekonomicheskikh peremen. Kurs lektsiy: [Sociology of Russian reforms: the social consequences of economic change. Lectures]- М. 2004. Lektsiya 6.3.
5. Saymon G. Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniya [Rationality as process and as product of thought]// THESIS. Vyp. 3. 1993.
6. Shmatko N.A. Vvedenie v sotsiologiyu P. Burd'e.: [Introduction to the sociology of P. Bourdieu] URL: <http://bourdieu.name/book/export/html/7>

Швандерова А.Р. - доцент кафедры теории и истории права и государства ФГБОУ ВО Ростовский филиал «РГУП», кандидат социологических наук. E-mail: ashvanderova@yandex.ru

УДК 37.01

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шпалова Е.В.

Статья посвящена экспликации религиозной культуры как элемента общей культуры личности. Культура личности рассматривается автором как целостность её природных, и социальных характеристик, базирующихся на её включенности в творческую созидательную деятельность, на её гуманистическом отношении к миру. Религиозная культура общества представляет собой единство миропонимания и культа, т.е. обрядовых действий и избранной формы объединения и поведения верующих. Индивидуальная

религиозная культура, основанная на соответствующей системе ценностей и идеалов, проявляется в исполнении религиозных предписаний, норм поведения, отправлении религиозных культов и ритуалов. В качестве основных компонентов религиозной культуры личности автор выделяет религиозное сознание, религиозную деятельность и религиозные отношения. Опираясь на определение религиозной культуры личности, автор дает характеристику типов религиозности.

Ключевые слова: религиозная культура, религиозное сознание, религиозная деятельность, духовность личности.

RELIGIOUS CULTURE OF PERSON AS SUBJECT OF RESEARCH

Shpalova E.V.

The article is devoted to the explication of religious culture as an element of the general culture of the person. Culture of person regarded by the author as the integrity of its natural and social characteristics based on its involvement in the artistic creative activity, on its humanistic attitude toward the world. The religious culture of society is a unity of outlook and worship, i.e., ceremonial activities and the chosen forms of association and the behavior of believers. Individual religious culture based on the system of appropriate values and ideals is manifested in the performance of religious obligations, norms of behavior, religious cults and rituals. The main components of the identity of religious culture, author distinguishes the religious consciousness, religious activities and religious relations. Based on the definition of the religious culture of the individual, the author gives a description of religiosity types.

Keywords: religious culture, religious consciousness, religious activities, spiritual identity.

Культура личности есть целостность её природных, и социальных характеристик, базирующихся на её включенности в творческую созидательную деятельность, на её гуманистическом отношении к миру, на наличии в личности нравственно-регулирующей рефлексии, развитой инкультурированности и социализации, образованности, воспитанности и духовности, нацеленности на высшие смыслы существования.

Культура личности в гносеологическом плане есть совокупность знаний, смыслов существования, в функциональном аспекте она есть процесс, в котором проявляются её культургенетическая и деятельностно-культуротворческая природа, характер её социокультурного бытия. Аксиологически культура личности выступает как образование, локализующееся вокруг определенных групп ценностей, включая мировоззренческие. В онтологическом плане культура личности есть само созидающийся духовно-осваивающий информационный и нравственно-ориентированный феномен.

В структуре культуры личности можно выделить внутреннюю и внешнюю стороны, которые формируют её содержательный и функциональный уровни, включающие духовно-мировоззренческие элементы; духовно-регулятивные структуры; психолого-эмоциональные составляющие; функционально-прикладные компоненты.

Выделяют три уровня культуры личности:

1) культура личности как совокупность знаний человека об окружающем мире, обществе, самом себе, его мировоззрение и миропонимание. Формируется в процессе познавательной деятельности человека, его обучения в школе, вузе и т.п., самообразования, повседневной деятельности;

2) культура личности как совокупность человеческих чувств, переживаний, душевных стремлений. Формируется стихийно под воздействием социальной среды, в которой находится человек.

3) культура личности как совокупность навыков, умений, способов и норм деятельности индивида. Формируется в процессе жизнедеятельности человека.

Поскольку все три уровня тесно связаны и не могут существовать друг без друга, можно сказать, что культура личности – это единство и тесная связь внутренней и внешней ее культуры, ее внутреннего мира (духовное богатство личности, знания и чувства) и внешнего поведения (степень реализации внутренней культуры в повседневной деятельности.)

Культурное пространство, созданное человечеством, включает различные сферы: образование, воспитание, мораль, религию, законы, искусство, политику и т. д. Соответственно, важнейшими составляющими общей культуры личности следует считать нравственную, правовую, политическую, экологическую, эстетическую, коммуникативную, профессиональную культуру и др.

Нравственная культура личности формируется в результате этического просвещения, воспитания человека, а также под воздействием искусства, общечеловеческого опыта, личного жизненного опыта человека. Структуру нравственной культуры личности составляют: развитое нравственное сознание (нравственные знания ценности, чувства, воля), нравственное мировоззрение (нравственные идеалы, нормы принципы, интересы, убеждения и т. д.); нравственные качества (человеколюбие, сочувствие, доброта, честность, достоинство, ответственность и т. п.); нравственное поведение.

В нравственной культуре личности персонализируется, конкретизируется нравственная культура общества. Хотя содержание нравственной культуры личности во многом совпадает с нравственной культурой общества или социальной группы, она может отличаться от них субъективностью осмысления, направленностью или приоритетностью тех или иных нравственных ценностей. Безнравственные позиции, поступки, поведение имеют место, как правило, у отдельных людей. Большие же массы людей часто подвержены безнравственным действиям, оказываясь под мощным влиянием отрицательных лидеров или же находясь в условиях крайнего бесправия, нужды.

Нравственная культура тесно взаимосвязана с эстетической культурой личности, представляющей тот аспект духовного мира человека, который отражает социокультурную реальность с помощью категорий прекрасного, возвышенного, трагического и т. п.

Эстетическая культура личности включает в себя эстетическое сознание индивида, эстетическую деятельность, эстетическое воспитание. Она предполагает гуманизм художественного мышления и деятельности, утверждение в поведении, общении, деятельности человека прекрасного и возвышенного в качестве важнейших ценностей, а также свободу эстетического восприятия действительности и самовыражения личности.

Ядром эстетической культуры является художественная культура, которая представляет собой образно-творческое воспроизведение природы, общества и жизнедеятельности людей средствами народной художественной культуры и профессионального искусства.

Художественную культуру личности можно рассматривать как целенаправленный способ организации и развития её жизнедеятельности, результатом которой являются те или иные продукты творчества, воплощающие в себе художественный образ, т. е. эмоционально окрашенное отображение средствами, способами и формами искусства, массовой культуры и народного художественного творчества объективного и субъективного мира личности.

Неотъемлемой составляющей общей культуры личности является политическая культура, которая обусловлена ценностными представлениями человека о политических явлениях и находит выражение в поведении, стиле деятельности человека как участника политического процесса.

Правовая культура представляет собой совокупность правовых знаний, убеждений, установок личности, реализуемых в процессе труда, общения, поведения, отношения к материальным и духовным ценностям.

Экологическая культура личности характеризует социокультурный стиль отношения личности к окружающей среде, природе. Для нее важно осознание существования единой системы «человек, общество, природа», активное действенное участие в обсуждении, в

поиске способов решения проблем сохранения и восстановления биологического равновесия, бережного отношения ко всему живому.

Религиозная культура – часть духовной культуры личности, порожденная религиозными запросами людей и удовлетворяющая эти запросы в форме философских и этических учений, в виде компонентов художественного творчества (религиозной живописи, зодчества, музыки, литературы). Религиозная культура личности включает в себя религиозное сознание, религиозную психологию и религиозное поведение.

Физическая культура проявляется в целенаправленной деятельности личности по развитию своих физических способностей и укреплению здоровья.

В гармонично развитой личности необходимо целостное сочетание всех перечисленных составляющих, связанных с понятием «культура личности». Важными характеристиками культуры гуманистической, гармонично развитой личности являются образованность, духовность, интеллигентность, тактичность, развитое самосознание.

Образованность – это усвоение личностью объема знаний, накопленных обществом на определенной ступени его развития. Следует заметить, что сама по себе образованность как запас знаний человека напрямую не определяет нравственную, эстетическую культуру человека, его культуру общения.

В качестве важной части культуры личности выступает духовность, проявляющаяся в нравственности, гуманности, совести, правдивости, справедливости. Основное содержание духовности заключается в способности при любых обстоятельствах оставаться человечным в отношении окружающих людей.

Для характеристики культуры личности нередко используется и понятие «интеллигентность», весьма близкое к понятию «духовность». Под интеллигентностью подразумевают высокий уровень общекультурного развития: высокую нравственность, порядочность, высокоразвитое чувство такта, долга, честность, правдивость, ответственность, благородство. [9]

В становлении культуры личности велика роль тактичности, которая выражается в этикете, а также в совпадении внешнего и внутреннего аспектов общения. Самосознание – способность личности оценивать своё место в жизни, выбирать линию поведения, нести ответственность за этот выбор. В качестве ядра самосознания выступает мировоззрение, помогающее ориентироваться в конкретных ситуациях, планировать будущее.

Итак, культура личности в целом представляет собой совокупность социокультурных норм и ценностей, которыми человек руководствуется в процессе своей практической деятельности, реализуя свои потребности и интересы. [10]

Культура личности – это также комплекс знаний, способностей, привычек, способов достижения целей, ценностных ориентаций, позволяющий личности жить в гармонии с общечеловеческой и национальной культурой, обеспечивая своё личностное развитие и способствуя развитию общества. Поэтому, безусловно, очень важно гармоничное сочетание всех элементов, составляющих систему «культура личности». [7, С.134-136]

Современное состояние общества, характеризующееся всё нарастающими явлениями бездуховности, основанными на гипертрофии таких личностных черт, как жестокость, нетерпимость, равнодушие, стяжательство и т.д., что указывает на необходимость всестороннего анализа духовности современного человека с учётом её противоречивого характера, вызванного, в первую очередь, изменением ценностных ориентаций личности. [11]

Содержание понятия духовности с позиций социально-философского подхода определяется как совокупность впечатлений, идей и ценностей, которые так или иначе концентрируются в сознании, и объективируются в деятельности.

Структура духовности личности есть сочетание религиозной и светской составляющих, подразделяемых на эстетизм, этизм и теоретизм для светской направленности и эстетизм, этизм и догматизм для религиозной. Приращение духовности, её качественное и количественное развитие зависит от степени напряжённости в отношениях составляющих её структуры.

Становление духовности личности представляет собой диалогичный по своей природе процесс движения к целостности через преодоление жизненных, социальных и духовных противоречий. Среди основных противоречий становления духовности личности выделяются противоречия между светским и религиозным направлениями духовности, а также противоречия внутри самих направлений как противоречия в этизме, эстетизме и теоретизме (догматизме). Противоречие между светской и религиозной духовностью носит, скорее внешний характер и связано с определённым уровнем противостояния в социальной, культурной и других сферах.

Развитие цивилизации сопровождается обособлением многих сфер духовной жизни, как общества, так и личности. Процесс обособления уравнивается процессом сближения светской и религиозной духовности. Процесс становления как личностной, так и социальной духовности, представляя собой сложный диалектический процесс, может носить черты прогресса или деградации, поэтому духовность бывает не только позитивной, но и негативной, порою ведущей к бездуховности. В зависимости от светской или религиозной направленности духовности, а также от доминирования этизма, эстетизма или теоретизма (догматизма) в рамках данных направлений выделяются различные социальные типы духовности личности как виды её целостности.

Основные этапы становления духовности личности можно свести к следующим:

- этап элементарной духовности, сопровождающийся явлениями импринтинга и сензитивности;
- этап общественно-ориентированной духовности, который можно подразделить на два периода - активно-доверительной социализации и осознанной социализации, охватывающий детско-подростковый период;
- этап духовной саморегуляции, начинающейся в юности.

В современной философии можно выделить следующие основные подходы к трактовке духовности:

1. духовность рассматривается как ценностное состояние сознания, как развитость ценностных ориентаций;
2. духовность определяется, как способность обнаруживать в предметах социальные качества, открывать человеческое назначение вещей и устанавливать их связь с действиями людей;
3. духовность рассматривается как способ человеческой жизнедеятельности.[12]

В теоретическом плане духовность можно обозначить как систему смысловых ценностей бытия, освоенную и принятую человеком, группой, народом.

Множественность трактовок в различных научных направлениях приводит к множественности дефиниций понятия «духовность», ее признаков и структурных компонентов. В связи с этим духовность рассматривается:

- во-первых, как высший уровень развития личности на уровне субъекта, творца своей жизни, при котором человеческое поведение мотивируется высшими общечеловеческими ценностями, а активность личности направляется на удовлетворение духовных потребностей;
- во-вторых, как важнейший ресурс, позволяющий человеку организовать свои действия и поведение в соответствии со своей системой ценностных ориентаций и выстраивать позитивные взаимоотношения с обществом, другими людьми и с самим собой на высоком уровне морали и нравственности. [20]

Проблема формирования духовности личности в современной ситуации обусловлена целым рядом причин. Сегодня многие недуги социальной жизни: преступность, аморализм, проституция, алкоголизм, наркомания и прочие объясняются, прежде всего, состоянием бездуховности в современном российском обществе, состоянием, вызывающем серьезную тревогу и прогрессирующим из года в год.

Поиск путей преодоления этих социальных пороков выдвигает проблему духовности в центр гуманитарного знания. По мере осуществления социальных, экономических,

политических реформ в российском обществе, стремительно меняются условия и характер человеческого труда, его мотивация, и эта складывающаяся на наших глазах экономическая ситуация, предъявляет новые требования к совершенствованию личности, к ее развитию, к таким личностным качествам, как нравственность, ответственность, чувство долга, которые, в конечном счете, являются показателями духовной зрелости человека.

Немаловажным является, на наш взгляд, и тот факт, что Россия всегда считалась (вспомним русских классиков) средоточием, воплощением истинной духовности и в этом смысле противопоставлялась сытому, мещанскому западному миру. Поэтому утрата духовности в современном российском обществе может быть расценена в известной степени как утрата самобытности, уникальности российской культуры, процесс ее унификации. [6]

Продолжая говорить о духовности личности, хотелось бы и затронуть термин «религиозная личность», который включает в себя соединение двух отдельных понятий современной психологии: «религиозность» и «личность», поэтому анализ содержания этого термина мы начнем с рассмотрения этих двух определений.

В отечественной психологии «личность» это «человек как субъект социальных отношений и сознательной деятельности» и, «определяемое включённостью в социальные связи, системное качество индивида, формирующееся в совместной деятельности и общении». [3,С.187]

Под «религиозностью» в зарубежных и отечественных психологических и религиоведческих исследованиях понимают:

– воздействие религии на поведение и сознание отдельных индивидов и социальных демографических групп; [14,С.127]

– определённое состояние отдельных групп, общностей, людей, которые поклоняются и верят сверхъестественному, привержены к религии и принимают её верования и предписания; [13,С.293]

– качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения и отношений; [22,С.133]

– «целостное отношение человека к миру, пронизанное эмоциональным и оценочным восприятием явлений как природного, так и социального уровней, восприятием через универсальную призму сверхъестественного»; [18,С.17]

– определённый вид отношения человека к миру в форме чувственной «уверенности», которая основана на чувствах и эмоциональных переживаниях индивида, получаемых им через религиозный мистический опыт (исповеди, молитвы, переживание «обращения» и т. д.) и понимания существования высших сил; [2,С.98]

– ощущение того, что наш мир есть часть чего-то большего, сверхъестественного, где осознаются и осуществляются высшие цели существования человека; [1,С.152]

– психологически, культурно, социально детерминированное явление, без которого не может существовать общество, возникшие в результате отказа от влечений, институционализированных через табу и тотем и осознания бессмысленности убийства отца и т. д. [19]

Рассмотренные нами определения позволяют трактовать понятие религиозной личности, как субъекта социальных отношений и сознательной деятельности, наделённого мировоззрением, выражающим совокупность религиозных свойств поведения, сознания и отношений. [21]

Проблема классификации верующих людей в отечественной литературе долгое время рассматривалась и продолжает рассматриваться до сих пор, прежде всего, в рамках социологических исследований. Это связано с тем, что вера и религиозность в советском периоде официально не поощрялись, а верующие люди подвергались гонениям. Поэтому в работах советских учёных-религиоведов общие теоретические положения по этому вопросу были практически не подкреплены эмпирическими исследованиями.

В российский период развития отечественной науки можно выделить несколько оснований для классификации типов верующих людей:

1. Типология мировоззренческих групп людей, основанная на их отношении к религии и атеизму, предложенная Н.А. Мельниковой. [5,С.64] Она выделила шесть типов людей:

- глубоко верующие (проявление религиозности реализуется в поведении);
- верующие (вера слабо реализуется в поведении);
- колеблющиеся (характерно колебание между неверием и верой и элементы религиозного поведения);
- индифферентные к религии люди (характерно и отсутствие веры, и отсутствие ярких атеистических убеждений, религиозное поведение практически отсутствует);
- пассивные атеисты (проявляются неосознанные атеистические убеждения, религиозное поведение отсутствует, но и атеистические взгляды слабо реализуются в поведении);
- активные атеисты (присутствуют глубокие атеистические убеждения, реализуемые в поведении).

При этом религиозная личность может быть выражена в таких типах, как мистик; пророк; священнослужитель; реформатор; монах; основоположник религии и др.

2. Типология, основанная на идеи К.Г. Юнга о интровертированном и экстравертированном типах личности. Данная типология предложена Д.М. Угриновичем, который выделил два редко встречающихся в «чистом виде» типа религиозных людей: [15,С.352]

- мистик-созерцатель (вера служит средством ухода от окружающего мира, бегством в мир фантазий и иллюзий);
- социальный деятель (люди, для которых религия является специфическим способом самоутверждения, самореализации, проявления своего «Я» в системе религиозных отношений и в религиозной группе).

3. Типология, основанная на оценке критериев социальной ориентации и условий формирования религиозности. Так, в ходе эмпирических исследований Э.В. Протасова были выделены два типа личности верующих с позитивным и негативным социальным восприятием.[21]

Первый тип характеризуется активным участием в общественной работе, наличием друзей-неверующих, отсутствием осуждения людей, противоречащих религиозным заповедям, а также наличием мнения о том, что судьба человека зависит от него самого и от условий его жизни, а вера в бога не может помочь в преодолении аморальных явлений в обществе. Для представителей типа с негативным социальным восприятием характерно не участие в общественной работе; отсутствие друзей-неверующих, мнение, что судьба человека зависит от бога и только вера в бога может помочь в преодолении аморальных общественных явлений.

На основе второго критерия (условия формирования религиозности) было также выявлено два типа религиозной личности:

- религиозные с детства (это люди, которые относятся к религии как к чему-то привычному и устоявшемуся, а значительная часть - не имеет твёрдых убеждений по поводу истинности религиозных догматов);
- пришедшие к религии в результате «обращения» (верующие, выросшие в безрелигиозной среде, пришли к религии в юности или в зрелом возрасте, как правило, в результате жизненного кризиса, в поисках выхода из него).

4. Типология на основе уровня, содержания религиозного сознания в сочетании с типом религиозного поведения в рамках общей системы социальной деятельности индивида. На основе этих критериев И.Н. Яблоков выделил четыре типа верующих: [22,С.111-112]

- верующие, определяющей жизненной ориентацией у которых является религиозная ориентация, они убеждены и в других догматах, существенных для религии, их нравственное сознание находится под влиянием религии и они играют активную роль в религиозной группе;

– верующие, религиозная ориентация у которых является важной, но не определяющей, они, веря в Бога, не убеждены в некоторых других существенных догматах, их нравственное сознание лишь в какой-то степени находится под влиянием религии, а в религиозной группе верующие не играют активной роли;

– верующие, религиозная ориентация у которых является подчинённой, они утратили другие существенные элементы религиозной веры, сохраняя веру в Бога. Для них характерно освобождение нравственного сознания от влияния религии, нерегулярное участие в культовых действиях и отсутствие сознательного участия в распространении религиозных взглядов;

– колеблющиеся люди между верой и неверием: они не уверены в существовании Бога, в истинности тех религиозных догматов, которые предлагает церковь, они редко совершают культовые действия, у них нет постоянных связей с религиозной группой, и они не являются распространителями религиозных взглядов.

Итак, подводя итоги, можно сделать вывод о том, что религиозная личность – это субъект социальных отношений и сознательной деятельности, наделенный мировоззрением, выражающим совокупность религиозных свойств поведения, сознания и отношений.[8]

Рассмотренные нами основания для классификации типов верующих личностей, показывают, что, несмотря на всё многообразие существующих критериев, они не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. В целом проведённый нами анализ позволяет нам говорить о том, что для определения того или иного типа религиозной личности, требуется анализ следующих критериев:

– отношение к религии и атеизму;

– религиозный возраст и уровень развития мышления (религиозная вера, религиозные догматы, которые признают люди);

– религиозная информированность (знание и понимание основных положений вероучения);

– религиозный опыт (познание и самопознание Бога);

– религиозная мотивация социального поведения; воздействие религии на поведение человека;

– религиозные цели (направленность личности, задачи и социальные установки личности, определяющие характер и выраженность религиозности);

– религиозный стаж; воздействие личностных характеристик индивида на восприятие религиозных идей (преобладание тех или иных защитных механизмов, ригидность мышления, конформизм и др.) [21]

Таким образом, одной из основных составляющих духовной культуры человечества, порожденной религиозными запросами людей и призванная их удовлетворять является «Религиозная культура».

Компонентами религиозной культуры являются элементы художественного творчества (религиозное искусство, литература, публицистика), религиозные учебные заведения, библиотеки и издательства, религиозная философская и политическая мысль, а также нормы морали.

Специализированный уровень религиозной культуры - это систематизированные религиозные учения и конфессии, эзотерика, а обыденный - мистика, бытовая магия и суеверия. Свое непреходящее значение в культуре религия завоевала благодаря особой форме отношения к миру».[17]

Религиозная культура это - культурная система, возникшая и развившаяся под определяющим влиянием той или иной религии (конфессии) и "обслуживающая" сакральное отношение последней.

Идеальный тип религиозной культуры характеризуется в структурном отношении строго иерархической (пирамидальной) архитектоникой, а в содержательном отношении сложным двухуровневым строением, предполагающим сочетание "сверхчувственного" и "чувственного" социально-когнитивного содержания». [4]

Религиозная культура одна из основных разновидностей духовной культуры человечества, совокупность ценностей, норм, идеалов, образов и значений, характеризующих каждую из мировых религий. В основе религиозной культуры лежит комплекс верований, которые регулируют самые различные виды жизнедеятельности людей, их поведение и внутренние духовные процессы.

Сущность религиозной культуры состоит в том, что вероучение и определенные отношения человека с надприродными сущностями устанавливаются через систему действий, образов, процедур в замкнутом, освященном божественной благодатью пространстве, что придает религиозной культуре не только мировоззренческий, но и духовно-деятельностный характер.

Религиозная культура представляет собой единство миропонимания и культа, т.е. обрядовых действий и избранной формы объединения и поведения верующих. Возникновение религии и религиозной культуры, относящееся, как отмечено К. Ясперсом (1883—1969), к «осевому времени» I тыс. до н.э., стало новым самостоятельным периодом в истории человеческой цивилизации. Значение религиозной культуры заключалось в том, что она дала новые принципы духовной организации жизни человека и общества, и поэтому становление основных мировых религий (буддизм, конфуцианство, иудаизм, христианство, ислам) стало важнейшим фактором возникновения новых региональных цивилизаций.

Несмотря на существенные различия между отдельными мировыми религиями и религиозными направлениями, можно говорить о некоторых общих доминантах исторического развития религиозной культуры. Прежде всего, Религиозная культура отличается установлением универсальных критериев поведения человека и жизни общества. Одновременно, при общей направленности и ориентации на Бога или на сверхприродные сущности, она обращена к межличностным отношениям, а ее организующая роль связана с внедрением целого ряда этических норм. Поэтому, утверждая через институт церкви идеи долга, веры, сострадания, божественного знания, озарения и спасения, религиозная культура в равной степени обращена к обыденному существованию, к повседневной жизни и духовному миру всех без исключения людей независимо от их сословия, ранга, национальности или имущественного положения. Поэтому в религиозной культуре находят поддержку и развитие некоторые принципы гуманизма.

На протяжении длительного времени, а точнее, вплоть до установления господствующего положения светской культуры в капиталистическую эпоху Нового времени, религиозная культура оставалась одной из важнейших форм социальной и духовной жизни простых людей, что характерно для некоторых регионов мира (например, Ближний Восток) и по сей день.

Индивидуальная религиозная культура, основанная на соответствующей системе ценностей и идеалов, проявляется в исполнении религиозных предписаний, норм поведения, отправлении религиозных культов и ритуалов. Как правило, конечной целью она признает индивидуальное моральное совершенствование.

По отношению к человеку религиозная культура всегда носила двойственный характер: с одной стороны, она утверждала уход от обыденного мира, а с другой — объективно способствовала его принятию путем познания его высшей сущности или его совершенствования и преобразования.

Поэтому религиозная культура стала важнейшим средством ориентации человека в мире на основе идеальных представлений о его строении и поведении людей. В истории человечества религиозная культура стала одним из важнейших социальных институтов, который непосредственно воплощает присутствие божественных или высших духовных начал на земле и одновременно выполняет практические организационные функции. [16]

В структуре религиозной культуры выделяются религиозное сознание, деятельность, отношения, институты и организации.

1. Религиозному сознанию присущи чувственная наглядность, созданные воображением образы, соединение адекватного действительности содержания с

иллюзиями, вера, символичность, диалогичность, сильная эмоциональная насыщенность, функционирование с помощью религиозной лексики (и других специальных знаков).

Интегративной чертой религиозного сознания является религиозная вера. Не всякая вера есть вера религиозная, последняя "живет" благодаря наличию особого феномена в психологии человека. Вера это особое психологическое состояние уверенности в достижении цели, наступлении события, в предполагаемом поведении человека, в истинности идеи при условии дефицита точной информации о достижимости поставленной цели, о конечном итоге события, о реализации на практике предвидимого поведения, о результате проверки.

Религиозное сознание выступает в чувственных формах (образы созерцания, представления) и мыслительных формах (понятие, суждение, умозаключение).

Религиозные чувства - это эмоциональное отношение верующих к признаваемым объективными существам, свойствам, связям, к сакрализованным вещам, персонам, местам, действиям, друг к другу и к самим себе, а также к религиозно интерпретируемым отдельным явлениям в мире и к миру в целом.

Религиозное сознание существует, функционирует и воспроизводится посредством религиозной лексики, а также других производных от естественного языка знаковых систем предметов культа, символических действий и пр. Религиозная лексика - это та часть словарного состава естественного языка, с помощью которой выражаются религиозные значения и смыслы. Имена религиозной лексики можно разделить на две группы: 1) означающие действительные предметы с атрибутизированными свойствами, например "икона", "крест", "храм", "кардинал", "монастырь"; 2) означающие гипостазированные существа, свойства, связи, такие, как "Бог", "ангел", "душа", "чудо", "ад", "рай".

Религиозное сознание имеет два уровня - обыденный и концептуальный. Обыденное религиозное сознание предстает в виде образов, представлений, стереотипов, установок, мистерий, иллюзий, настроений и чувств, влечений, чаяний, направленности воли, привычек и традиций, которые являются непосредственным отражением условий бытия людей.

Религиозное сознание на концептуальном уровне - концептуализированное сознание это специально разрабатываемая, систематизируемая совокупность понятий, идей, принципов, рассуждений, аргументаций, концепций. В ее состав входят:

- более или менее упорядоченное учение о Боге (богах), мире, природе, обществе, человеке, целенаправленно разрабатываемое специалистами (вероучение, теология, богословие, символы веры и т. д.);

- осуществляемая в соответствии с принципами религиозного мировоззрения интерпретация экономики, политики, права, морали, искусства, т. е. религиозно-экономические, религиозно-политические, религиозно-правовые, религиозно-этические, религиозно-эстетические и прочие концепции (теология труда, политическая теология, церковное право, нравственное богословие и т. д.);

- религиозная философия, находящаяся на стыке богословия и философии (неотомизм, персонализм, христианский экзистенциализм, христианская антропология, метафизика всеединства и др.).

2. В религии разворачивается соответствующая деятельность. Последняя представляет собой "движущий", "беспокойный" компонент. Следует различать нерелигиозную и религиозную деятельность религиозных индивидов, групп, институтов и организаций.

Нерелигиозная деятельность осуществляется во внерелигиозных областях: экономическая, производственная, профессиональная (в различных сферах разделения труда), политическая, государственная, художественная, научная. Она может быть религиозно окрашена, в качестве одного из ее мотивов может выступать религиозный мотив.

Религиозная деятельность занимает своеобразное место в системе общественной деятельности. Существуют два основных вида религиозной деятельности: внекультовая и культовая.

Внекультовая деятельность осуществляется в духовной и практической сферах. Духовную внекультовую деятельность образуют разработка религиозных идей, систематизация и интерпретация догматов теологии сочинение богословских произведений и т. д. Разновидностями практической внекультовой деятельности являются производство средств религиозного культа, миссионерство, участие в работе соборов, преподавание богословских дисциплин в учебных заведениях (школах, университетах, духовных учебных заведениях), управленческая деятельность в религиозных организациях и институтах, пропаганда религиозных взглядов через печать, радио, телевидение, религиозная пропаганда в семье и в других контактных группах. Следует подчеркнуть, что, как правило, во внекультовую деятельность в большей или меньшей мере проникают и элементы культа.

Важнейшим видом религиозной деятельности является культ (от лат. «cultus» - уход; почитание). Его содержание определяется соответствующими религиозными представлениями, идеями, догматами. Религиозное сознание предстает в культе, прежде всего, в виде культового текста, к которому относятся тексты Священного Писания, Священного Предания, молитв, псалмов, песнопений и др. Предметом культовой деятельности становятся различные объекты и силы, осознаваемые в форме религиозных образов. В качестве предметов культа в религиях разных типов, в разных религиозных направлениях и конфессиях выступали материальные вещи, животные, растения, леса, горы, реки, Солнце, Луна и пр. Различают также коллективную культовую деятельность.

3. В соответствии с различными видами деятельности складываются отношения внерелигиозные и религиозные.

Религиозные отношения представляют собой вид отношений в духовной сфере, которые складываются в соответствии с религиозным сознанием, реализуются и существуют посредством религиозной деятельности. Их носителями могут быть индивиды, группы, институты, организации. Религиозные отношения могут быть культовыми и внекультовыми.

4. Организации и институты. Для "ориентации" во внерелигиозных областях создаются экономические институты (например, "Банк святого духа" в Ватикане), политические партии (христианские, исламские и др.), профсоюзы женские, молодежные и прочие формирования.

Складываются учреждения и в религии религиозных организаций - внекультовые и культовые. К внекультовым отнесем звенья управления внекультовой деятельностью (церковный совет, ревизионная комиссия, отделы образования, департаменты прессы, ректораты духовных учебных заведений и пр.), а среди культовых упомянем причт, клир, диаконат, епископат. В первобытном обществе религиозных организаций не было.

Последователи определенного вероисповедания составляют религиозную общность. В рамках общности на основе различных видов деятельности культовой и внекультовой выделяется целая система религиозных субгрупп. Существование и функционирование общности, как единого целого, обеспечиваются организацией.

В зависимости от условий возникновения и существования религиозные организации принимают монархический (католицизм, православие), парламентскокоролевский (англиканство), республиканско-демократический (кальвинизм, баптизм) и иной вид. Общность со всеми своими организационными элементами представляет собой религиозное объединение. Первичной ячейкой объединения является религиозная община, над общинами надстраивается комплекс звеньев вплоть до высшего звена центра объединения.

Одним из важных прав граждан при демократии является **свобода совести и вероисповедания.**

Свободомыслие в отношении религии всегда воспринималось людьми как проявление их неотъемлемых прав. Это своеобразное духовное течение, исходным пунктом которого является **признание права разума на критическое рассмотрение религии** и свободное творческое исследование окружающего мира. Это право могло реализоваться стихийно, но могло отстаиваться сознательно и воплощаться в теоретической форме.

Объективными факторами возникновения и развития свободомыслия являются рост производства, ведущий к успешному освоению мира человеком, возрастание активности людей в ходе исторического развития, повышение уровня духовной культуры человечества.

Свободомыслие является органичным продуктом развития человеческой практики, естественных и гуманитарных наук, образования, совершенствования искусства и нравственности. Критические настроения в отношении религии усиливались в периоды динамичного развития общества, расцвета политической и культурной жизни, готовящихся серьезных социальных перемен.

Свободомыслие отражает стремление человека прорвать кольцо внешней и внутренней духовной несвободы, было условием и вместе с тем результатом вызревания и развития реальной свободы. Критический пересмотр господствующей религиозной концепции, как правило, связан с объективной необходимостью более адекватного отражения существующих условий, производства новых идей, преодоления препятствий для свободного социального и культурного творчества. Появление и распространение в эпоху господства религии сект, ересей, нетрадиционных культов, антирелигиозного вольнодумства, атеизма и т. д. расширяли сферу несогласия с установлением религиозной монополии в духовной жизни общества.

Развитие науки, накопление знаний о мире приводили в те или иные периоды существования человечества к духовным революциям, в процессе которых появлялись и укреплялись новаторские формы духовной деятельности. Тесная связь свободомыслия с процессом познания выражается не только в том, что свободомыслие обогащается добытыми человечеством положительными знаниями, но и в том, что оно содействует их развитию. Формируя на протяжении истории в противовес догматическому критический стиль мышления, свободомыслие содействовало разрушению стереотипов в сознании человека.

Свободомыслие проявляется в многообразных формах.

Богоборчество - наиболее ранняя форма критики религиозных представлений. Богоборец испытывает чувство протеста против Бога, создавшего мир, который представляется богоборцу жестоким, несправедливым. Богоборческие настроения вызываются осознанием социальной несправедливости, отчаянием, внезапным горем, неудовлетворенностью личной судьбой.

Скептицизм - сомнение в истинности религии или отдельных ее положений. Сомнение как методологический принцип познания - одно из орудий постижения истины. Скептицизм может проявляться не только у философа, но и у поэта, художника, естествоиспытателя, ученого-теоретика, любого труженика. Он способствует возникновению научно обоснованных форм критики религии.

Антиклерикализм - идейное и социальное движение, направленное против притязаний церкви и духовенства на господство в обществе. Сегодня антиклерикализм играет заметную роль в борьбе против попыток религиозных организаций установить монополию на духовную жизнь — на образование, моральные предписания, трактовку социальных процессов и т. д.

Индефферентизм - безразличие, равнодушие к религии или ее существенным идеям. В века господства религии в обществе безразличие к религии далеко не всегда означало отсутствие духовности и мировоззренческую индифферентность. Об этом свидетельствуют произведения, свободные от обращения к богам, ставящие в центр внимания человека и его творческую деятельность.

Нигилизм - бунт против религии с позиций эгоистического индивида, считающего, что ему «все позволено». Это отрицание религии, не связанное с положительными идеалами.

Нигилизм борется с религией во имя утверждения анархистского своеволия, «сильной личности», беззащитно попирающей ценность других людей.

Натурализм исходит из признания того, что существует лишь природа, выступает против представлений, признающих нечто сверхприродное. С позиций натурализма человек и общество — часть природы, неотделимая от нее. Природа, общество и человек познаются естественными средствами; не случайно натурализм в каждый исторический период опирался на естественно - научные знания своего времени.

Атеизм - сознательное отрицание идеи Бога. Это сторона мировоззрения, совокупность взглядов, характеризующихся непринятием религиозных представлений о мире. Атеистические идеи находили выражение в искусстве, художественной литературе, народном творчестве, научных, этических, философских и других сочинениях.

Светский гуманизм - течение в культуре разных исторических эпох, главной чертой которого является защита достоинства человеческой личности, ее права на счастливую жизнь на земле, на свободное развитие, в том числе духовное.

Но, надо заметить, свободомыслие не всегда было благотворным для развития культуры. Критериями благотворности тех или иных проявлений свободомыслия являются гуманистическая направленность, духовное раскрепощение человека, способствующее возрастанию его творческой деятельности, развитие способности критического осмысления действительности, преодоление авторитаризма и догматизма, содействие нравственному совершенствованию человека и общества.

Свободное философское осмысление религии является одним из путей самопознания человечества. Признание религии общества, вплетенной в самые разные стороны социальной и духовной жизни человечества, творением самого человека, открывает возможность проникновения в глубины внутреннего мира личности и общества, в котором она существует.

Таким образом, в нашем исследовании, в рамках этого параграфа, мы раскрыли понятие культуры, ее сущности и значения, культуры личности и ее становления, дали формулировку религиозной личности и указали типы верующих. Рассмотренные нами основания для классификации типов верующих личностей, показывают, что, несмотря на всё многообразие существующих критериев, они не столько противоречат, сколько дополняют друг друга.

Обобщив все вышесказанное можно сказать, что религиозная культура одна из основных разновидностей духовной культуры человечества, которая регулирует самые различные виды жизнедеятельности людей, их поведение и внутренние духовные процессы, что так необходимо нашему обществу на современном этапе развития и духовного кризиса человечества.

Литература

1. Вундт, В. Проблемы психологии народов [Текст] / В. Вундт. – СПб. : Питер, 2001.
2. Джеймс, У. Многообразие религиозного опыта [Текст] / У. Джеймс. – М. : Наука, 1993.
3. Краткий психологический словарь [Текст] / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Ростов н/Д : Феникс, 1998.
4. Лебедев, С. Философский глоссарий [Электронный ресурс] / С. Лебедев. – 2002. – Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/190/word/religioznaja-kultura> (Дата обращения: 31.01.2016.)
5. Мельникова, Н.А. Социальная психология [Текст] / Н.А. Мельникова. – М. : Аллель - 2000, 2005. – 64 с.
6. Мухамеджанова, Н.М. Формирование духовности как задача образования [Электронный ресурс] / Н.М. Мухамеджанов. – Режим доступа: http://bank.orenipk.ru/Text/t13_327.htm (Дата обращения: 31.01.2016.)

7. Поломошнов, А.Ф. Культурология [Текст]: курс лекций / А.Ф. Поломошнов, Т.В. Хоменко, Е.Е. Пойда, Н.Н. Колосова ; отв. ред. А.Ф. Поломошнов. – п. Персиановский: Донской ГАУ, 2011. – 168 с.
8. Поломошнов, А.Ф. История религии [Текст] : курс лекций / А.Ф. Поломошнов, Т.В. Хоменко, А.Д. Денисов, П.А. Поломошнов, М.С. Леонова, О.В. Пимонова ; отв. ред. А.Ф. Поломошнов. – п. Персиановский : Донской ГАУ, 2009. – 285 с.
9. Поломошнов, А.Ф. Краткий курс житейской мудрости [Текст] / А.Ф. Поломошнов. – п. Персиановский : Донской ГАУ, 2009. – 272 с.
10. Поломошнов, А.Ф. Творчество и гуманизм: альтернативные концепции [Текст] / А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. - 2014. - № 3 (13). - С. 124-136.
11. Поломошнов, А.Ф. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры [Текст] / А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. - С. 695.
12. Попов, В.Я. Становление духовности личности [Электронный ресурс] / В.Я. Попов. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/stanovlenie-duhovnosti-lichnosti.html> (Дата обращения: 31.01. 2016.)
13. Тощенко, Ж.Т. Социология. Общий курс [Текст] / Ж.Т. Тощенко. – 2-е изд., доп. и перераб. – М. : Прометей ; Юрайт-М, 2001.
14. Угринович, Д.М. Введение в религиоведение [Текст] / Д.М. Угринович. – 2-е изд., доп. – М. : Мысль, 1985.
15. Угринович, Д.М. Психология религии [Текст] / Д.М. Угринович. – М. : Политиздат, 1986. – 352 с.
16. Федоров, А.А. Введение в теорию и историю культуры [Электронный ресурс] : словарь / А.А. Федоров. – 2012 г. Режим доступа: <http://terme.ru/dictionary/1019380/word/religioznaja-kultura>(Дата обращения: 31.01.2016.)
17. «Философия» «Религия» Религиозная культура [Электронный ресурс] . – Режим доступа: <http://www.Grandars.ru/college/filosofiya/religioznaya-kultura.html> (Дата обращения: 31.01.2016)
18. Финк, Р.А. Религиоведение [Текст] : учеб. пособие / Р.А. Финк. – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2009.
19. Фрейд, З. Будущее одной иллюзии [Текст] / З. Фрейд // Психоанализ. Религия. Культура. – М. : Ренессанс, 1992. – С. 17–64.
20. Чхиквадзе, Т.В. Духовность личности: сущностные признаки, структура и особенности проявления у студентов [Электронный ресурс] / Т.В. Чхиквадзе. – Режим доступа: <http://www.dissects.com/content/dukhovnost-lichnosti-sushchnostnye-priznaki-struktura-i-osobennosti-proyavleniya-u-studentov#ixzz3yolkeN9o> (Дата обращения 31.01.2016.)
21. Шмелев, И.М. Понятие «Религиозная личность» и классификации типов верующих людей в зарубежной и отечественной психологии [Электронный ресурс] / И.М. Шмелев. – Режим доступа: http://www.sociosfera.com/publication/conference/2012/151/ponyatie_religioznaya_lichnost_i_klassifikacii_tipov_veruyuwih_lyudej_v_zarubezhnoj_i_otechestvennoj_psihologii/ (Дата обращения: 31.01.2016.)
22. Яблоков, И.Н. Методологические проблемы социологии религии [Текст] / И.Н. Яблоков. – М.: МГУ, 1972. – 133 с.

References

1. Vundt V. Problemy psikhologii narodov. [Problems of the psychology of nations] – SPb. : Piter, 2001.
2. Dzhejms U. Mnogoobrazie religioznogo opyta. [Varieties of Religious Experience] – М.: Nauka, 1993.

3. Kratkiy psikhologicheskiy slovar' [Short psychological dictionary] / pod red. A.V. Petrovskogo, M.G. Yaroshevskogo. – Rostov n/D. : Feniks, 1998.
4. Lebedev S. Filosofskiy glossariy [Philosophical glossary] 2002. URL: <http://terme.ru/dictionary/190/word/religioznaya-kultura> (Data obrashcheniya: 31.01.2016.)
5. Mel'nikova N.A. Sotsial'naya psikhologiya. [Social Psychology] – M.: Allel' - 2000, 2005. – 64 s.
6. Mukhamedzhanova N.M. Formirovanie dukhovnosti kak zadacha obrazovaniya. [Formation of spirituality as a problem of education] URL: http://bank.orenipk.ru/Text/t13_327.htm (Data obrashcheniya: 31.01.2016.)
7. Polomoshnov A.F. Kul'turologiya: kurs lektsiy [Cultural Studies: lectures] /A.F. Polomoshnov, T.V. Khomenko, E.E. Poyda, N.N. Kolosova; otv. red. A.F. Polomoshnov. – p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2011. – 168 s.
8. Polomoshnov A.F. Istoriya religii: kurs lektsiy [The history of religion: a course of lectures] /A.F. Polomoshnov, T.V. Khomenko, A.D. Denisov, P.A. Polomoshnov, M.S. Leonova, O.V. Pimonova; otv. red. A.F. Polomoshnov. – p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. – 285 s.
9. Polomoshnov, A.F. Kratkiy kurs zHITEYSKOY mudrosti [A short course of worldly wisdom] /A.F. Polomoshnov. - p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. – 272 s.
10. Polomoshnov, A.F. Tvorchestvo i gumanizm: al'ternativnye kontseptsii [Creativity and Humanity: Alternative Approaches] /A.F. Polomoshnov, P.A. Polomoshnov //Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. - 2014. - № 3 (13). - S. 124-136.
11. Polomoshnov, A.F. Problema tvorchestva i postmodernistskiy krizis kul'tury [Problem of creativity and post-modern culture crisis] /A.F. Polomoshnov, P.A. Polomoshnov //Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2014. - № 5. - S. 695.
12. Popov V.Ya. Stanovlenie dukhovnosti lichnosti [Becoming a person of spirituality] URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/stanovlenie-duhovnosti-lichnosti.html> (Data obrashcheniya: 31.01.2016.)
13. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiya. Obshchiy kurs. [Sociology. guideline] – 2-e izd., dop. i pererab. – M. : Prometey: Yurayt-M, 2001.
14. Ugrinovich D. M. Vvedenie v religiovedenie. [Introduction to Religious Studies] – 2-e izd., dop. – M.: Mysl', 1985.
15. Ugrinovich D.M. Psikhologiya religii. [Psychology of religion] – M.: Politizdat, 1986. – 352 s.
16. Fedorov A.A. Vvedenie v teoriyu i istoriyu kul'tury. Slovar'. [Introduction to the theory and history of culture. Dictionary] 2012 g. URL:<http://terme.ru/dictionary/1019380/word/religioznaya-kultura>(Data obrashcheniya: 31.01.2016.)
17. «Filosofiya» «Religiya» Religioznaya kul'tura. ["Philosophy", "Religion" Religious Culture] URL: <http://www.Grandars.ru/college/filosofiya/religioznaya-kultura.html> (Data obrashcheniya: 31.01.2016)
18. Fink R. A. Religiovedenie : ucheb. posobie. [Religious Studies. benefit] – Omsk: Izd-vo OmGTU, 2009.
19. Freyd Z. Budushchee odnoy illyuzii [The Future of an Illusion] // Freyd 3. Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura. – M. : Renessans, 1992. – S. 17–64.
20. Chkhikvadze T.V. Dukhovnost' lichnosti: sushchnostnye priznaki, struktura i osobennosti proyavleniya u studentov. [Spiritual personality: the essential features of the structure and features of display of the students'] URL: <http://www.dissects.com/content/dukhovnost-lichnosti-sushchnostnye-priznaki-struktura-i-osobennosti-proyavleniya-u-studentov#ixzz3yolkeN9o> (Data obrashcheniya 31.01.2016.)
21. Shmelev I.M. Ponyatie «Religioznaya lichnost'» i klassifikatsii tipov veruyushchikh lyudey v zarubezhnoy i otechestvennoy psikhologii. [The concept of "religious identity" and the classification of types of people who believe in the foreign and domestic psychology.]

URL:[http://www.sociosphera.com/publication/conference/2012/151/ponyatie_religioznaya_lichnost_i_klassifikacii_tipov_veruyuwih_lyudej_v_zarubezhnoj_i_otechestvennoj_psihologii/\(Data obrashcheniya: 31.01.2016.\)](http://www.sociosphera.com/publication/conference/2012/151/ponyatie_religioznaya_lichnost_i_klassifikacii_tipov_veruyuwih_lyudej_v_zarubezhnoj_i_otechestvennoj_psihologii/(Data_obrashcheniya:31.01.2016.))

22. Yablokov I. N. Metodologicheskie problemy sotsiologii religii. [Methodological problems of sociology of religion] – М.: MGU, 1972. – 133 с.

Шпалова Елена Владимировна – соискатель кафедры философии и истории Донского государственного аграрного университета.

УДК 130.2

ФЕНОМЕН НЕОВАРВАРИЗАЦИИ В КУЛЬТУРЕ

Меняйло А.А.

В статье анализируется феномен неоварваризации в культуре и формы его проявлений. Представлены взгляды Ф. Ницше, который рассматривал внедрение «первобытной силы» как возможность обновления истории. Х. Ортега-и-Гассет процесс варваризации описывал основном негативно и связывал его с распространением массовой культуры и уходом от цивилизационных норм и ценностей.

Н.А. Бердяев объясняет варваризацию культуры природой самой цивилизации, когда над человеком начинает господствовать техника и механистичность. Схожей позиции придерживается А. Тойнби, который считал варваризацию неизбежным этапом в жизненном цикле любой цивилизации.

В конце XXвека сложность и стихийность процессов глобализации поставили вопрос о возможности появления новой исторической фигуры – варвара. Тогда же начинается анализ сущности и предпосылок варваризации современного общества. В статье указываются тенденции, формирующие пространство неоварваризации, предпосылки их возникновения. Описаны процессы трансформации в сфере культуры и ментальности, характеризующие некоторые тенденции современного переходного периода, но сущностно схожие с архаической культурой. Это иррационализация культуры, которая проявляется в увлечении магией и фантастикой, в замене печатного слова и звучащей речи изображением (телевидение, кино), в отказе от научного познания как средства понимания окружающего мира в пользу мифа и религии. Архаизации общественной жизни проявляется также в тоталитарных режимах, в девальвации ценностей культуры модерна, в ремифологизации массового сознания, в господстве «клипового сознания», воскрешении дохристианских религиозных традиций и культов. «Новое варварство»выражается в обострении этнических и конфессиональных конфликтов, ослаблении государственной власти, усилении влияния международных криминальных структур, росте терроризма.

Ключевые слова: культура, цивилизация, варваризация, новая варваризация, неоархаика, глобализация, цивилизационный кризис.

PHENOMENON OF NEOBARBARIZATION IN CULTURE

Menyaylo A.A.

The article analyzes the phenomenon of neobarbarization in culture and forms of its manifestation. Views of F. Nietzsche who considered introduction of "the primitive force" as a possibility of updating of history are presented. The process of barbarization H. Ortega-i-Gasset described main negatively and connected it with distribution of mass culture and leaving from civilization norms and values.

N. A. Berdyaev explains barbarization of culture with the nature of the civilization when the equipment and mechanicalness begins to dominate over the person. A. Toynbee who considered barbarization an inevitable stage in life cycle of any civilization adheres to a similar position.

At the end of the 20th century, complexity and spontaneity of processes of globalization have raised a question of a possibility of emergence of a new historical figure – the barbarian. Then the analysis of essence and prerequisites of barbarization of modern society begins. In the article the tendencies forming space of neobarbarization, the prerequisite of their emergence are specified. The processes of transformation in the sphere of culture and mentality characterizing some tendencies of a modern transition period, but appreciably similar to archaic culture are described. It is an irratsionalization of culture which is shown in hobby for magic and a fantasy, in replacement of the printing word and the sounding speech with the image (television, cinema), in refusal of scientific knowledge as means of understanding of the world in favor of the myth and religion. Arkhaization of public life it is shown also in the totalitarian modes, in devaluation of values of culture of a modernist style, in a remifologization of mass consciousness, in domination of "clip consciousness", in revival of pre-Christian religious traditions and cults. "New barbarity" is expressed in an aggravation of the ethnic and confessional conflicts, weakening of the government, strengthening of influence of the international criminal structures, growth of terrorism.

Keywords: *culture, civilization, barbarization, new barbarization, neoantiquity, globalization, civilization crisis.*

Проблема варваризации культуры не является новой, но сегодня она приобретает особую значимость. Процессы варваризации существовали всегда, но долгое время считалось, что культура развивается линейно и поступательно. Сегодня же варваризация стала мощной и системной, стала нормой в культуре и не выглядит как нечто разрушительное для нее. В конечном счете, это может привести только к одному - к превращению людей в дикарей внутри цивилизации. Варваризация, самой яркой чертой которой было и остается разрушение, при своем распространении может создать целую армию людей, которые не станут разделять культурные и моральные устои остальных. Поэтому очень важно понимать природу этого феномена в культуре, знать его историю и тенденции.

О возможности прорыва в мир цивилизации «внутренне здоровой, первобытной силы», воплощенной в «варварской» дионисийской стихии, писал Ф. Ницше, однако он усматривал в этом обновление истории. С точки зрения философа, первобытное начало должно было бы влить новые силы в ослабевшую, «большую» западноевропейскую культуру и трансформировать носителя этой культуры - слабого, «больного», рассудочного «сократовского» человека. [1]

К. Н. Леонтьев, «русский Ницше», тоже предсказывал близкий конец истории. Человечество как живое и органическое явление «...должно же когда-нибудь погибнуть и окончить свое земное существование». [2] Крупнейшие мировые цивилизации «постарели», а на исторической арене более не появляются сильные духом «молодые» племена, дающие импульс для исторического развития.

В первой половине XX в. о возможности грядущей варваризации, о хрупкости цивилизации, о зыбкости границ между цивилизацией и варварством писали Д. Мережковской, А. Швейцер, П. Сорокин и др.

До середины XX в. варваризация оценивалась в основном негативно, на что повлияли I мировая война, череда последовавших революций и наступление эпохи массового общества. Как отмечал Х. Ортега-и-Гассет, «новым варваром» является «массовый человек», который охотно пользуется благами цивилизации, но не приобщился к истинной культуре. «Человек массы считает, что та цивилизация, которую он видит и использует со дня рождения, так же первозданна и самородна, как Природа, и тем самым становится в положение дикаря». [3] По мнению философа, «новое варварство» характеризуется отсутствием у человека культурных норм, ценностей и принципов цивилизованного общества, интереса к культуре в целом и

нежеланием защищать ее. А поскольку динамика общественной жизни приводит к ее усложнению, то цивилизация становится хрупкой и уязвимой. Творческих людей, которые способны изобрести новые средства для разрешения цивилизационных проблем становится все меньше, и основная масса людей не в состоянии идти в ногу со своей собственной цивилизацией. Подтверждением этому, по мнению философа, стали фашизм и коммунизм, которые расценивались им как возврат к архаическому.

Н.А. Бердяев также отмечал, что в цивилизации XX в. «начинают обнаруживаться процессы варваризации, огрубения, утраты совершенных форм, выработанных культурой. Эта варваризация может принимать разные формы... Это будет варварство от самой цивилизации... варварство, заложенное в самой технике цивилизации. Такова диалектика самой цивилизации. В цивилизации иссякает духовная энергия, угашается дух — источник культуры. Тогда начинается господство над человеческими душами не природных сил, сил варварских в благородном смысле этого слова, а магического царства машинности и механичности, подменяющей подлинное бытие». [4]

Мысль о том, что варварство происходит от природы самой цивилизации, особенно подчеркивал А. Тойнби, который считал, что появление «внутренних варваров - это неизбежный этап в жизненном цикле любой локальной цивилизации. Х. Ортега-и-Гассет, Н.А. Бердяев, А. Тойнби считали, что варваризация характеризует не «отсталые регионы», а страны, которые достигли серьезных цивилизационных успехов.

В конце прошлого века еще жила мысль о том, что несовершенства индустриального общества будут преодолены в постиндустриальном. Но уже через несколько десятков лет выявились сложность, стихийность и антиномичность процессов глобализации. «Закат Европы» теперь стал трактоваться как «закат цивилизации» в целом, что требовало решить вопрос о том, кто же выйдет на мировую сцену в качестве новых исторических игроков? Не будет ли Варвар столь востребованной исторической фигурой? Не может ли человечество в ситуации экологической и антропологической катастрофы вернуться даже к «доархаике», ко времени зарождения жизни?

С середины прошлого века начался анализ сущности и предпосылок варваризации современного общества. В «философии жизни» был выделен ряд признаков, характеризующий «переворот в умах», сопровождающий архаизацию общественной жизни. Это, прежде всего, иррационализация культуры, просматривающаяся в увлечении магией и фантастикой и замене печатного слова и звучащей речи изображением (телевидение, кино). Все это был «гигантский шаг назад к варварству». [5]

Происходит отказ от научного познания как средства понимания окружающего мира в пользу мифа и религии. Да и сама идея трансцендентного понимается в доцивилизационном формате. Об этом подробно см. [6] и [7].

Современная эпоха, переживаемая человечеством как переходная, характеризующаяся глобальными трансформациями, позволяет говорить «цивилизационном сломе». Отмечается кризис, угрожающий бытию самого человечества. Новый глобальный порядок представляется как относительно устойчивый, однако принципиально неравновесный, что связано с его подвижной, гибкой и изменчивой сетевой структурой, хаотическим характером развития глобальных процессов. «Обратные» переходы, возвраты к догосударственному состоянию как раз и возникают, когда в обществе не возможно поддерживать и развивать соответствующий цивилизации уровень сложности. В связи с этим встает вопрос о формулировании новой формы самоорганизации, отличающейся от цивилизации. В ней преодолевается господство социальной компоненты и восстанавливается баланс социального, природного и субъектного.

Феномен «Нового варварства» характеризуют обострение этнических и конфессиональных конфликтов, ослабление государственной власти, усиление влияния международных криминальных структур, рост терроризма и т. д. [8] Нарастание «неоархаики» связывают с усилением диспропорций в развитии постиндустриальных западных и новых индустриальных стран Востока, с нарастанием хаоса в мире «нищего

миллиарда» «глубокого Юга». Возможность прорыва «мирового андеграунда» в социальный мир может вернуть историческое время к «пещерной архаике и дикости протоистории; ибо в истории соприсутствует всегда запретный код саморазрушения» [9]

В этих условиях постиндустриальный мир имеет тенденцию к «самозамыканию», в результате чего за пределы глобального сообщества «вытесняются» страны третьего мира. Это приводит к катастрофической разнице в уровне доходов между высокоразвитыми и беднейшими странами, к невозможности решить последними глобальные экологические, экономические, социально-политические, этнические, демографические проблемы, к росту количества «несостоявшихся» государств, в которых постоянные военные, этнические и политические конфликты, которые угрожают существованию государственности как таковой.

Более подробно остановимся на реально существующих и развивающихся в наши дни тенденциях, которые можно определить как архаизующиеся. «Феномен неоархаики в последнее время все больше привлекает внимание исследователей, которые находят его проявления в тоталитарных режимах, в процессах угасания и девальвации ценностей культуры модерна, в ремифологизации массовой культуры и массового сознания, в актуализации «примордиального» этнического сознания, в дехристианизации и появлении новых религиозных движений, воскрешении древнейших религиозных традиций и культов, в некоторых течениях элитарного искусства, наконец, в самом типе «клипового сознания», возникающего под влиянием новейших информационных технологий и т. д». [10]

А.Е. Чучин-Русов неоархаическими считает следующие особенности современной культуры: усиление поэтического мышления, отказ от строгой научности и «империализма рассудка», смешение искусства с не-искусством, отрицательное отношение к идее прогресса, установка на игровой принцип, предпочтение жизни без истин, эталонов и идеалов, стремление к «одновременному» (симультанному) диалогу в условиях синкретизирующегося сознания, расцвет экологического сознания, постепенная замена «бинарно-альтернативной экстравертивной цивилизационной макромодели», расщепляющей сознание, «интровертивной новоархаической моделью, изоморфной модели культурного архетипа, адекватной архаическому сознанию, сводящему воедино антитетические качества и свойства...». [11]

Следует однако отметить, что большинство выделенных в литературе элементов «неоархаики» существуют и в неархаической культуре и могут быть близки ей только внешне. Вот здесь и возникает необходимость целостного и сущностного рассмотрения этой проблемы.

Сегодня же исследования явлений варваризации носят лишь фрагментарный характер, уже полученные результаты не систематизированы, а целостная картина и общая направленность этой тенденции пока не сформировались. Задачей методологически-семантического характера является соотнесение понятий «неоварваризация» и «неоархаизация». Необходимо также учитывать историко-культурный контекст протекания процесса варваризации, уровень проявленности его в общественных отношениях и функциональную значимость элементов неоварваризации в современной культуре. Возможно также возвращение к пройденным этапам исторического развития понимать и позитивно – как актуализацию нереализованных, утерянных или вытесненных «звеньев».

Литература

1. Хренов, Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс [Текст] / Н.А. Хренов. - М. : Наука. - 2006. - С.350.
2. Леонтьев, К.Н. Избранное [Текст]: очерки, эссе / К.Н. Леонтьев. - М. : Рарогъ, Московский рабочий. - 1993. - С.73.
3. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Психология масс : хрестоматия. - М. : Байрах. – М.,2006.

4. Бердяев, Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы [Электронный ресурс] / Н.А. Бердяев. – YMCA PRESS. Paris V, 1969. - С. 264-265. – Режим доступа http://www.odinblago.ru/smysl_istorii
5. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня [Текст] / Й. Хейзинга ; пер. с нидерл. - М. : Прогресс ; Прогресс-Академия. - 1992. - С. 347-353.
6. Лаврухина, И.М. Философский подход к идее трансцендентного [Текст] / И.М. Лаврухина // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. - №3. - С. 67-70.
7. Лаврухина, И.М. Модификация трансцендизма в культуре [Текст] / И.М. Лаврухина // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. - 2007. - №1. - С. 5-8.
8. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций [Текст] / С. Хантингтон. - М. : ООО «Издательство АСТ». - 2003. - С. 37–38.
9. Неклесса, А.И. Конец цивилизации или зигзаг истории [Текст] / А.И. Неклесса // Глобальное сообщество. Картография постсовременного мира. - М. : Восточная литература. - 2002. - С. 125, 130.
10. Хачатурян, В.М. Проблема архаизации и «нового варварства» в современной научной мысли [Электронный ресурс] / В.М. Хачатурян. – Режим доступа <http://neoregion.ru/news/276-hachaturyan2.html>
11. Чучин-Русов, А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? [Текст] / А.Е. Чучин-Русов // Вопросы философии. - 1999. - № 4. - С. 34.

References

1. Hrenov N. A. Zrelishcha v ehpohe vosstaniya mass. [Spectacle in the era of mass uprising] - М.: Nauka. - 2006. - С. 350.
2. Leont'ev K.N. Izbrannoe: ocherki, ehse. [Favorites: essays, essay] - М. :Rarog", Moskovskijrabochij.- 1993. - S.73.
3. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass [The revolt of the masses] // Psihologiya mass: hrestomatiya. - М.: Bajrah-M. - 2006.
4. Berdyaev N.A. Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoj sud'by. [The meaning of history. Experience the philosophy of human destiny] -YMCA PRESS. Paris V. - 1969. - S. 264-265. // http://www.odinblago.ru/smysl_istorii
5. Hejzinga J. Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnja / per. s niderl. [In the shadow of tomorrow] - М.: Progress: Progress-Akademiya. - 1992. - S. 347-353.
6. Lavruhina I.M. Filosofskij podhod k idee transcendentnogo // Gumanitarnye i social'no-ehkonomicheskie nauki. [The philosophical approach to the idea of a transcendent] – 2007. - №3. - S. 67-70.
7. Lavruhina I.M. Modifikaciya transcendizma v kul'ture [Modification of transtsendism in culture] // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Seriya: Obshchestvennye nauki. - 2007. - №1. - S. 5-8.
8. Hantington S. Stolknovenie civilizacij. [Clash of civilizations] - М.: ООО «Izdatel'stvo AST». - 2003. - S. 37–38.
9. Neklessa A. I. Konec civilizaci iili zigzag istorii [The end of civilization or zigzag of history] // Global'noe soobshchestvo. Kartografiya postsovremennogo mira. - М.: Vostochnaya literatura. - 2002. - S. 125, 130.
10. V. M. Hachaturyan Problema arhaizaciii «novogo varvarstva» v sovremennoj nauchnoj mysli [The problem of archaism and "new barbarism" in modern scientific thought] URL:// <http://neoregion.ru/news/276-hachaturyan2.html>
11. Chuchin-Rusov A.E. Novyj kul'turny jlandshaft: postmodernism ili neoarhaika? [New Cultural Landscape: postmodernism or neoarhaika?]/ Voprosy filosofii. - 1999. - № 4. - S. 34.

Меняйло Артем Андреевич – аспирант кафедры истории, философии и политологии

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Михайленко Т.Н.

Статья посвящена анализу тенденций динамики семейно-брачных отношений студенческой молодежи. В основу своего анализа автор кладет тезис о постмодернистской деконструкции традиционного семейного идеала моногамной нуклеарной семьи под влиянием негативных внутренних и внешних факторов. Данный тезис обоснован детальной характеристикой основных проявлений разрушения традиционных семейных идеалов и ценностей и замещения их деструктивными постмодернистскими. Автор отмечает, что в России постмодернистская деконструкция традиционной семьи не достигла еще значительного развития.

Автор считает крайне важной борьбу за сохранение традиционных социально-позитивных, социокультурно-идентичных ценностных ориентаций российской молодежи в сфере семейно-брачных отношений, борьбу против глобализаторского нивелирования российской социокультурной идентичности в сфере культуры семейно-брачных отношений современной российской молодежи, борьбу против постмодернистской деконструкции, дефундаментализации самого института семьи. Ведь, от исхода этой борьбы зависит само будущее существование русского народа и русской цивилизации.

Автор считает опаснейшим заблуждением позицию, утверждающую позитивность постмодернистской деконструкции традиционной семьи, необходимость активизации трансформации традиционных ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений в духе сомнительных западных «образцов» для современного русского общества.

Ключевые слова: *постмодернизм, деконструкция, семейно-брачные отношения, традиционная семья, моногамия, нуклеарная семья.*

THE POSTMODERN DECONSTRUCTION OF THE FAMILY RELATIONS CULTURE OF THE YOUTH

Mikhaylenko T. N.

The article is devoted to analysis of the family relations dynamics tendencies of students. The basis of his analysis, the author puts the thesis of postmodern deconstruction of the traditional family ideal of the monogamous nuclear family under the influence of negative internal and external factors. This thesis is proved by the detailed characteristic of the main manifestations of destruction of traditional family ideals and values and replacements with their destructive postmodern ones. The author notes that in Russia the postmodern deconstruction of a traditional family hasn't reached still considerable development.

The author considers extremely important fight for preservation of traditional social and positive, sociocultural and identical valuable orientations of the Russian youth in the sphere of the family and marriage relations, fight against globalstorage leveling of the Russian sociocultural identity in the sphere of culture of the family and marriage relations of modern Russian youth, fight against a post-modernist deconstruction, a defundamentalization of the institute of a family. Future existence of the Russian people and the Russian civilization depends on the result of this fight.

The author considers the most dangerous delusion position, affirming positivity postmodern deconstruction of the traditional family, the need to intensify the transformation of traditional value orientations in the field of family relations in the spirit of dubious Western "models" for the modern Russian society.

Keywords: *postmodernism, deconstruction, family and marriage relations, traditional family, monogamy, the nuclear family.*

Анализ тенденций динамики семейно-брачных отношений студенческой молодежи следует начать с выяснения основных факторов, определяющих эту динамику.

Здесь можно выделить три основные группы факторов: 1. факторы, связанные с модернизацией, как переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, т.е. качественные изменения в сфере материального производства и социальной организации общества, а также качественные изменения в сфере институтов и форм общественного сознания; 2. факторы, связанные с изменением социокультурной идентичности российского общества в контексте процессов глобализации; 3. факторы, связанные с качественной трансформацией всех социальных институтов российского общества в результате рыночных реформ на рубеже тысячелетий.

Остановимся подробнее на указанных факторах. Если говорить о первой группе факторов, то всерьез говорить об их действии в России вряд ли возможно, в лучшем случае, лишь об отдельных элементах постиндустриализма, получивших частичную реализацию в современной России. Дело в том, что утверждать тезис о построении в современной России хотя бы элементарных основ постиндустриального общества, вряд ли кто-то сможет всерьез.

А вот вторая группа факторов, безусловно, оказывает мощное воздействие на культуру семейно-брачных отношений российской молодежи. В основном здесь нужно выделить информационное давление на сознание и ценностные ориентации российской молодежи со стороны институтов общественного сознания, в первую очередь, со стороны СМИ.

В этом давлении можно выделить общую направленность – вестернизацию, разрушение основ российской социокультурной идентичности, в том числе и в сфере культуры семейно-брачных отношений. Эта направленность обусловлена, с одной стороны фактическим отсутствием национальной идеологии и национальной культурной и информационной политики в современной России, с другой стороны, рыночной коммерциализацией СМИ. «Новым явлением для отечественной культуры стало взаимодействие с процессами построения иного общественного порядка и внедрения рыночных отношений. С одной стороны, возможности рынка способствуют активной интеграции в систему мировой культуры, модернизации культуры в соответствии с общемировыми тенденциями. Развитие и рост культурной индустрии, творческая свобода художника, избавление от тесных идеологических рамок относятся к достижениям постсоветской культуры. С другой стороны, так называемое явление «коммерциализации» способно превратить отечественную культуру в продукт, назначение которого сводится лишь к получению удовольствия, уже не имеющий культурной ценности».[4]

Следует также согласиться с теми специалистами, которые отмечают скорее отрицательный, чем положительный эффект для культуры семейно-брачных отношений таких технических новаций, как давление видео-культуры на культуру письменности и компьютеризация. «Важной чертой современной жизни, характерной как для России, так и для всего мира, становится факт мощнейшего давления видео- и теле-культуры изображения на культуру письменности.» [4]

О существенном влиянии компьютеризации на трансформацию традиционной семьи писал Э. Тоффлер: «Компьютер несет в себе большую угрозу семье Второй волны, чем все законы об абортх, движения за права геев и лесбиянок и вся порнография мира, потому что нуклеарная семья нуждается в системе массового производства, чтобы продолжать доминировать, а компьютер уводит нас за пределы массового производства». [13, С.343-344]

Об этом же ведет речь и Колбунов Ф.А.: «включение компьютера в жизнь человека наряду с рядом других научно-технических новаций не может не оказывать определенного воздействия на активного пользователя и вызывает изменения в таких областях жизни как работа и досуг. Однако, пока преждевременно говорить об особой универсальной системе ценностей, вырабатываемой под влиянием этих процессов, в силу различия возрастных, социально-демографических и других характеристик потребителей, включенных в инфосферу». [4]

Третья группа факторов динамики семейно-брачных отношений российской студенческой молодежи включает в себя скорее негативный, чем позитивный набор: 1.отказ государства от системной и всесторонне обеспеченной социальной и культурной политики в сфере семейно-брачных отношений; 2.падение уровня жизни, особенно молодежи, безработица, социальная нестабильность социальная и имущественная поляризация общества, застойная бедность основной части населения – все эти плоды рыночных реформ очевидно не способствуют позитивным тенденциям в сфере семейно-брачных отношений студенческой молодежи.

Скорее, все это ведет к критическому ухудшению условий формирования и существования нормальной традиционной семьи, к почти непреодолимым затруднениям в реализации социально позитивных традиционных ценностных ориентаций студенческой молодежи на нормальную фундаментальную семью.

Каков же характер воздействия всех трех групп факторов на динамику культуры семейно-брачных отношений российской студенческой молодежи? Оценить этот характер возможно на основе двух критериев. Первый критерий – объективные характеристики качества семейно-брачных отношений, находящие отражение в статистических показателях демографии, а также показателях, характеризующих уровень жизни семьи и соотношение браков и разводов, а также баланс различных типов семей. Второй критерий – это определенные конкретные ценностные ориентации и идеалы в сфере семейно-брачных отношений, которые рассматриваются как наиболее желательные и адекватные особенностям современного общества.

Оценка с позиции традиционного российского социокультурного идеала фундаментальной, моногамной нуклеарной семьи может быть только негативной. Модернизация разрушает моногамную нуклеарную семью. Глобализация, принявшая форму разрушительной по отношению к традиционным российским основам социокультурной идентичности форму вестернизации, ведет не к конструктивному созиданию, а к деструктивному разрушению и деформации традиционных идентичных российских социокультурных институтов и форм в том числе и в сфере семейно-брачной культуры.

Оценка с позиции постиндустриального идеала дефундаментальной, плюралистичной, демократической семьи может быть неоднозначной. Фактор модернизации может быть оценен как позитивный, но лишь в той мере, в какой фактически реализуется именно модернизация общества, а не происходит деструктивная подмена реальной модернизации ее имитацией. Фактор глобализации действует противоречиво, в зависимости от содержания, вкладываемого в этот процесс. Если глобализация понимается как примитивная вестернизация, перестройка всех российских социокультурных форм и институтов по западным образцам, то она, безусловно, деструктивна. Если же смысл глобализации сводится к расширению поля и горизонта социокультурного конструктивного диалога и обмена цивилизаций, то она может нести в себе конструктивное содержание.

Фактор российских рыночных реформ должен быть однозначно оценен как негативный, поскольку эти реформы не привели к созданию в России эффективного постиндустриального общества рыночной экономики, а, напротив, повергли всю социокультурную и социальную систему страны в затяжной глобальный кризис, сопровождающийся целым комплексом деструктивных социокультурных процессов.

В целом взаимодействие трех групп выделенных нами факторов создает специфическое сочетание позитивных и негативных воздействий на динамику культуры

семейно-брачных отношений российской молодежи, поскольку она является наиболее восприимчивой социальной группой, как к негативным, так и к позитивным воздействиям.

Прежде чем анализировать основные тенденции динамики культуры семейно-брачных отношений российской студенческой молодежи, мы должны оценить общую сущность или направленность социокультурных трансформаций института семейно-брачных отношений в современном российском обществе. Начнем с анализа существующих в литературе позиций по этой проблеме.

Э. Тоффлер определяет сущность трансформации института семьи при переходе от индустриального общества к постиндустриальному как «распад семьи», прекращение доминирования традиционной для массового общества индустриального периода нуклеарной семьи, которую он описывает следующим образом: зарабатывающий муж, домохозяйка жена и несколько маленьких детей». [13,С.342]

Распад традиционной нуклеарной семьи, по мнению Э. Тоффлера «...является на деле частью общего кризиса индустриализма – развала всех институтов, порожденных Второй волной». [13,С.341-342] На смену доминированию традиционной нуклеарной семьи в эпоху постиндустриализма, по мнению Тоффлера придет многообразие форм семейно-брачных отношений: «Наступление Третьей волны, разумеется, не означает конца нуклеарной семьи... Просто семья уже не может служить идеальной моделью для общества». [13,С.346]

В качестве доказательства данного утверждения Тоффлер приводит следующий факт: «В технологически развитых странах сегодня можно увидеть потрясающее разнообразие типов семьи: гомосексуальные браки, коммуны, группы людей старшего возраста, живущих совместно, чтобы объединить траты (иногда их связывает и секс), племенные группы среди некоторых этнических меньшинств и другие типы сосуществуют, чего никогда не было прежде. Встречаются договорные браки, серийные браки, семейные группы и множество близких связей, в которых могут быть (и не быть) сексуальные отношения, так же как и семьи, в которых отец и мать живут и работают в двух разных городах». [13,С.351]

Оставим на совести Тоффлера данное сомнительное перечисление всевозможных отклонений от нормальной нуклеарной моногамной семьи как главную суть трансформации семейно-брачных отношений при переходе к постиндустриальному обществу. Однако, Тоффлер прав в том, что традиционная семья в этом процессе перехода существенно трансформируется и в том, что этот переход совершается через кризис традиционной семьи.

Рассмотрим интерпретации динамики семейно-брачных отношений в современном российском обществе. Здесь мы обнаруживаем определенное разнообразие подходов.

Осохеева Б.Р., пытаясь описать общую сущность динамики семейно-брачных отношений в современном российском обществе, ведет речь о системной трансформации: «Семья в целом и молодая семья в частности претерпевает процессы системной трансформации, протекающие на фоне изменений, происходящих в российском обществе, и постепенно отходит от функционирования в качестве эффективно действующего института с жесткими нормами и четко заданными образцами поведения к малой группе с принципиально новыми семейными ценностями и нормами. Это существенно обостряет проблемы удовлетворенности браком у молодых супругов и влияет на его устойчивость». [7]

Верещагина А.В. выдвигает общую гипотезу о том, что сущность трансформации института семьи в российском обществе состоит в том, что семья приобретает «эгалитарный облик»: «Институт семьи в современном российском обществе переживает период трансформации, в результате которой российская семья постепенно приобретает эгалитарный облик. В ходе институциональной трансформации в пространстве российской семьи формируются и распространяются различные типы семей с соответствующим типом демографического поведения». [1]

Верещагина выделяет следующий комплекс факторов, обуславливающих данную трансформацию: «Формирование современных семейных ценностей и отношений происходит под влиянием ряда факторов цивилизационного, социокультурного, глобализационного, государственно-политического и личностно-субъективного характера, в

результате чего происходит изменение количественных и качественных параметров развития семьи в российском обществе». [1]

По мнению Верещагиной, системная трансформация института семьи в российском обществе происходит по четырем основным направлениям. Первое направление – эгалитаризация семейных отношений: «Ключевым моментом ее трансформации семьи и типологического многообразия является эгалитаризация семейных отношений, символизирующая переход к качественным параметрам как приоритетным перед количественными в процессе формирования и развития семейных отношений. Качество супружеских отношений, качество отношений между родителями и детьми, качество воспитательного процесса в семье – вот «три кита» эгалитарной модели семейных отношений». [1]

Второе направление – формирование типологического плюрализма, многообразия форм семейно-брачных отношений: «Современное российское общество характеризуется типовым многообразием, включающим в себя полные и неполные, зарегистрированные и незарегистрированные, многодетные, малодетные и бездетные, двухкарьерные и однокарьерные, моноэтнические и межэтнические, гостевые, студенческие и многие другие типы семей». [1]

Третьим направлением является изменение типов демографического поведения семьи. Верещагиной выявлены «традиционный, трансформационный и современный типы демографического поведения семьи в российском обществе и показано, что доминирующим из них является трансформационный тип, чем и обусловлены негативные процессы в демографической сфере российского общества, в то время как наиболее благоприятным для нормализации демографической ситуации является современный тип демографического поведения семьи». [1]

Четвертым направлением является негативное изменение статуса семьи в российском обществе: «Семья в России утратила статус структуры, обеспечивающей запросы общества и государства, лишилась их поддержки и стала сферой интересов самого индивида, что и является источником типологического многообразия в семейной сфере общества». [1]

Опираясь на фактические тенденции динамики семейно-брачных отношений в современном российском обществе, Верещагина дополняет свою характеристику этой динамики тезисом о кризисе традиционной семьи: «Изменения, характерные для семьи современного российского общества, можно свести к следующим тенденциям: малодетность и одноплодность семьи; добровольная бездетность; высокий уровень разводов; увеличение количества семей, в которых отношения между супругами официально не оформляются; появление и распространение семей нетрадиционного типа; возраст вступления в брак и рождения первого ребенка все больше увеличивается (так называемый процесс «старения» брака и родительства), концентрация на супружеских отношениях и реализация карьерных и иных стремлений каждого из супругов. Все эти явления свидетельствуют о кризисе традиционной семьи, нормы, ценности и поведенческие установки которой уже не соответствуют современной ситуации, характеризующейся как сменой ценностных ориентаций, так и сложной экономической ситуацией, адаптация к которой потребовала от многих семей пересмотра прежних семейных установок. Однако, прежде всего, это относится к традиционным семьям советского типа, основанным на советской идеологии и принципах семейной политики, в то время как традиционные семьи, основанные на этнических, религиозных и национальных традициях, не столь стремительно разрушаются и, как и прежде, демонстрируют высокий уровень рождаемости, брачности, стабильности и т. д». [1]

Исходя из тезиса о кризисе традиционной семьи в современном российском обществе, Верещагина ведет речь о плюрализме типов семей, который она систематизирует в три основных типа: 1. традиционный (находящийся в кризисе), 2. трансформационный и 3. современный. Правда, сущность современного и трансформационного типов семьи не получает у нее достаточно четкого освещения.

Верещагина выделяет основные тенденции, сложившиеся в ситуации типологического плюрализма семей в современном российском обществе: «Можно выделить следующие основные тенденции в функционировании различных типов семей в современной российской семье: сосуществование различных, порой совершенно противоположных типов семей, от патриархальной до современной со всем ее типовым многообразием; недопустимое для нормального функционирования института семьи в обществе количество неблагополучных семей, попадающих в категорию семей группы риска; институционализация материнской семьи, о чем свидетельствует высокий уровень разводов, неполных семей, а также приоритет матери при воспитании даже в полных семьях, т. е. явление отцовства все больше утрачивает свое не только функциональное, но и символическое значение; распространение и институционализация неполной семьи и т. д.». [1] Как видим, эти тенденции носят, по-преимуществу, негативный характер. Т.о. кризисную ситуацию современной российской семьи Верещагина обосновала убедительно, а позитивный момент динамики семьи – переход к современной семье, освещен не достаточно глубоко и слабо обоснован.

Этот недостаток в какой-то степени восполняют Ю.Р. Вишневецкий и В.Т. Шапко, которые сопоставили традиционную и современную семью в сравнительной таблице:

Таблица - Различия между типами семьи [2,С.175]

Традиционный тип семьи	Современный тип семьи
Патриархальная (с верховенством старших, мужчины)	Биархатная («би» - два), основана на равенстве супругов
Четкое распределение функций между супругами	Функции супругов «смазаны»
Сложная, расширенная, многопоколенная, с многочисленными родственниками	Нуклеарная («нуклеос» – ядро), состоит из родителей и их детей
Многодетная	Малодетная
Семья как фактор производства	Семья – общность преимущественно потребительски-бытовая, досуговая

Стельмах А.М. выделяет следующие основные черты динамики семейно-брачных отношений в современном российском обществе. «Характерные институциональные особенности современных брачно-семейных отношений следующие: приемлимыми являются как добрачные, так и внебрачные отношения; целомудрие молодых людей до брака перестало быть моральной ценностью; констатируется эгалитарный характер при принятии решений, касающихся семьи, брак не является пожизненным и расторгается по желанию любой из сторон. Современные брачно-семейные отношения, носящие эгалитарный характер, предполагающий равенство полов, отличаются индивидуальностью и малодетностью». [12,С.129]

Обобщая рассмотренные нами оценки динамики семейно-брачных отношений в современном российском обществе, следует, во-первых, признать их неоднозначность. Во-вторых, можно выделить некоторые общие характеристики, которые отмечаются всеми исследователями: 1.кризис традиционной нуклеарной моногамной семьи, 2.формирование плюрализма форм семейно-брачных отношений и практик, 3.эгалитаризация и индивидуализация семейно-брачных отношений, 4.снижение социального статуса семьи и практическое свертывание государственной поддержки семьи, 5.трансформация типа демографического поведения семьи в сторону малодетной семьи, 6.общее ослабление прочности брачно-семейных отношений, что проявляется в огромном росте количества разводов, неполных и нетрадиционных семей.

По нашему мнению, российское общество находится в начале процесса постмодернистской деконструкции традиционной моногамной нуклеарной семьи, в отличие от западного общества, где этот процесс уже в полном разгаре. Негативные проявления этой

деконструкции в российских условиях существенно усугубляются двумя моментами: 1. неэффективными и неудачными рыночными реформами 2. мощным давлением западной массовой культуры, искусственной вестеринизацией традиционной российской культуры семейно-брачных отношений. Термин «деконструкция» как некоего соединения деструкции и конструкции введен «в 1964 г. Ж. Лаканом и теоретически обоснован Ж. Дерридой. Смысл деконструкции как специфической методологии исследования литературного текста заключается в выявлении внутренней противоречивости текста, в обнаружении в нем скрытых и не замечаемых не только неискушенным, «наивным» читателем, но ускользающих и от самого автора («спящих», по выражению Жака Дерриды) «остаточных смыслов», доставшихся в наследие от речевых, иначе - дискурсивных, практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов, которые в свою очередь столь же бессознательно и независимо от автора текста трансформируются под воздействием языковых клише его эпохи». [9]

Однако, в контексте философии постмодернизма в целом он получил более широкий смысл как разрушение фундаментальных цельных смысловых, ценностных и социокультурных структур и субъектов (на уровне текста, или на уровне личности, или на уровне социальных институтов) с последующим произвольным конструированием из них эклектичных образований. Сущность принципа постмодернистской деконструкции хорошо охарактеризовал В. Семенко: «Постмодернизм, как уже не раз указывалось, с его принципиальным, возведенным в своего рода абсолют плюрализмом, последовательно отрицает какую-либо иерархию, в том числе и ценностную, считая ее репрессивной по отношению к человеку. Тем более он отрицает и абсолют, абсолютные ценности. Также репрессивным, подавляющим свободу классики постмодернизма, в частности, **Ж. Деррида**, считают **логоцентризм классической культуры, ее ориентацию на смысл, саму установку на возможность и поиск истины** – то есть именно те черты, которые свойственны как христианской традиции в целом, так и поздней европейской классике. Вся философия Дерриды (как и постмодернизм в целом) в конечном счете есть **набор технологий по изживанию, уничтожению смысла, обесмысливанию бытия**. Это вполне понятно, поскольку объективное присутствие смысла в наличных формах классической культуры слишком очевидно, чтобы быть оспариваемым.

Итак, если попытаться определить суть постмодернистской философии двумя словами, то нужно будет сказать, что это есть **философия плюральности**, основанная на идее **множества, принципиально несводимого ни к чему единому**. В этом постмодернизм решительно противостоит всей классике – как древней, дохристианской, так и в особенности христианской, а также классике европейского модерна, где идея абсолюта – единого начала, так или иначе организующего мир, все еще сохранялась. **В постмодернистской философии принципиально нет и не может быть никакого «единого»** – ни пантеистического «начала всего», субстанциально тождественного миру, ни трансцендентного и абсолютно иноприродного миру Бога Творца, ни даже «материи», как тоже своего рода абсолютной философской категории, к которой возводит все многообразие мира философия «диалектического материализма». *«Один из центральных моментов концепции Ж. Дерриды – критика самого понятия центра, или первоначала, субстанции, сущности, как некоего организующего начала классической «логоцентрической» философии»* (В. Лебедевко). Отсутствие абсолюта в постмодернистской философии, с одной стороны, отражает исчерпанность жизненных и творческих сил «постсовременности», с другой же стороны, есть главный фактор, лежащий в основе этой исчерпанности. Как указывает современный исследователь, другой «классик» постмодернизма – **Ж. Бодрийяр** с присущей этим философам безыскусной «образностью» характеризует «постисторическую» ситуацию вечно длящейся «остановки времени», обесмысленного мира «абсолютного» и антииерархического плюрализма как **«состояние после оргии»**. *Нет индивидуальных желаний и потребностей, есть лишь машина производства желаний*, заставляющая наслаждаться, эксплуатировать наши центры наслаждения. Оргия закончена, все уже сбылось, все силы – освобождены,

утопии – реализованы, теперь остается лишь лицедействовать и симулировать оргиастические судороги, бесконечно воспроизводить идеалы, ценности, фантазмы, делая вид, что этого еще не было... **Идеи и ценности... утрачивают свой смысл, но их воспроизводство продолжается и становится все более совершенным.** Они (обесмысленные «ценности») расползаются по миру, как метастазы опухоли, и проникают всюду, просачиваясь друг в друга... Все присутствует везде, а значит, нигде. Разные сферы деятельности и символической самореализации человека неотличимы друг от друга. **Ценности более невозможно идентифицировать. Все подверглось радикальному извращению и погрузилось в ад воспроизводства, ад того же самого. Другой – как принцип различения стал знаком товара на рынке, ресурсом, который уже исчерпан. На месте Другого, по мысли Бодрийяра, возведен Тот же самый, то есть объект – главный участник оргии, которого мы старательно маскируем под Другого. По Бодрийяру, все наше общество... с присущими ему... интерактивными излияниями, иллюзиями обмена и контакта нацелено на то, чтобы нейтрализовать отличия, разрушить Другого как естественное явление».** [8]

Постмодернистская деконструкция, применительно к нашему предмету, есть, по сути, переход через кризис традиционной модели семьи, к новой ее форме, адекватной постиндустриальному обществу, т.е. к постмодернистской модели. В этой деконструкции есть два момента: 1.разрушение старой, традиционной семьи, не эффективной в новых социокультурных условиях, и 2.формирование новой формы семейно-брачных отношений, адекватных реалиям постиндустриального общества. Поскольку российское общество находится в ситуации затяжного социально-экономического кризиса, негативный момент постмодернистской деконструкции пока безусловно доминирует. Конструктивные контуры современной постмодернистской семьи, как в теории, так и на практике, еще не оформились с достаточной ясностью и полнотой. Они пока что теряются в неопределенном плюрализме эффективных и аномальных форм семейно-брачных отношений, признаваемой единодушно всеми, и российскими и западными, исследователями.

Мы бы определили суть постмодернистской деконструкции семейно-брачных отношений в современном российском обществе как проблематический, противоречивый переход от фундаментальной, моногамной нуклеарной семьи к дефундаментальной, плюралистичной по формам организации семье.

Важнейшим моментом этого процесса, наиболее актуализированным в современных российских условиях является социальная дефундаментализация семьи. Дефундаментализация семьи состоит в том, что она перестает быть одним из ключевых социальных институтов общества, жестко регулируемых обществом и государством, а становится пространством личной свободы и личного выбора.

Дефундаментализация семьи имеет множество проявлений: 1.снижение социального престижа традиционной нормальной семьи, сомнительное уравнивание ее по статусу с аномальными типами семьи (гомосексуальной, лесбийской, «шведской» и т.п.); 2.все большая утрата семьей ее ключевых социальных функций. Об этом, кстати, еще в начале XX века писал П. Сорокин. В частности он вел речь о том, что государство и общество постепенно отнимает у семьи ее фундаментальные функции. «И действительно, на наших глазах мы видим, как государство мало-помалу отнимает у семьи, ее воспитательные, учительские и опекунические функции и берет их в свои руки. Раньше все это принадлежало семье; теперь государство берет это на себя. Раньше последнее не вмешивалось в хозяйничанье родителей, теперь все больше и больше врывается в эту сферу, требует у родителей отчета, накладывает на них ряд обязанностей и говорит: «это ты не можешь делать, это не имеешь права, то-то должен делать» и т.д. Прав проф. П.И. Люблинский, когда говорит: «Семья, которую издавна привыкли называть ячейкой общественной жизни, уже во многих случаях перестала быть необходимой формой для рождения и воспитания детей: в других случаях узы семейной жизни являются крайне слабыми, и с каждым годом влияние семьи в области воспитания все более и более суживается». Иными словами – происходящий

в наше время перелом отношений родителей и детей означает падение родительской опеки и замену ее опекой общества и государства, постепенную утрату семьей ее учительско-воспитательной роли и приобретение этой роли обществом и государством.

А это в свою очередь означает не что иное, как дальнейшее распадение семьи как союза родителей и детей и лишение ее тех функций, которые она до сих пор выполняла. Образно говоря, семья как бы тает и рассасывается, распадаясь на части, теряя одну за другой свои связи и свои функции, переходящие от нее к обществу и государству». [10, С.67] Как мы видим, современная «ювенальная юстиция», активно развиваемая на Западе и, вопреки мнению большинства граждан, принудительно внедряемая сегодня в России, это – не новация последнего времени, а лишь новая жесткая форма отнятия у семьи государством ее фундаментальных функций.

Третьим проявлением дефундаментализации семьи в современном обществе выступает общая культурная девальвация ценностей и идеалов традиционной семьи (ценностная и нравственная аномия семейных идеалов, или их отсутствие, плюрализм, вседозволенность в сфере семейно-брачных ценностных ориентаций и идеалов). В результате мы наблюдаем практическое исчезновение общепризнанного социального идеала семьи, принципиальный плюрализм типов семейно-брачных отношений как на уровне идеалов и ценностных ориентаций, так и на уровне семейно-брачных практик.

Четвертым проявлением дефундаментализации семьи является дезинтеграция социальных институтов передачи традиционных семейных ценностей и семейного опыта.

Общая сущность или направленность динамики культуры семейно-брачных отношений современной российской молодежи находит конкретизацию в комплексе отдельных, частных тенденций этой динамики. Мы разделим наш анализ этих тенденций на следующие основные направления: 1. трансформация функций семьи, 2. трансформация формы семейно-брачных отношений, 3. трансформация статусов членов семьи и структуры семьи, 4. трансформация организации семейной жизни, 5. трансформация семейно-брачных ценностных ориентаций и идеалов.

Кроме того, тенденции динамики семейно-брачных отношений можно разделить на три группы: 1. объективные социо-культурные тенденции, вызванные объективными социально-экономическими и социокультурными процессами модернизации российского общества, 2. тенденции, вызванные воздействием общественного сознания (социальной и культурной политикой государства в сфере семейно-брачных отношений, а также институтами общественного сознания (институты образования, СМИ, искусство, религия и т.п.), 3. тенденции, связанные с индивидуальным сознанием, т.е. изменением личности и личной культуры семейно-брачных отношений.

При анализе тенденций динамики семейно-брачных отношений студенческой молодежи мы будем исходить из принципиального тезиса, предложенного А.М. Стельмах, которая, характеризуя динамику семейно-брачных отношений современной российской молодежи описывает ее в контексте общих процессов динамики российской семьи: «Брачно-семейные отношения студенческой молодежи коррелируют с кризисом семьи, проявляющемся в снижении престижа института семьи и его неспособности удовлетворительно выполнять основные функции». [12, С.127]

Рассмотрим вначале тенденции трансформации функций молодой студенческой семьи. Главной тенденцией здесь является проблематизация основных функций семьи: экономической, репродуктивной и воспитательной. Экономическая функция молодой семьи, с одной стороны, является ключевой, поскольку без ее реализации невозможно существование нормальной, фундаментальной семьи, с другой стороны, в условиях критически низких доходов студенческой семьи, ее практически невозможно эффективно реализовать без поддержки родственников. Поддержка же государства практически отсутствует. «Претерпело изменения и выполнение молодой семьей экономической функции. Материальное благополучие семьи становится все более значимым в удовлетворенности браком молодыми супругами и оказывает самое непосредственное

влияние на психологический климат в семье. В самом деле, основные экономические трудности - отсутствие собственного жилья, бытовая неустроенность, низкая заработная плата, ограниченность в проведении досуга и т.д. - все это отражается на взаимоотношениях и может приводить к конфликтам в молодой семье. С другой стороны абсолютизация материально-экономического положения молодой семьи было бы в корне неверным, поскольку оно является необходимым, но недостаточным условием удовлетворенности браком и устойчивости семьи». [7]

Практическая невозможность для молодой студенческой семьи обеспечить экономическую самостоятельность в сочетании с острой потребностью в такой самостоятельности, существенно подрывает ее стабильность. «Недостаточный уровень материальной и финансовой обеспеченности и, как следствие, - зависимость от родителей. Последнее усугубляет ситуацию в том смысле, что порождает инфантилизм и иждивенчество молодых. Излишняя забота родителей и гиперопека в условиях малолетности мешают молодым супругам осознать свою взрослость, ответственность за свою семью. Они стараются не обременять себя в случае возникновения проблем в семейной жизни, не прилагают усилия для их разрешения, потому что наиболее легкий способ их разрешить - это развод и, как следствие, возможность вернуться в родительскую семью». [7]

Как следствие минимизации экономической функции, существенно сокращается репродуктивная функция молодой студенческой семьи, которая ориентируется на стратегию бездетности или малолетности, главным образом, по экономическим причинам – не на что содержать детей. «Необходимо отметить и трансформационные тенденции изменения современной молодой семьи, которые непосредственным образом повлияли на ее устойчивость и стабильность. Основное изменение - это тенденции к малолетности в современной молодой семье и откладывание рождения даже первого ребенка». [7]

Минимизация репродуктивной функции семьи, особенно, молодой студенческой семьи является одной из наиболее критических негативных тенденций динамики семейно-брачных отношений для демографической безопасности российской цивилизации. «В соответствии с общими тенденциями трансформации института семьи и семейных отношений трансформируется и демографическое поведение семьи, которое становится менее ориентированным на продолжение рода, воспитание потомства и историческую преемственность поколений, а концентрируется на изменении социально-профессионального статуса семьи и повышении качества супружеских отношений в ней. Кроме того, частным явлением стало добровольное бездетное супружество, однодетные семьи, что выключает из семейного цикла возможные при наличии большего количества детей последующие семейные циклы и важные семейные события». [1]

Воспитательная функция молодой семьи естественным образом не может быть реализована эффективно, если в ней отсутствуют дети, или содержание немногочисленных детей становится серьезной материальной проблемой.

Результатом проблематизации основных функций семьи является тенденция смены приоритетных функций семьи: на первый план выходят такие функции как эмоциональная, коммуникативная, культурно-развлекательная, сексуальная. Это отмечают многие исследователи: «Дети уже не являются основным условием функционирования молодой семьи и скрепляющим элементом в супружеских отношениях. На первый план сегодня выдвигаются новые механизмы устойчивости брака, и в их числе решающим становится условие удовлетворения в семье потребности в любви, счастье, выполнение семьей функции «психологического убежища», а также возможность для супругов реализации личностного потенциала.

Следствием этого является рост значимости личностных качеств супругов, одновременно с этим углубляются требования супругов друг к другу, усложняется вся система взаимодействия семьи как социального организма, обостряется проблема удовлетворения браком, что в итоге также может привести к повышению разводимости среди молодых семей». [7]

Негативные тенденции наблюдаются также в области трансформации формы семейно-брачных отношений студенческой молодежи. Происходит сокращение главной социально позитивной формы – официального брака, и доминирование внебрачного ситуативного «сожителства» с элементами беспорядочных сексуальных отношений. Стельмах А.М. связывает эту тенденцию с процессами модернизации. «Модернистские процессы способствуют плюрализации брачно-семейных практик. Параллельно с традиционной семейной стратегией функционирует и является востребованной либеральная стратегия, к которой относится сожителство. В определенной мере сожителство является следствием неуспешной социализации молодого поколения и неудачной передачи им социального опыта. Как результат – в условиях дезинтеграции социальных институтов молодежь стремится освободиться от социального контроля и построить новую неформальную семью. Увеличение числа таких семей имеет причинно-следственную зависимость как от экономических факторов, так и от ценностных ориентаций субъектов». [12,С.127]

Малимонов И.В. также рассматривает эту тенденцию в контексте общемировых процессов смены фундаментальной патриархальной семьи иными формами: «В настоящее время как в Европе и США, так и в России классическая патриархальная семья постепенно уходит в прошлое, сменяясь современными неформальными и альтернативными вариантами (сожителство, гостевые браки, групповые браки и др.)» [5,С.1235]

Наиболее остро процесс дефундаментализации семьи, отказа от официальной регистрации брака, связанной с социальной легитимизацией семейно-брачных отношений и принятием супругами определенных обязанностей, проявляется в молодой, студенческой семье. «Брачное поведение молодежи претерпело качественные изменения: оставаясь общепризнанной социальной ценностью, семья и брак меняют свой статус обязательной жизненной ориентаций, допуская свободные, добрачные сексуальные отношения. Семья как институт формирования семейно-брачных ценностей, утрачивает свое значение в процессе регулирования брачного поведения, что подтверждается доминированием в среде молодежи независимой стратегией добрачных практик.

Брачное поведение молодежи имеет гендерные особенности: так добрачные сексуальные отношения допустимы, с точки зрения женщин, как подтверждение чувства к любимому человеку, с точки зрения мужчин – как удовлетворение сексуальной потребности. При выборе брачного партнера для женщин ведущими критериями выступают: ценности, жизненная позиция партнера, его социальный статус, ум, интеллект; для мужчин – внешность, ум, интеллект, ценности, жизненная позиция, ее социальный статус». [6]

Теперь рассмотрим трансформацию статусов членов семьи и структуры молодой студенческой семьи. По мнению Карцевой «сущность изменений, затронувших российскую семью, связана более всего с утратой формальных институциональных признаков в том виде, в котором они были присущи семье ранее, при усилении позиций неформальных. Этот процесс - отнюдь не проявление дезорганизации института семьи, а естественная норма в условиях демократизации общества и его модернизации по западному типу. Однако он противоречив в своей сущности: адаптивный для индивида, создающего неформальную семью, и неадаптивный для самой семьи и общества, в котором она функционирует. Каждая семейная общность самостоятельно устанавливает для себя границы прав и обязанностей без посредничества социума. В этих условиях возрастает ее престиж как малой социальной группы, сохранившейся в качестве одной из важнейших жизненных ценностей индивида». [3]

Основными тенденциями трансформации структуры семьи в современном российском обществе, по данным статистики и по результатам многочисленных социологических исследований, являются: 1.рост количества бездетных или малодетных (1-2 ребенка) семей, 2.сокращение количества полноценных многодетных семей, 3.рост количества неполных семей (мать и один, или два ребенка), 4.рост количества нетрадиционных форм семейно-брачных отношений, 5.эгалитаризация семейно-брачных

отношений, предполагающая формальное и неформальное равенство статусов и партнерство супругов.

Все эти тенденции в наибольшей степени затрагивают хрупкую молодую студенческую семью и трудно назвать их благоприятными или социально позитивными. Нам кажется, что не совсем правы те исследователи, которые считают эти тенденции естественным результатом общемировых процессов модернизации и перехода к постиндустриальному обществу.

На самом деле, неэффективные рыночные реформы в России, поставившие российскую традиционную семью в сложнейшие условия выживания, - вот основная причина этих тенденций. Здесь мы целиком согласны с мнением Карцевой Л.В.: «Сужение структуры семьи, как и ограничение спектра и объема выполняемых ею функций, необходимо рассматривать как стратегии негативной адаптации к условиям социальных реформ. Более того, в настоящих условиях действует закон центробежной силы: чем выше уровень дестабилизации общества, чем активнее идет процесс дезинтеграции социальных институтов, взаимосвязанных с институтом семьи, тем сильнее семья как социальная группа стремится освободиться от социального контроля и обрести неформальный статус либо в формальных рамках, либо вне их». [3]

Безусловно следует согласиться с Карцевой также и в том, что данные негативные тенденции не решают проблему адаптации семейно-брачных отношений россиян к суровым условиям затяжного экономического кризиса и застойной, бесперспективной бедности. «Изменение структуры семьи можно рассматривать как адаптивную стратегию россиян только в их сознании, но не в реальности. Отказ от брака вообще либо его искусственное прекращение неэффективны для решения семейных проблем, а, следовательно, данные стратегии нельзя назвать адаптивными ни теоретически, ни практически». [3]

Рассмотренные нами выше тенденции динамики семейно-брачных отношений в современном российском обществе, находят естественное продолжение в трансформации принципов организации семейно-брачных отношений внутри формального или неформального союза партнеров. Общеизвестной тенденцией здесь является «эгалитаризация», в которую вкладывается несколько смыслов. Во-первых, эгалитаризация проявляется в ослаблении социального контроля над молодыми семьями и пропорциональным возрастанием свободы партнеров в конструировании форм и норм семейно-брачных отношений. Стельмах А.М. отмечает: «В условиях дезинтеграции социальных институтов молодежь стремится освободиться от социального контроля и построить новую неформальную семью, конструируя более доступные и конформные отношения, соответствующие социальному окружению. Традиционная брачно-семейная практика студенческой молодежи в современном обществе не воспринимается как единственная абсолютно идеальная модель, а скорее служит ориентиром». [11]

Вторым проявлением эгалитаризации молодой студенческой семьи является стремление к независимости от родителей, «нуклеаризация». «Тенденция к нуклеаризации молодой семьи также является значимым изменением ее структуры. Стремление к территориальному отделению от родительской семьи изменяет характер супружеских взаимоотношений, которые становятся все более эгалитарными. Это в немалой степени связано и с возрастанием экономической самостоятельности женщин. Однако, если в плане материального обеспечения супругами своей семьи наблюдается равноправие, то в распределении домашней нагрузки мужчина не стремится разделить с женщиной обязанности по дому. Это приводит также к возникновению напряженности в отношениях между супругами». [7]

Третьим проявлением эгалитаризации является равенство партнеров семейно-брачных отношений, стирание гендерной асимметрии в распределении семейной власти и семейных обязанностей. «Изменился и социально-профессиональный уровень семьи, его структура, которая стала все меньше носить характер тендерной асимметрии». [1]

Четвертым проявлением эгалитаризации является индивидуализация семейно-брачных отношений молодежи. «Тенденция к индивидуализации и эгалитаризации определяет особую институциональную характеристику брачно-семейных стратегий: процессы глобализации и модернизации общества предполагают рост индивидуализации и свободы выбора для личности, что не может не отразиться на положении семьи, способствуя ее дальнейшей трансформации. Культура индивидуализации демонстрирует независимость молодежи по отношению к классической модели семьи и предполагает, прежде всего, свободу брачно-семейной самореализации, не ограниченной традиционным социальным опытом и стереотипами.

Сожительство на современном этапе – наиболее приемлимая и доступная практика семейных отношений для молодежи. К тому же она является решением многих проблем». [12, С.129-130]

Практические тенденции трансформации семейно-брачных отношений студенческой молодежи, проанализированные нами, обнаруживают реальное противоречие между социально позитивными ценностными ориентациями на традиционную, моногамную, фундаментальную семью и реальными условиями, возможностями и практиками семейно-брачных отношений студенческой молодежи. «Идеальные представления о семье сильно отличаются от семейной практики в современной России, что лишний раз подтверждает мнение о медленном характере трансформации неформальных ограничений в структуре институциональных трансформаций». [1]

Это противоречие не может не проявляться в понижающей трансформации семейно-брачных ценностных ориентаций и идеалов. В оценке характера этой трансформации нет единодушия среди специалистов. Некоторые рассматривают тенденцию смены в сознании молодежи традиционных российских семейных идеалов и ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений, как позитивный процесс, идущий в русле общемировых тенденций. В таком оптимистическом духе выдержана позиция Колбунова Ф.А.: «Социокультурный облик современной России определяется активным социально-экономическим реформированием, модернизацией общественных отношений, порождающих разнообразные явления как положительные, так и отрицательные. Утверждение новой культурной парадигмы в обществе, формирование нового стиля и образа жизни формируют современную ценностно-смысловую систему, которая представляет собой мозаику из традиций, идеалов, практик и ценностей дореволюционного и советского времени, ценностей «Запада», стандартов потребительского общества и массовой культуры. Многообразие субкультур, культурных форм свидетельствует о повышении культурного потенциала страны и увеличении возможностей выбора на индивидуальном уровне». [4]

Не можем мы согласиться также с крайне спорным утверждением Колбунова о том, что в сфере «прогрессивности» ценностных ориентаций сельская молодежь существенно отстает от городской. Колбунов заявляет: «Такие характеристики села, как консерватизм, патриархальность, традиционность, обособленность, размеренный темп жизни, с одной стороны, приобщают сельскую молодежь к исконно народным, традиционным ценностям, препятствуя проникновению в ее среду негативных процессов, получивших распространение в городской среде. С другой, эти факторы, вместе с крайне сложными условиями жизни села, в значительной степени затрудняют и замедляют темпы освоения молодежью новых образцов, знаний. Изоляция от культурной жизни города, а значит и страны, приводит к тому, что молодежь села не поспевает за быстрыми изменениями, отдаляется от требований, предъявляемых современным обществом к прогрессивному развитию человека. Поэтому общеобразовательный, культурный, мировоззренческий уровень сельской молодежи отличается от городской. Сельский образ жизни в большей степени, чем городской определяется традицией. Даже в непростых условиях перехода к рыночной экономике устойчивость деревенской (крестьянской) психологии, проявляющейся в верности социокультурным нормам сельского социума, оказывается сильной. Важное значение имеют и более крепкие, нежели в городе, внутрисемейные, соседские связи». [4] Во-первых, в

условиях информационного общества различия между городом и селом существенно нивелированы. Во-вторых, именно относительная консервативность ценностных ориентаций сельской молодежи в существенной степени предохранила ее от разрушающего воздействия деструктивных постмодернистских, западных «ценностей» и «идеалов» семейно-брачных отношений.

Стельмах А.М. констатирует реальность конфликта, столкновения в сознании молодежи традиционных и модернистских ценностных ориентаций и идеалов: «В современной ситуации полярности традиционных и модернистских брачно-семейных ценностей социума, в студенческой среде наблюдается ряд противоречий процесса реализации брачно-семейных установок. В условиях, затрудняющих реализацию традиционного подхода к брачно-семейным отношениям, студенческая молодежь предпочитает фактические брачные отношения и квазисемейный образ жизни. Подмена традиционного института брака фактическим сожителем не означает отрицания его как такового, но предполагает изменение официального статуса в неопределенном будущем». [12, С.129-130]

О полярных тенденциях в сфере семейных ценностных ориентациях ведет речь также Уварова Н.Н.: «Сходство семейных ценностей отражает совпадение, ориентационное единство взглядов, отношений членов семьи к общечеловеческим нормам, правилам, принципам формирования, развития и функционирования семьи как малой социальной группы. В настоящее время в динамике этого показателя наблюдаются две тенденции. Первая — поляризация ценностных отношений среди членов семьи, как правило, родителей и детей. Вторая — деформация семейных ценностей и появление отличных от традиционно сложившихся целей, идеалов, интересов и убеждений членов семьи. Каждая из этих тенденций оказывает дестабилизирующее воздействие на состояние современной семьи». [14]

Действительно, в сознании современной студенческой молодежи идет реальная и трудная борьба традиционных и модернистских ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений. Рыночные реформы в России крайне негативно сказались не только на возможности практической реализации позитивных ценностных ориентаций студенческой молодежи, но и на самом содержании этих ориентаций. «Рыночные отношения привели к формированию в социуме аномичных культурных образцов, потере гражданами ценностных ориентаций, усугубив тем самым проблемы социализации молодого поколения». [12, С.126]

Действие всех рассмотренных факторов существенно усиливает естественный понижающий эффект от идеалов и ценностей к практическому поведению, а также, в определенной степени влияет на понижающую трансформацию самих семейно-брачных идеалов и ценностей студенческой молодежи.

Крайне важной мы считаем эту борьбу за сознание и сохранение традиционных социально-позитивных, социокультурно-идентичных ценностных ориентаций российской молодежи в сфере семейно-брачных отношений, борьбу против глобализаторского нивелирования российской социокультурной идентичности в сфере культуры семейно-брачных отношений современной российской молодежи, борьбу против постмодернистской деконструкции, дефундаментализации самого института семьи. Ведь, от исхода этой борьбы зависит само будущее существование российского народа и российской цивилизации.

Лукавым софизмом, или наивным, но опаснейшим заблуждением мы считаем позицию, утверждающую позитивность постмодернистской деконструкции традиционной семьи, необходимость активизации трансформации традиционных ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений в духе сомнительных западных «образцов» для современного российского общества.

В рассуждениях на эту тему для многих специалистов характерно не осознаваемое ими, но очевидное противоречие между фактическим признанием деструктивного воздействия на российскую семью и брачно-семейные ценностные ориентации населения современных российских «рыночных» реформ и утверждением позитивности интеграции

России в мировую систему глобального капитализма, и в частности, интеграции в глобализаторские процессы постмодернистской дефундаментализации, деконструкции семьи. Примером такого противоречия является, например, позиция Верещагиной А.Ф. С одной стороны, она утверждает: «Другой репрезентированный вариант современной структуры - семья неполная, в незарегистрированном браке, одно-или двухдетная. Эта модель объективно более соответствует постиндустриальному обществу с его социальной мобильностью, высоким уровнем развития научных и промышленных технологий, информатизации, а значит, и большим значением профессионализма, трудно совмещающимся с выполнением семейных обязанностей. В условиях осуществления социальных реформ этот вариант семьи укрепил свои позиции, получив в общественном статусе статус полноценной и конвенциональной социальной структуры.

Нарождается новый социальный институт российской семьи, с неадекватными традиционными социальными правилами и нормами, не тяготеющий к подобному соответствию, отвечающий потребностям отдельных индивидов. Возникающие варианты просемейной деятельности дают людям столько положительных переживаний, сколько ими ожидается, и в индивидуальном сознании сливаются воедино преимущества свободного демократического выбора варианта семьи с преимуществами социально-психологического характера, которые она предоставляет. Следует отметить и тот момент, что российская семья демонстрирует тенденцию к запаздыванию за происходящими социально-экономическими переменами». [1]

С другой стороны, тут же Верещагина фиксирует фактический кризис семьи в российском обществе: « Самостоятельный, без помощи государства, выход из экономических трудностей не состоялся. Ситуация в брачно-семейной сфере такова, что возвращение семьи к успешному и экономически стабильному функционированию станет возможным только после выхода из экономического кризиса и создания благоприятных условий для социально желательного варианта ее структуры». [3]

Неоднозначно оценивается специалистами также фактический отказ современного государства от сколько-нибудь системной политики в сфере семейно-брачных отношений, и, самое главное, от сколько-нибудь значимой экономической, социальной и идеологической поддержки нормальной, моногамной, многодетной семьи. С одной стороны, констатируется, что этот уход государства от функции поддержки семьи стал одним из существенных факторов кризиса современной российской семьи и демографической катастрофы 90-х годов. С другой стороны, как это ни парадоксально, многие видят в этом уходе и позитивные моменты: «Современная специфика институциональной трансформации российского общества в сфере семейных отношений определяется тем, что семья перестала быть сферой интересов государства и его поддержки, что проявляется в абсолютной неадекватности формальных правил и норм, формируемых на государственном уровне, современной ситуации, но при этом неформальные нормы и правила семейных отношений также уже не соответствуют изменившейся социальной, экономической и социокультурной ситуации в стране, в результате чего и появляются индивидуальные ограничения как попытка реализации иных семейных практик на основе сознательного индивидуального выбора траектории семейной жизни. Индивидуальные ограничения семейных отношений, конкурируя с социальными, наполняют известные типы семейного поведения (супружеское, репродуктивное, родительское, социализационное, демографическое и т. д.) иным содержанием, дифференцирующимся в соответствии с доминирующим типом семьи, в рамках которого и осуществляются семейные практики. Таких типов в институциональном трансформирующемся пространстве российской семьи три - традиционный (который условно подразделяется на традиционный «советский» и традиционный «этнокультурный»), современный (как совокупность различных типов и стилей семейной жизни, основанных на эгалитарных принципах организации семейных отношений) и трансформационный (совмещающий в себе элементы вышеобозначенных типов)». [1]

Мы считаем этот оптимизм по поводу освобождения семьи от поддержки и опеки государства в принципе не оправданным. Уклоняясь от формулировки внятной семейной политики и от экономической поддержки нормальной семьи, государство не только способствует фактическому кризису семьи, но и подрывает свою собственную демографическую безопасность.

Кстати, глобализаторские, постиндустриалистские тенденции «модернизации» семейно-брачных отношений, выдаваемые их адептами за самые новейшие и прогрессивные явления, а фактически, являющиеся проявлением кризиса семьи в условиях кризиса глобального капитализма, отнюдь не новы. Практически весь список этих «прогрессивных» новаций перечисляет П. Сорокин в своей статье начала XX века, т.е. столетней давности. Уже тогда он поставил вопрос о кризисе традиционной семьи и перечислил его главные симптомы: «Время исподволь и постепенно подкапывается под все автократические основы семьи и мало-помалу разъедает все основные связи, «славшие ее цельной единицей. По мере приближения к нашему времени становятся более слабым и союз мужа и жены, и союз родителей и детей, т.е. две основы семьи, которыми исчерпывается ее содержание.

Займемся сначала рассмотрением ослабления связи супругов. Из чего видно, что союз супругов становится все более и более непрочным и все легче и легче разрывается? Доказательством служат многие факты: 1) все быстрее и быстрее растущий процент разводов и «разлучений от стола и ложа», 2) уменьшение самого числа браков, свидетельствующее о том, что все больше и больше становится лиц, не желающих связывать себя современными узами «законного брака», 3) рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины, 4) рост проституции, 5) падение рождаемости детей, 6) освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение их взаимных отношений, 7) уничтожение религиозной основы брака и 8) все более и более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством. Эти факты, если они действительно верны, достаточны для того, чтобы сказать: дальнейшее существование семьи в современных принудительных формах и в самом деле становится весьма трудным». [10, С.70]

Литература

- 1.Верещагина, А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе [Электронный ресурс] : автореф. дисс. канд. социолог. наук 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы / А.В. Верещагина. - Ростов-на-Дону, 2009. - Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/transformatiya-instituta-semi-i-demograficheskie-protsessy-v-rossiiskom-obshchestve>
- 2.Вишневский, Ю.Р. Социология молодежи [Текст] / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. тех. университета, 1997. – 211 с.
- 3.Карцева, Л.В. Модель семьи в условиях трансформации российского общества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19078330.html>
- 4.Колбунов, Ф.А. Ценностные ориентации молодежи российского мегаполиса [Электронный ресурс] : автореф. канд. дисс. канд. филос. наук. 24.00.01 – теория и история культуры / Ф.А. Колбунов. – СПб., 2011. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/tsennostnye-orientatsii-molodezhi-rossiiskogo-megapolisa>
- 5.Малимонов, И.В. Изменения института семьи в современном обществе [Текст] / И.В. Малимонов // Научный альманах. – 2015. – №7(9). – С. 1235-1238.
- 6.Малимонов, И.В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи [Электронный ресурс] / И.В. Малимонов, Л.Г. Король, И.Г. Синьковская, Д.В. Рахинский // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2015. - № 10 (54). – Режим доступа: www.sisp.nkras.ru
- 7.Осохеева, Б.Р. Современная молодая семья: процессы трансформации и факторы стабилизации [Электронный ресурс] : автореф. дисс. канд социолог. наук. 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы. – Улан-Удэ, 2007. – Режим

доступа: <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-molodaya-semya-protsessy-transformatsii-i-factory-stabilizatsii>

8. Семенко, В. «Ситуация постмодерна» и деконструкция культуры. Краткий очерк философии постмодернизма. [Электронный ресурс] / В. Семенко. – Режим доступа: <http://amin.su/content/kolonka-redaktora/59/>

9. Словарь: Академик. ст. Деконструкция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postmodernism.academic.ru/26/деконструкция>

10. Сорокин, П.А. Кризис современной семьи (социологический очерк) [Текст] / П.А. Сорокин // Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. - 1997. - № 3. – С. 65–79.

11. Стельмах, А.М. Практики брачно-семейных отношений в студенческой среде [Электронный ресурс] : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / А.М. Стельмах. – Саратов, 2011. – Режим доступа: sstu.ru/files/aspirantura/Stelmakh-221211.doc

12. Стельмах, А.М. Особенности брачно-семейных отношений молодежи [Текст] / А.М. Стельмах // Вестник Поволжского института управления. – 2011. – № 1. – С.129-130.

13. Тоффлер, Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 776 с.

14. Уварова, Н.Н. Формирование ценностного отношения студентов к институту семьи [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Н.Н. Уварова. – Ставрополь, 2006. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-cennostnogo-otnosheniya-studentov-k-institutu-semi.html>

References

1. Vereshchagina A.V. Transformatsiya instituta sem'i i demograficheskie protsessy v rossiyskom obshchestve. [The transformation of the institution of family and demographic processes in the Russian society.] Avtoref. diss. kand. sotsiolog. nauk, 22.00.04 Sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy. - Rostov-na-Donu, 2009. URL: <http://www.dissercat.com/content/transformatsiya-instituta-semi-i-demograficheskie-protsessy-v-rossiiskom-obshchestve>

2. Vishnevskiy Yu.R. Shapko V.T. Sotsiologiya molodezhi. [Youth Sociology] – Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gos. tekhn. universiteta, 1997. – 211 s.

3. Kartseva L.V. Model' sem'i v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. [Family model in the conditions of transformation of the Russian society] URL: <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/19078330.html>

4. Kolbunov F.A. Tsennostnye orientatsii molodezhi rossiyskogo megapolisa. [Valuable orientations of youth the Russian metropolis] Avtoref. kand. diss. kand. filos. nauk. 24.00.01 – teoriya i istoriya kul'tury. - S-Pb., 2011. URL: <http://www.dissercat.com/content/tsennostnye-orientatsii-molodezhi-rossiyskogo-megapolisa>

5. Malimonov I.V. Izmeneniya instituta sem'i v sovremennom obshchestve [Changes in the family institution in contemporary society] // Nauchnyy al'manakh, 2015. №7(9). S. 1235-1238.

6. Malimonov I.V., Korol' L.G., Sin'kovskaya I.G., Rakhinskiy D.V. Problema brachnogo povedeniya studencheskoy molodezhi. [The problem of mating behavior of students] // Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal) – 2015. - № 10 (54). URL: www.sisp.nkras.ru

7. Osokheeva B.R. Sovremennaya molodaya sem'ya: protsessy transformatsii i faktory stabilizatsii. [Modern young family: processes of transformation and stabilization factors] Avtoref. diss. kand. sotsiolog. nauk. 22.00.04 Sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy. - Ulan-Ude, 2007. URL: <http://www.dissercat.com/content/sovremennaya-molodaya-semya-protsessy-transformatsii-i-factory-stabilizatsii>

8. Semenko V. «Situatsiya postmoderna» i dekonstruktsiya kul'tury. Kratkiy ocherk filosofii postmodernizma. ["The situation of the postmodern" deconstruction and culture. A short essay on postmodern philosophy] URL: <http://amin.su/content/kolonka-redaktora/59/>

9. Slovar': Akademik. st. Dekonstruktsiya. [Dictionary: Academician. Deconstruction.] URL:<http://postmodernism.academic.ru/26/dekonstruktsiya>

10. Sorokin P. A. Krizis sovremennoy sem'i. (sotsiologicheskiy ocherk) [The crisis of the modern family. (Sociological survey)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. Sotsiologiya i politologiya. - 1997. - № 3. S. 65 – 79.

11. Stel'makh A.M. Praktiki brachno-semeynykh otnosheniy v studencheskoy srede. [The practice of marriage and family relations among students] Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata sotsiologicheskikh nauk. – Saratov, 2011. URL: sstu.ru/files/aspirantura/Stelmakh-221211.doc

12. Stel'makh A.M. Osobennosti brachno-semeynykh otnosheniy molodezhi [Features of marriage and family relations youth] // Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya. - № 1. – 2011. – S.129-130.

13. Toffler E. Tret'ya volna. [Third wave] – M.: AST, 2002. – 776 s.

14. Uvarova N.N. Formirovanie tsennostnogo otnosheniya studentov k institutu sem'i. [Formation of the valuable relation of students to the institution of the family.] Avtoref.Dis. ... kand. ped. nauk : 13.00.01. - Stavropol', 2006. URL <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-tsennostnogo-otnosheniya-studentov-k-institutu-semi.html>

Михайленко Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Донского государственного аграрного университета.

УДК 316.613

КУЛЬТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Чекрыгина Т.А.

В данной статье описываются результаты теоретико-эмпирического исследования социокультурных детерминант идентификации личности, проводимого автором статьи с 1997 по 2014 гг. в южном регионе России на выборке 1260 человек (12-20 лет). Одной из важных задач исследования стало изучение особенностей типа культурного мышления, присущего современной молодежи. Автором разработана методика исследования культурного мышления (модификация методики Дж.Брунера «Профиль мышления», методика исследования идентификационной направленности на архетипические культурные черты, ДДО Климова). Теоретически обосновывается положение о том, что культурные формы мышления являются основой социокультурной идентификации. Эмпирически выявляются особенности культурного мышления современной молодежи. Статистически подтверждается, что особенностью культурного мышления молодежи является преобладание художественного типа с выраженной креативностью.

Ключевые слова: тип культурного мышления, идентичность, идентификация.

CULTURAL THINKING AS THE BASIS OF SOCIOCULTURAL IDENTITY

Chekrygina T.A.

This article describes the results of theoretical and empirical studies of social and cultural identification of determinants, conducted by the author between 1997 and 2014 in the southern Russian region on a sample of 1260 people (12-20 years). One of the important objectives of the

study was to investigate the characteristics of the type of cultural thinking inherent in today's youth. The author developed a technique to study the cultural thinking (modification techniques J. Brunera "thinking profile" method of research focus on identifying the archetypal cultural traits, DDO Klimov). We theoretically substantiate the position that the cultural forms of thinking are the basis of social and cultural identification. We empirically identified a particular cultural mindset of today's youth. Statistically it confirmed that feature the cultural mindset of young people is the predominance of the artistic type, with expressed creativity.

Keywords: *type of cultural thinking, identity, identity.*

Введение. Идентификационные процессы под воздействием стремительных изменений социокультурной среды, приобрели сегодня столь своеобразную динамику и непредсказуемые формы, что затрудняет их адекватное понимание и интерпретацию в рамках традиционных психологических парадигм. В последнее время со стороны научного сообщества представителями разных наук о человеке, обществе и культуре проводятся серьезные социально-психологические исследования, философско-культурологические, направленные на понимание тончайших индивидуальных и коллективных механизмов социокультурного регулирования бытия личности и общества. С 90-х годов прошлого века и по сегодняшний день интерес к проблемам социо- и культурогенеза значительно усилился, появилось большое количество исследований, которые рассматривают непосредственно и идентификационные аспекты: Антонова И.В., 1996г., Бурлакова К.С., 2002г., Иващенко А.П., 2012г., Ижванова Е.М., 2004 г., Качанов Ю.Л., 1993г., Лукьянов А.В., 2009 г., Микляева А.В., 2008г., Пищик В.И., 2007г., Румянцева П. В. , 2008г., Солдатова Г.У., 1999г., Чекрыгина Т.А., 2006г., 2013г., Ядов В.А., 1996г. и др. Благодаря широкому циклу работ по психологии, а также появляющимся новым междисциплинарным исследованиям на стыках с историей, философией, социологией, культурологией, семиотикой и т.д. на смену общих положений о социальной детерминации развития личности приходят конкретные концепции о социоисторических, социокультурных характеристиках мира человека. Исходя из этого положения, возникла необходимость теоретико-эмпирического исследования социокультурных детерминант идентификации личности, проводимого автором статьи с 1997 по 2014 год в Южном регионе России (гг. Ростов-на-Дону, Таганрог, Сочи, Туапсе, Новороссийск, Краснодар на выборке 1260 человек в возрасте с 12 до 20 лет). Проводимое исследование, отражая системно-ориентированный подход к культуре, который является качественно-сущностным анализом целостных объектов, самостоятельным методологическим средством описания и объяснения целостных образований, «связующим звеном между философской методологией и методологией конкретных наук» [1, с.47] и практико-ориентированный подход к культуре как к системе смыслов, понимания культуры как процесса сигнификации, то есть процесса, в ходе которого осуществляется непрерывное создание и воспроизводство человеком смыслов, является перспективным развитием культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, в которой отражена суть присвоения человеком в ходе онтогенетического развития культурных форм, сформировавшихся в филогенезе, в форме образцов мысли, ценностей и норм социальных отношений, способов деятельности как объектов идентификации. «В культуре содержатся в готовом виде формы поведения, способности, качества личности, которые должны возникнуть у человека в ходе его развития» [5, с.127]. «Социальная идентификация и сигнификация - обратное эффективное воздействие социальной идентичности на восприятие и оценивание социального мира, формирование стратегии поведения - тесно связаны друг с другом» [7, с.59]. Именно принятие идентичности личностью опосредует связь идентификации, т.е. процесса становления, функционирования и развития идентичности, с сигнификацией, понимаемой как реализация этой идентичности в практике. Необходимым условием существования личности является большая или меньшая осмысленность ею своей жизнедеятельности.

Методика исследования. Подход к культуре как к процессу сигнификации предлагался рядом психологов - последователей Выготского (А.Н.Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В.Запорожец, А.В. Петровский, Д.Б. Эльконин) и другими мыслителями русской культурно-исторической школы. «Среди этих психологов,- отмечает Й. Кашима: можно назвать Коула (Coie,1996), Гринфилда (Greenfield, 1997), Лэйва и Уэнджера (Lave & Wenger, 1991), Рогоффа (Rogoff, 1990), Вальсинера (Valsiner,1989) и Верча (Wertsch, 1991) все они рассматривают культуру как совокупность конкретных повседневных практик, имеющих место в обыденной жизни» [6, с.517]. Именно в рамках этой концепции возник и развился подход к исследованию влияния культуры на развитие личности в социальном контексте – подход социальной психологии культурной динамики, с позиций которого было проведено наше исследование. Сущность данного подхода, с нашей точки зрения, заключается в использовании социально-психологического анализа философско-культурологических концепций культурно-исторического процесса с целью выявления в нем основных факторов, характерологических черт, присущих определенной социокультурной общности, которые являются наиболее устойчивыми социокультурными образованиями (культурными формами) и выполняют трансляционно-коммуникативную функцию воздействия культуры на развитие личности и социальные взаимоотношения. Культурные формы рассматриваются нами в качестве основных детерминант социокультурной идентификации; они играют особую роль в процессе формирования, адаптации и социализации личности в быстроменяющихся социокультурных условиях.

Исходя из анализа широкого круга концепций и представлений о культуре, сложившихся в мировой науке, и сохраняя при этом индивидуальные предпочтения определенным научным воззрениям, для наиболее полного отражения социально-психологических аспектов изучаемой проблемы, динамические процессы в культуре рассматриваются и анализируются нами через призму социодинамики на основании глубокого осмысления сложных культурных феноменов в работах П. Сорокина, А. Моля и др. Соответственно взглядам А. Моля, культуру мы рассматриваем как «интеллектуальное оснащение», которым располагает каждый отдельный человек в тот или иной момент, а также как структуру знаний, которыми он обладает как член некоторой социальной группы. *Культура не тождественна мышлению, которое в отличие от нее представляет собой активный процесс, но мышление порождается культурой и питается ею*, по-разному комбинируя элементы знаний, хранящиеся в памяти каждого ее представителя. Культура по отношению к духовной жизни выступает как необходимый материал мысли, как нечто освоенное и наличное, как содержание. В качестве материала мысли культура – нечто данное; а мысль – то, что из него создают; *мышление тем самым есть становление культуры* [10,с.42]. А *“целью и завершением всех мыслительных процессов является достижение состояния идентичности”*,- отмечал З.Фрейд [18, с.213].

В теоретической части исследования обосновывается мысль о том, что культурные формы мышления являются внутренними операциональными механизмами социокультурной идентификации личности (Чекрыгина Т.А.,2013) [19]. В эмпирической части исследования применялась, разработанная автором статьи модификационная методика, включающая методику «Профиль мышления», дифференциально-диагностический опросник (ДДО Е.А. Климова) и анкету идентификационной направленности на архетипические культурные черты. Методологической основой методики «Профиль мышления» на определение определения типа мышления является концепция Дж. Брунера [4] особенностей познавательной деятельности в условиях разных культур. Развитие познавательной деятельности, по Брунеру, осуществляется путем становления трех основных способов (средств): предметных действий, образов восприятий и символов. Суть позиции его состоит в том, что психическое развитие отдельного человека происходит в процессе усвоения средств культуры. Усвоение набора этих средств усиливает некоторые естественные двигательные, сенсорные и умственные способы познания. В частности, усиление интеллекта связано с усвоением и использованием сложных способов символизации, уровень

развития которой различен в разные эпохи и у разных народов. Развивая идеи Дж. Брунера, мы исследуем, как проявляются в современных социокультурных условиях специфика познавательной деятельности и особенности типа культурного мышления.

Мышление представляет собой обобщенную и опосредованную форму психического отражения человеком окружающей действительности, устанавливающую связи и отношения между познаваемыми объектами. Тип мышления - это индивидуальный способ аналитико-синтетического преобразования информации. Независимо от типа мышления человек может характеризоваться определенным уровнем креативности. Профиль мышления, отображающий доминирующие способы переработки информации и уровень креативности, является важнейшей личностной характеристикой человека, определяющей его стиль жизнедеятельности, склонности, интересы и профессиональную направленность характеризуется нами как *тип культурного мышления*, присущий современной культуре. Можно выделить четыре базовых типа мышления, каждый из которых обладает специфическими характеристиками. 1. Предметное мышление, неразрывно связанное с предметом в пространстве и времени, при котором преобразование информации осуществляется с помощью предметных действий. При этом типе мышления существуют физические ограничения на преобразование, мыслительные операции выполняются только последовательно. Результатом является мысль, воплощенная в новой конструкции. Этим типом мышления обладают люди с практическим укладом ума. 2. Образное мышление отделено от предмета в пространстве и времени. Здесь преобразование информации осуществляется с помощью действий с образами, нет физических ограничений на преобразование, мыслительные операции могут осуществляться последовательно и одновременно. Результатом является мысль, воплощенная в новом образе. Этим мышлением обладают люди с художественным складом ума. 3. Знаковое мышление, при котором преобразование информации осуществляется с помощью умозаключений, знаки объединяются в более крупные единицы по правилам единой грамматики. Результатом является мысль в форме понятия или высказывания, фиксирующего существенные отношения между обозначаемыми предметами. Этим мышлением обладают люди с гуманитарным складом ума. 4. Символическое мышление, при котором преобразование информации осуществляется с помощью правил вывода, результатом является мысль, выраженная в виде структур и формул, фиксирующих существенные отношения между символами. Этим мышлением обладают люди с математическим складом ума. Согласно Дж. Брунеру[4], мышление можно рассматривать как перевод с одного языка на другой. Следовательно, при четырех базовых языках возникает шесть вариантов перевода основных типов мышления в профиль мышления или профиль культурного мышления: предметно-образный (практический), предметно-знаковый (гуманитарный), предметно-символический (операторный), образно-знаковый (художественный), образно-символический (технический), знаково-символический (теоретический).

Анализ результатов исследования. Анализ данных методики «Профиль мышления» дает нам интересные результаты, которые особенно проявляются в сравнительном соотношении данных первого (2001г.) и второго (2009г.) этапов исследования [19]. Нам представляются значимыми те данные, которые свидетельствуют о том, что показатель яркой выраженности креативности молодежи вырос и имеет тенденцию к увеличению. Мы видим значительное снижение количества испытуемых с теоретическим (знаково-символическим) складом ума, однако практический (предметно-образный) склад ума имеет тенденцию к увеличению и ярко выражена тенденция увеличения испытуемых, имеющих художественный (образно-знаковый) склад ума, причем образная составляющая значительно доминирует над знаковой. Это косвенно свидетельствует о том, что у современной молодежи рациональное мышление имеет тенденцию к снижению, а мифологическое мышление имеет тенденцию роста, что проявляется в высоких показателях художественного склада ума, то есть образного мышления, для которого характерно то, что оно отделено от предмета в пространстве и времени, преобразование информации осуществляется с помощью действий с

образами, нет физических ограничений на преобразование, мыслительные операции можно осуществлять последовательно и одновременно. Результатом является мысль, воплощенная в новом образе. Также мы отмечаем значительное снижение символического типа мышления. Мы же по результатам нашего исследования можем отмечать только проявляющиеся тенденции в познавательной сфере молодежи. На гистограмме (рис.1.) показаны общие данные в процентах яркой выраженности 1-предметного, 2-образного, 3-знакового, 4-символического мышления и 5-креативности по возрастным группам: (1)-12лет,(2)- 13лет (3) -14лет, (4) - 15лет, (5) – 16лет, (6) – 17лет, (7) - 18 лет – это средние данные по возрастному критерию первой экспериментальной группы первого этапа исследования.

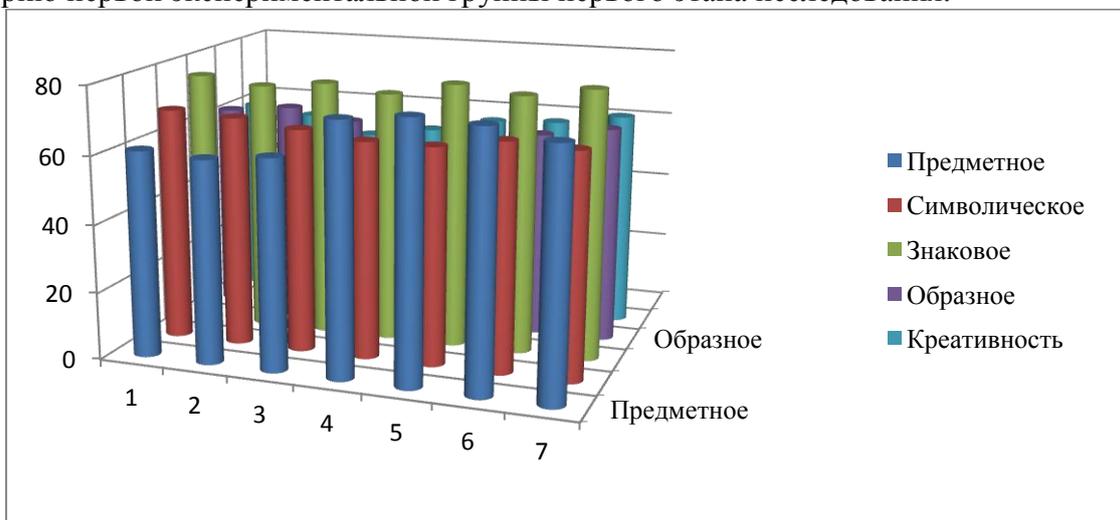

Рисунок 1 - Гистограмма типа мышления по методике «Профиль мышления (Дж.Брунера)» испытуемых первой экспериментальной группы

На гистограмме (рис.2) показаны общие данные в процентах яркой выраженности 1-предметного, 2-образного, 3-знакового, 4-символического мышления и 5-креативности по возрастным группам: (1)-12лет,(2)- 13лет (3) -14лет, (4) - 15лет, (5) – 16лет, (6) – 17лет, (7) - 18 лет – это средние данные по возрастному критерию второй экспериментальной группы второго этапа исследования.

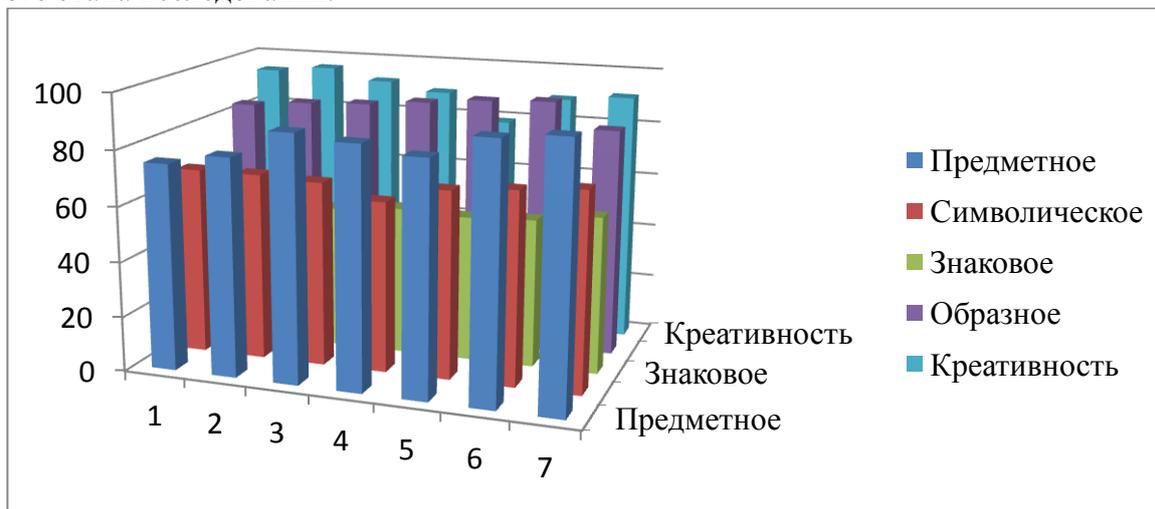

Рисунок 2 - Гистограмма типа мышления по методике «Профиль мышления (Дж.Брунера)» испытуемых второй экспериментальной группы

Как мы отмечали выше, культурное мышление опосредует социокультурную идентификацию, что нашло свое отражение в сопоставительном анализе данных, методики «Профиль мышления» и данных дифференциально-диагностического опросника (ДДО Е.А. Климова) возрастной группы 17 лет, как наиболее выразительном примере проявления специфики профиля культурного мышления в современных условиях.

По концепции А. Ватермана [21] на формирование идентичности влияет профессиональная направленность личности. А. Ватерман выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: выбор профессии и профессионального пути; принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; выработка политических взглядов; принятие набора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства. В целом специфика мышления юношеского возраста отражается в формировании профиля культурного мышления, развивающегося на основе базовых типов мышления. Именно профиль мышления определяет профессиональную направленность личности и является одним из основных факторов ее самоидентификации.

Согласно концепции Дж. Брунера [4] в юношеском возрасте формируется представление о мире посредством мысленных понятий, т.е. путем символического отображения окружающего мира. Согласно концепции Л.С. Выготского [5] понятийное мышление основывается на знаково-символической основе, то есть посредством формирования теоретического мышления. И здесь необходимо отметить, что теоретическое мышление слабо выражено оно составляет всего– 14% от общей выборки, при том, что ярко проявляется тенденция к формированию понятийного типа мышления по символическому (математический склад ума) или знаковому (гуманитарный склад ума) типу мышления. Для подтверждения статистической значимости и достоверности, полученных нами результатов, мы провели факторный и кластерный анализ данных (программа SPSS). Данные факторного анализа свидетельствует о выделении трех существенных факторов.

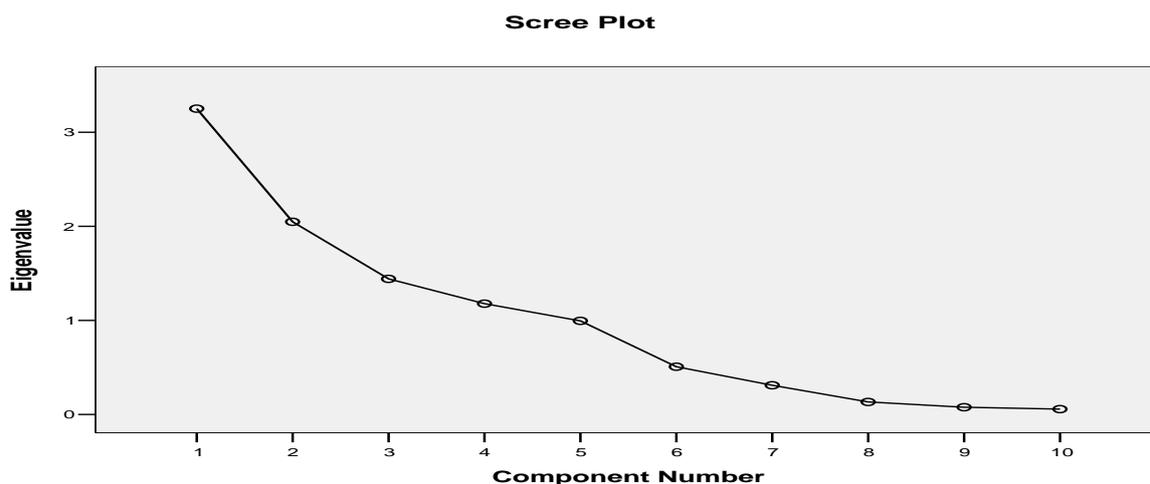

Рисунок 3 - График собственных значений выраженности профиля мышления и профессиональной направленности

Наибольшую информативность (32,5%) и факторный вес имеет первый фактор, включающий в положительный полюс: предметное, знаковое, образное мышление, креативность, профессиональную направленность - «человек - художественный образ». Отрицательный полюс данного фактора включает символическое мышление, профессиональную направленность «человек–техника». Этот фактор является существенным, значимым, то есть между художественным, гуманитарным и практическим профилями мышления и профессиональной направленностью «человек-художественный образ» у представителей нашей выборки проявляется статистически значимая корреляционная связь. Второй фактор (информативность 20,5%) объединяет положительные полюса: профессиональную направленность «человек-природа», «человек-знаковая система» и отрицательный полюс - символическое мышление. Этот фактор также имеет выраженную информативность и статистический вес. Третий фактор (информативность 14,4%) еще более

своеобразен и объединяет положительный полюс: предметное мышление и профессиональную направленность «человек-техника» с отрицательным полюсом: профессиональной направленностью «человек-человек». Данные кластерного анализа существенно дополняют факторизацию и дают нам яркую картину парных корреляционных связей между профилем мышления и профессиональной направленностью. Особенно интересна проявившаяся в кластерном анализе корреляционная связь профессиональной направленности к профессиям типа «человек-человек» - «человек-техника» и символическим мышлением, которое непосредственно состоит в корреляционной парной связи с направленностью на профессию типа «человек-художественный образ». Проявляется корреляционная связь знакового мышления и креативности, которые непосредственно связаны с образным мышлением. Это говорит о выраженном проявлении художественного типа мышления и его непосредственной корреляции с креативностью.

Выводы. В своем исследовании мы акцентировали внимание на влиянии культурной динамики на формирование различных форм культурного мышления как основы идентификации личности. Культурные формы – суть традиции, а завершенная, структурированная культурная форма по сути гештальт. Разрушение культурных форм, разрушение традиций ведет к разрушению гештальта. Гештальт как идентификационный эталон является основой для формирования личности. Нарушение его целостности ведет к деформации личностного развития. По мере того как в культурном мышлении происходят внутренние «гештальт»-изменения, по мере того как в коллективном мышлении и в отдельных умах зарождаются новые метафизические представления и новая психологическая направленность - появляются и новые благоприятные факты, новые социальные контексты, новые методологии, новые орудия, необходимые для довершения зародившейся архетипичной формы (Gestalt). *«Ибо сама возможность появления нового мировоззрения покоится на подспудной динамике культуры в целом»*[17]. В данной статье мы акцентировали внимание на своеобразии культурных форм мышления у современной молодежи, отметив специфику культурного мышления в выраженном проявлении художественного типа мышления и его непосредственной корреляции с креативностью. при этом тенденция роста креативности у представителей современной молодежи ярко выражена. Современной молодежи свойственно преобладание художественно образного склада ума, доминирование мифологического (трансцендентального) мышления над рациональным.

Литература

1. Асмолов, А.Г. Психология личности [Текст] : учебник \ А.Г. Асмолов. – М. : Изд-во МГУ, 1990. - 367 с.
2. Белоусова, А.К. Первичная психометрическая проверка методики определения стиля мышления [Текст] / А.К. Белоусова, Г.А. Гришина, В.И. Пищик // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. – 2005. – № 12. – С. 73-85.
3. Иващенко, А.П. Значение этнической идентичности в современных социокультурных условиях [Текст] / А.П. Иващенко // Актуальные вопросы современной науки : сб. научн. трудов. – Вып. 26. – Новосибирск, 2013. – С.213-223
4. Брунер, Дж. Психология познания [Текст] / Дж. Брунер. – М.,1977. - 412с.
5. Выготский, Л.С. Собрание сочинений [Текст] : В 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / Л.С. Выготский ; под ред. А.М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – 328 с.
6. Кашима, Й. Культура и социальная когнитивная деятельность: к социальной психологии культурной динамики [Текст] / Й. Кашима // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – Глава 17. – С. 516-519. – (Серия «Мастера психологии»).

7. Качанов, Ю.Л. Проблема ситуативной и трансверсальной идентичности личности как агента социальных отношений [Текст] / Ю.Л. Качанов // Социальная идентичность. – М., 1993.
8. Коул, М. Культура и мышление [Текст] / М. Коул, С. Скрибнер. – М., 1977.
9. Микляева, А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования [Текст] : монография / А.В. Микляева, П.В. Румянцева - СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. - С. 8-47.
10. Моль, А. Социодинамика культуры. Мир через культуру [Текст] / А. Моль. – М. : Изд-во МГТУ, 1995. – с. 38-57.
11. Наследов, А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных [Текст] : уч. пособие / А.Д. Наследов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Речь, 2006. – 392 с.
12. Омельченко, Е.Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX-XXI вв. [Текст] : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Е.Л. Омельченко. – М., 2004. – 48с.
13. Павленко, В.Н. Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе [Текст] / В.Н. Павленко, Н.Н. Корж // Психологический журнал. – 1998. – №1. – 75-89.
14. Петухов, В.В. Образ мира и психологическое изучение мышления [Текст] / В.В. Петухов // Вестн. Моск. ун-та. – 1984. – № 4. – Серия 14. Психология. – С. 13-21.
15. Пищик, В.И. Трансформация ментальности: системный подход [Текст] / В.И. пищик. – Ростов н/Д, 2007.
16. Сорокин, П.А. Социокультурная динамика. Кризис нашего времени. Человек. Цивилизация. Общество. Мыслители XX века [Текст] / П.А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – с. 425- 504
17. Тарнас, Р. История западного мышления [Текст] / Р. Тарнас ; пер с англ. Т.А. Азаркович. – М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. – 327 с.
18. Фрейд, З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» [Текст] : в 2-т. Т.1. «Я» и «Оно» / З. Фрейд. – Тбилиси, 1991. – 269 с.
19. Чекрыгина, Т.А. Метаморфозы социокультурной идентификации личности [Текст] / Т.А. Чекрыгина. – Ростов-на-Дону : Изд-во ДГТУ, 2013. – 157 с.
20. Grossberg, L. Identity and Cultural Studies: Is That All There Is? [Text] / L. Grossberg // Questions of Cultural Identity. – p. 87–88.
21. Waterman, A.S. Finding Someone to be: Studies on the Role of Intrinsic Motivation in Identity Formation [Text] / A.S. Waterman. – Identity: An International Journal of Theory and Research, 2004. – P. 102

References

1. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: Uchebnik [Personality Psychology: A Textbook.] – М.: Изд-во МГУ, 1990. -367 s. S. 152—172.
2. Belousova A.K., Grishina G.A., Pishchik V.I. Pervichnaya psikhometricheskaya proverka metodiki opredeleniya stilya myshleniya [Initial psychometric test methods for determining the style of thinking] // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie. 2005. № 12. S. 73—85.
3. Ivashchenko A.P. Znachenie etnicheskoy identichnosti v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh [The value of ethnic identity in the contemporary socio-cultural conditions] // Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki. S. Nauchn.trudov. Vyp. 26, Novosibirsk, 2013, S.213-223
4. Bruner Dzh. Psikhologiya poznaniya. [Knowledge Psychology] М., 1977. - 412s.
5. Vygotskiy L.S. Sobr.soch.: V 6-ti t., T. 3. Problemy razvitiya psikhiki [Mental development problems] / Pod red. A.M. Matyushkina // Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy. М.: Pedagogika. - 328 s.

- 6.Kashima Y. Kul'tura i sotsial'naya kognitivnaya deyatelnost': k sotsial'noy psikhologii kul'turnoy dinamiki. Sm. Psikhologiya i kul'tura [Culture and social cognitive activities: social psychology, cultural dynamics] /Pod red. D. Matsumoto. G.17. – SPb.: Piter, 2003. – (Seriya «Mastera psikhologii»). S.516-519
- 7.Kachanov Yu.L. Problema situativnoy i transversal'noy identichnosti lichnosti kak agenta sotsial'nykh otnosheniy [The problem of situational and transversal personal identity as an agent of social relations] // Sotsial'naya identichnost', M.,1993.
- 8.Koul M., Skribner S. Kul'tura i myshlenie [Culture and thought] M.,1977.
- 9.Miklyaeva A. V., Rummyantseva P. V. Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержanie, struktura, mekhanizmy formirovaniya: Monografiya. [Social identity of the person: content, structure, mechanisms of formation: Monograph] - SPb.: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2008. - S. 8-47.
- 10.Mol' A. Sotsiodinamika kul'tury/Mir cherez kul'turu. [Sociodynamics of culture] M.,Izd-vo MGTU, 1995. s. 38-57.
- 11.Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh. Uch. Posobie. [Mathematical methods of psychological research. Analysis and interpretation of data. Ouch. benefit] 2-e izd., ispr. I dop. – SPb.: Rech'. 2006. – 392.
- 12.Omel'chenko E.L. Identichnosti i kul'turnye praktiki rossiyskoy molodezhi na grani XX-XXI vv. [Identity and cultural practices of the Russian youth on the verge of the XX-XXI vv]Avtoref. Dis. d-ra sotsiol. nauk. – M.,2004.- 48s.
- 13.Pavlenko V.N., Korzh N.N. Transformatsiya sotsial'noy identichnosti v posttotalitarnom obshchestve [The transformation of social identity in the post-totalitarian society] // Psikhologicheskii zhurnal, №1, 1998.-75-89.
- 14.Petukhov V.V. Obraz mira i psikhologicheskoe izuchenie myshleniya. [The image of the world and the psychological study of thinking] //Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 14. Psikhologiya. 1984. № 4. S. 13-21.
- 15.Pishchik V. I. Transformatsiya mental'nosti: sistemnyy podkhod. [The transformation of the mentality: systematic approach] Rostov n/D, 2007.
- 16.Sorokin P.A. Sotsiokul'turnaya dinamika. Krizis nashego vremeni. Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo. Mysliteli XX veka. [The socio-cultural dynamics. The crisis of our time. Human. Civilization. Society.] M., Politizdat, 1992. s.425- 504
- 17.Tarnas R. Istoriya zapadnogo myshleniya [The history of Western thought] / Per s angl. T.A. Azarkovich. – M.: KRON-PRESS, 1995, 327 s.
- 18.Freyd Z. Massovaya psikhologiya i analiz chelovecheskogo «Ya». [Mass Psychology and the Analysis of the "I".] Freyd Z. «Ya» i «Ono» - V 2-t. T.1.Tbilisi, 1991, 269 s.
- 19.Chekrygina T.A. Metamorfozy sotsiokul'turnoy identifikatsii lichnosti. [Metamorphoses of social and cultural identification of person] Izd-vo DGTU, Rostov-na-Donu,2013. 157s.
- 20.Grossberg L. Identity and Cultural Studies: Is That All There Is? // Questions of Cultural Identity. P. 87–88.
- 21.Waterman A.S., Finding Someone to be: Studies on the Role of Intrinsic Motivation in Identity Formation. Identity: An International Journal of Theory and Research, 2004.P. 102

Чекрыгина Татьяна Алексеевна – к. псих. н., доцент кафедры философии и истории Донского государственного аграрного университета.

**ЭКОНОМИКА АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ**

Москалюк В. М.

В статье раскрывается экономическая проблема развития аграрно-промышленных комплексов в ее философском осмыслении. Автор анализирует взаимосвязь экономики и духовного, творческого начала личности, составляющей человеческий и социальный капитал современного общества. В статье доказывается, что эффективное развитие аграрно-промышленных комплексов является возможным только при условии популяризации науки и создания благоприятных условий для творческого развития человека сельскохозяйственного труда.

Ключевые слова: экономика, аграрно-промышленный комплекс, философия, человек, сельское хозяйство.

**THE ECONOMY OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX
IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE**

Moskaliuk V.M.

The article deals with the problem of economic development of the agro-industrial complexes in its philosophical interpretation. The author analyses intercommunication of economy and spiritual, creative beginning of personality, which is the part of human and social capital of modern society. In the article it is proved, that effective development of agro-industrial complexes is possible only on condition of popularization of science and creation of favorable terms for creative development of people, who work in agricultural sphere.

Keywords: the economy, the agro-industrial complex, philosophy, human being, agriculture.

В настоящее время развитие аграрно-промышленных комплексов является приоритетной задачей экономического развития не только сельскохозяйственной отрасли, но и экономики страны в целом. Это объясняется тем, что структура АПК основана на сочетании специализации, кооперирования и диверсификации процессов, присущих научно-технической революции. «Особое внимание при осуществлении аграрной реформы следует обращать на соотношение разных форм хозяйствования. Принципиальным моментом в решении этого вопроса есть всесторонняя взвешенность, экономическое обоснование тех или иных вариантов», – отмечают ученые Богачев В. И. и Михайловский А. Г. [1, с.128– 129]. От эффективной работы аграрно-промышленных комплексов зависит наличие рабочих мест в сельских районах, благосостояние людей, нравственный микроклимат в данной географической зоне. Кроме того, в аграрно-промышленных комплексах сосредоточен огромный экономический потенциал. Родоначальник макроэкономики Джон Мейнард Кейнс однажды заметил, что цивилизацию делают возможной экономисты [6, цит. по кн., с. 701]. То есть, экономике и экономистам этим ученым отводится приоритетное место в человеческой цивилизации в целом, что еще раз подчеркивает актуальность исследуемой нами проблемы.

Изучение вопросов повышения экономической эффективности агропромышленного производства обусловлено, прежде всего, невозможностью развития экономики и общества в целом без аграрной сферы, такого важного и незаменимого экономического сектора как сельское хозяйство. «Процесс децентрализации в условиях перехода к рынку можно было бы оценивать как естественный и необходимый, если бы он происходил на фоне коренных преобразований отношений собственности и перехода к многоукладному аграрному

сектору»[1,с.126].Сегодня, в период общего экономического кризиса, необходимость экономической реорганизации и модернизации аграрно-промышленного сектора является как никогда актуальной. Поэтому большой научный интерес к анализу проблемного поля философии экономики, возникший в последнее время, вполне закономерен. Развитие этого направления представляется весьма эффективным, поскольку усиливает влияние рыночных принципов организации жизни общества на все сферы жизнедеятельности человека. Вместе с тем, «Экономический образ мышления , особенно в условиях демократии, – важная предпосылка успешного развития. Но не более того»[6,с.701]. В связи с этим, возникает необходимость обращения к философии, как абсолютной науке, науке о всеобщем, в ее практическом аспекте. Современные ученые, исследующие экономику в целом и экономические процессы, на которых строится работа аграрно-промышленных комплексов, обозначили ряд новаторских подходов к оптимизации этих процессов. Вместе с тем, возникает необходимость дальнейшего научного осмысления особенностей эмпирической базы и методологического инструментария, позволяющих более глубоко вникнуть в эту проблему, создать практические рекомендации для руководителей и работников аграрно-промышленных комплексов.

Чем продиктовано сосредоточение внимания на философском дискурсе при исследовании экономических проблем аграрно-промышленного комплекса? Прежде всего тем, что именно философия изучает наиболее общие законы и принципы организации и развития мира и человеческого сообщества. Философия экономики, в перспективности развития которой сегодня нет ни малейшего сомнения, является одной из сфер развития общей философии. Вполне закономерным поэтому есть то, что философия экономики включает в себя (как отмечает А. Субетто) экономическую онтологию; экономическую гносеологию; экономическую аксиологию; экономическую праксиологию; экономическую феноменологию. Рассмотрим это более детально.

Экономическая онтология исследует экономическую составляющую социального бытия человека, включающую в себя его производственную деятельность, соотношение процессов хозяйствования и природопользования. Экономическая гносеология раскрывает особенности познания человеком экономической реальности, уточняет роль гносеологического инструментария в экономическом познании, анализирует особенности экономического мышления. Экономическая аксиология создает шкалу экономических ценностей, рассматривает и сопоставляет общественную и прагматическую пользу, изучает влияние экономических интересов на формирование экономических ценностей (стоимость, потребительная стоимость, полезность, эффективность, рентабельность и др.), а также ценностные отношения. Экономической праксиологией раскрываются вопросы статусности и процедурного знания в экономике, ее организационных форм: организация труда, его стимулирование и т.п. Экономическая феноменология – философская рефлексия над особенностями организации современного экономического знания[4]. Очевидно, что философия экономики использует практически все основные направления развития философской мысли.

Ценность философской интерпретации экономической проблематики заключается в том, что сама экономическая деятельность в философской интерпретации осмысливается во всей ее глубине, разрушает ограничительные рамки сугубо объективного смысла, обретая способность раскрытия в сфере трансценденции, сфере духа. Это является очень важным, поскольку духовная сфера хозяйствования–это настроения, переживания, оценки, мироощущение, миропонимание, то есть все то, что лежит в основе философской интерпретации, содержащей в себе осмысление и мировоззренческое обоснование экономических проблем. В своем синтезе они формируют философию хозяйствования, в которой экономика приобретает универсальную, всеобщую форму. Раскрывая универсальность экономики посредством ее бытия в мире, множественность ее связей с этим миром, философия экономики не механически переносит философские понятия, собственную терминологию на сферу хозяйствования или результаты экономических

мониторингов, она, значительно расширяя горизонты экономической проблематики, сохраняет сферу и специфику собственного функционирования. Вместе с тем, философия экономики сообщает философское понимание содержанию базисных экономических категорий («собственность», «предпринимательство», «рынок», «труд», «менеджмент», «кризис», «конкуренция», «спрос» и др.). В философском дискурсе эти категории экономики выходят за сферу сугубо экономических вопросов. Философское осмысление их содержания обеспечивает формирование универсальных представлений о природе хозяйственной деятельности, обозначает ее место и роль в духовном бытии человека и общества, его ценностных, моральных установках. Можно с уверенностью утверждать, что философия как наука направляет нас на понимание человекомерной сущности экономики. «Поскольку мы обладаем способностью рассуждать, воображать и предполагать, мы мысленно обитаем в мире оппозиций, превращений и отрицаний. Возможно, где-то и существует нечто вроде абсолютной реальности, не похожей на нашу. Возможно, существуют другие относительные реальности. Но мы – человеческие существа – населяем именно эту напряженную, или полярную, реальность» [5, с.123].

Экономическое бытие является частью социального бытия, а социум – это, прежде всего, человек, наполняющий это бытие миром человеческих ценностей. Поэтому в проблемном поле философии экономики особое место занимает человек как создатель и творец экономики. Таким образом, любая экономика строится и развивается человеком, поэтому, изучая экономику, необходимо, в качестве одной из ее узловых проблем, исследовать основополагающую роль духовного и творческого начала личности, составляющей человеческий и социальный капитал общества. Каким образом можно этого достичь? Прежде всего, путем популяризации науки, ее последних достижений в области сельского хозяйства. Это позволит ускорить инновационное развитие аграрно-промышленных комплексов, повлечет за собой появление и развитие более совершенных технических и технологических изобретений, что позволит перевооружить и переоснастить производство сельскохозяйственной продукции, осуществить необходимые технологические новации аграрной экономики. «Хозяйство не существует без знания, знание есть проективная, моделирующая сторона в хозяйстве; вместе с тем и знание не может обойтись без хозяйства, существует только с ним и в нем, не в смысле материальной, денежной зависимости, но слитности обеих деятельностей... Хозяйство есть знание в действии, а знание есть хозяйство в идее», – подчеркивает С. Булгаков [2, с.121].

Парадигма устойчивого целостного развития науки и аграрной промышленности, опирается на пробуждение и развитие творческой составляющей ведения сельского хозяйства, ориентацию на приобщение тружеников агропромышленных комплексов к последним достижениям сельскохозяйственных наук. По сути дела, такой синтез – не что иное, как инвестиции в формирование и приумножение человеческого и социального капитала общества. Именно таким подходом к современному развитию агропромышленных комплексов сохраняются национальные традиции сельскохозяйственных наук и практической деятельности АПК. В этом заключается забота о сохранении природных, духовных, интеллектуальных и экономических богатств для будущих поколений, ключевой и неуклонный вектор в развитии современного общества. «Одна из главных ошибок преобразовательных процессов в Украине заключается в том, что реорганизацию экономики начали не с села, не с преобразования продовольственного комплекса. А ведь именно с них начинали другие страны в переломно-критические периоды своей истории» [3, с.169].

Таким образом, необходимость поиска современных векторов развития экономики агропромышленных комплексов задает новые параметры проблемного исследовательского поля для философии экономики. Сегодня развитие экономики агропромышленных комплексов невозможно без творческой синергии человека и природы, творчески-активного подхода, как в вопросах научного философского, экономического познания, так и в практической производственной деятельности.

Литература

1. Богачев, В.И. Рыночные отношения в переходной экономике Украины [Текст] / В.И. Богачев, А.Г. Михайловский. – К. : Таксон, 1996. – 272 с.
2. Булгаков, С. Философия хозяйства [Текст] / Сергий Булгаковъ. – NEWYORK, 1982. – 329 с.
3. Аграрный сектор рыночной экономики. Аграрная реформа в Украине. Основы макроэкономики [Текст] : учебно-методическое пособие / под общ. ред. проф. В.И. Богачева. – Луганск : Світлиця, 1997. – 251 с.
4. Субетто, А.И. Введение в философию экономики и экономической науки. На базе какой философии формировать философию экономики и экономической науки? [Электронный ресурс] / А.И. Субетто // «Академия Тринитаризма». – М. : Электронный журнал. – № 77-6567, публ.11781, 28.01.2005. – Режим доступа: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00160136.htm>
5. Фаулз Дж. Аристос [Текст] / Джон Фаулз ; пер. с англ. И. Бессмертной. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2006. – 347 с.
6. Хейне, П. Экономический образ мышления [Текст] / Пол Хейне ; пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии Изд-ва «Catallaxy», 1991. – 704 с.

References

1. Bogachev V. I. Mikhaylovskiy A. G. Rynochnye otnosheniya v perekhodnoy ekonomike Ukrainy [Market relations in transitive economy of Ukraine] / Vasiliy Ivanovich Bogachev Anatoliy Grigor'evich Mikhaylovskiy.– K.:Takson, 1996. – 272 s.
2. Bulgakov S. Filosofiya khozyaystva [Economy Philosophy] / Sergi"yBulgakov". – NEWYORK, 1982. – 329 s.
3. Agrarnyy sektor rynochnoy ekonomiki. Agrarnaya reforma v Ukraine [The agricultural sector of the market economy. Agrarian reform in Ukraine] //Osnovy makroekonomiki (uchebno-metodicheskoe posobie). – Pod obshch. red. prof. Bogacheva V. I.–Lugansk; Svitlitsya, 1997. – 251 s.
4. Subetto A.I.Vvedenie v filosofiyy ekonomiki i ekonomicheskoy nauki. Na baze kakoy filosofiif ormirovat' filosofiyy ekonomiki i ekonomicheskoy nauki? [Introduction to the philosophy of economics and economic science. On the basis of a philosophy to shape the philosophy of economics and economic science?] /Subetto A. I.// «Akademiya Trinitarizma». – M.: Elektronnyy zhurnal, № 77-6567, publ.11781, 28.01.2005/ Rezhim dostupa: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001b/00160136.htm>
5. Faulz Dzh. Aristos [J. Fowles. Aristos]/ Dzhon Faulz; per. s angl. I. Bessmertnoy– M.: AST: AST MOSKVA, 2006, – 347 s.
6. Kheyne P. Ekonomicheskyy obraz myshleniya. [The economic way of thinking] / Pol Kheyne. –Per. s angl.–M.: Izd-vo «Novosti» pri uchastii Izd-va «Catallaxy», 1991. – 704 s.

Москалюк Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии культуры, политических и социальных процессов Луганского национального аграрного университета. E-mail: mshklk@ukr.net

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В СТУДЕЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Белоусова В.Н.

В статье на основе конкретного социологического исследования анализируется субъективное восприятие студентами межнациональных отношений в обществе, выявляются их установки по отношению к представителям других национальностей, отношение к трудовым мигрантам, а также к применению насилия для защиты национальных интересов.

Объектом исследования были студенты всех факультетов Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского ГАУ в г. Зернограде. Для сбора первичной информации были использованы следующие методы исследования: выборочный анкетный опрос и индивидуальное интервью для определения основных позиций респондента, его мотивов и отношения к изучаемой проблеме. Выборочная совокупность включала 485 человек, что составило 41,6% студентов очного обучения АЧИИ. В выборку попали представители 19 национальностей.

Проведенное социологическое исследование позволило сделать некоторые выводы о состоянии межнациональных отношений в молодежной среде и показало важность формирования у студентов понимания того, что проблема межнациональных отношений – это всеобщая, гражданская проблема, связанная с социальным благополучием всех граждан, проживающих в Российской Федерации.

Ключевые слова: *межнациональные отношения, этническая толерантность, ксенофобия, этническое самосознание.*

INTERNATIONAL RELATIONS AND THEIR PERCEPTION IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT

Belousova V.N.

In article on the basis of concrete sociological research it is analyzed subjective perceptions by students of the international relations in society, their installations in relation to representatives of other nationalities, the attitude towards labor migrants, and also to application of violence for protection of national interests come to light.

Students of all faculties of Azovo-Chernomorsky engineering institute – branch of the Don GAU in Zernograd were object of research. For collecting primary information the following methods of research have been used: selective questionnaire and individual interview for definition of the main positions of the respondent, his motives and the relation to the studied problem. The sample included 485 people that has made 41,6% of students of resident instruction of AChEI. Representatives of 19 nationalities have got to selection.

The conducted sociological research allowed to draw some conclusions about the state of interethnic relations among the youth, and showed the importance of the formation of students' understanding of the problem of international relations - is universal, civic problem with social well-being of all citizens living in the Russian Federation.

Keywords: *international relations, ethnic tolerance, xenophobia, ethnic consciousness.*

Введение. В современных условиях этнический фактор нередко оказывает определяющее влияние на происходящие социально-экономические и политические процессы. Остро стоящая во всем мире проблема межнациональных отношений, угроза сепаратизма и роста национализма не обошла стороной и Россию. В нашей стране острота

этой проблемы усугубляется экономическим кризисом и разрушением идеологических и многих нравственных ориентиров.

Особенно незащитны перед сложившейся ситуацией молодые люди, чьи личности еще только формируются. Причем этот процесс идет в обществе, которое резко расслоилось на богатых, бедных и просто нищих людей, утративших всякие надежды на позитивные изменения в своей жизни.

Эти обстоятельства накладываются на свойственные юношеству психологические особенности: максимализм, тенденцию к объединению в замкнутые группы, стремление противопоставить себя старшим поколениям. Поэтому молодежь представляет собой благодарную аудиторию для любой пропаганды, растрavляющей «обиды», нанесенные обществом, и персонифицирующей обидчика в образе другого народа или конкретного человека иной национальности. Все это может приводить к возникновению в менталитете молодого человека элементов этноцентризма, шовинизма, ксенофобии, этнических предрассудков.

Актуально поэтому осуществлять мониторинг состояния межэтнических отношений, чтобы не только выявлять болевые точки в этой сфере, но и влиять на общественное сознание, показывая важность укрепления сотрудничества и дружбы между нациями для обеспечения стабильности общества и устойчивого его развития.

Методика. В ноябре 2015 года проведено социологическое исследование, целью которого было изучение отношения студентов Азово-Черноморского инженерного института к вопросам, связанным с межнациональными отношениями.

Задачи исследования: осуществить анализ субъективного восприятия молодежью межнациональных отношений в обществе; определить установки респондентов по отношению к представителям других национальностей; выявить их отношение к трудовым мигрантам; определить, в чем они видят причины межэтнической напряженности; определить уровень толерантности и ксенофобии в молодежном сознании, а также отношение к применению насилия для защиты национальных интересов.

Конечная цель проведенного исследования состояла в том, чтобы способствовать укреплению позитивного этнического самосознания, гармонизации межэтнических отношений, свести к минимуму условия для появления этнополитического экстремизма.

Для сбора первичной информации были использованы следующие методы исследования: выборочный анкетный опрос; индивидуальное интервью для определения основных позиций респондента, его мотивов и отношения к изучаемой проблеме.

Объектом исследования были студенты всех факультетов АЧИИ. Выборочная совокупность включала 485 человек, что составило 41,6% студентов очного обучения АЧИИ.

В выборку попали представители 19 национальностей, однако подавляющее большинство из них (92,8%) идентифицировали себя как русские. Из 7,2% респондентов, указавших и иную национальность, были названы: армяне (10 чел.), чеченцы (4 чел.), турки (3 чел.), лакцы (2 чел.), евреи (2 чел.), таджики (2 чел.), а также татары, калмыки, белорусы, молдаване, мордвины, немцы, табасаранцы, лезгины, цыгане, греки (по 1 человеку). Ещё 2 человека назвали себя метисами, 1 респондент определил себя как славянина и 1 - как представителя русской цивилизации. Несколько человек затруднились с определением своей этнической идентичности. В интервью выяснилось, что это те, чьи родители имеют разную национальность.

Результаты исследования. Вуз всегда отличался многонациональным составом, что во многом обусловлено его местоположением на юге России, а также многонациональным составом населения Зерноградского района, Ростовской области, Краснодарского края, откуда поступают в АЧИИ большинство студентов.

Мнения респондентов по вопросу о том, существует ли в нашем регионе проблема межнациональных отношений, разделились почти поровну. 48,7% опрошенных считают, что эта проблема, безусловно, существует, а 49,5% этой проблемы не ощущают. 1,8% отмечают, что с этой проблемой сталкиваются крайне редко. Показательно, что признают

существование проблемы межнациональных отношений в регионе 49,6% русских и лишь 37,1% представителей других национальностей.

В целом по выборке 28,3% респондентов относятся к представителям других национальностей хорошо (22,3%) или очень хорошо (6%). Среди русских таких несколько меньше (21,1% и 4,4% соответственно). Среди представителей других национальностей таких существенно больше (51,4%).

Нейтрально относятся к людям другой национальности 60,4% респондентов, отмечая, что они учитывают, прежде всего, поведение человека.

Негативное отношение к представителям других национальностей высказали практически только русские респонденты. Если учесть, что среди русских их около 10%, то это не так уж мало. Есть основания полагать, что лишь незначительное меньшинство респондентов (менее 10%) характеризуется устойчивыми националистическими установками. Для абсолютного большинства характерна толерантность по отношению к иным этническим группам.

Подтверждением этому является тот факт, что у большинства респондентов (85,9%) круг общения включает представителей других национальностей. У 24,5% опрошенных их немало. Лишь 13,6% отметили, что в их кругу общения представителей других национальностей нет.

Однако на бытовом уровне негативные высказывания о представителях других национальностей звучат достаточно часто. Об этом говорят везде, считают 18,4% респондентов. Хотя бы иногда негативные высказывания в адрес других наций слышали 72% респондентов. Лишь 8,2% отметили, что никогда не слышали негативных отзывов о других нациях. Более половины респондентов (56,7%) сталкивались с негативным отношением к себе со стороны представителей других наций, причём 7% достаточно часто. Неприязнь к людям других национальностей в целом по выборке испытывали 66,4% респондентов, причём 5,4% испытывали её часто.

Причем в большей степени это характерно для русских (68,4%). Никогда не испытывали неприязни и раздражения к людям других национальностей 31,5% участников опроса. Среди русских таких 29,3%, среди представителей других национальностей 62,9%. Больше всего людей раздражает нарушение порядка, неуважения к принятым в данном обществе правилам.

Нельзя забывать, что межнациональные конфликты не появляются на ровном месте. Разжечь конфликт на межнациональной почве может, казалось бы, бытовой пустяк, например, провокационное поведение молодежи от ощущения безнаказанности или разница восприятия культурных ценностей. Когда человек оказывается в среде, где сдерживающий фактор национальных обычаев отсутствует, его поведение иногда становится асоциальным и непредсказуемым.

Показательными являются ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам испытывать стыд за представителей своей национальности?». Они так же косвенно отражают уровень националистических установок у участников опроса, так как свидетельствуют о степени критичности по отношению к своей нации, к действиям её представителей.

Так, 62,3% респондентов признались, что им приходилось испытывать стыд за людей своей национальности. Причём больше их среди русских. Некритичное отношение к представителям своей нации проявили 33,3% русских и 42,9% представителей других наций.

Готовность к взаимодействию и установлению тесных связей с другими нациями можно проследить по ответам на вопрос об отношении респондентов к межнациональным бракам. Позитивное отношение к таким бракам высказали более 60% респондентов. 45,4% участников опроса считают, что межнациональные браки способствуют сближению между народами и укрепляют дружбу. В то же время 36,1% опрошенных негативно оценивают межнациональные браки, полагая, что они ослабляют и разрушают нацию.

В целом можно отметить, что для большинства участников опроса характерно признание существования проблем в межнациональных отношениях и, в то же время,

сравнительно низкий уровень националистических установок. Вместе с тем результаты проведенного исследования свидетельствуют о противоречивости этнического самосознания студентов. И в этой ситуации особую опасность представляют действия, направленные на формирование исключительности своего этноса, ксенофобии, пропаганда шовинизма и расизма.

Отдельный блок вопросов был направлен на выявление отношения участников опроса к трудовой миграции. Для страны в целом и для нашего региона эта проблема сегодня чрезвычайно актуальна.

На вопрос «Как Вы относитесь к трудовым мигрантам?» наиболее популярным был ответ: «Отрицательно, они отнимают работу у коренных жителей»(44,5%). Положительно к трудовым мигрантам относятся 25,5% респондентов, считая, что мигранты приносят пользу экономике страны. 8,4% респондентов убеждены, что трудовая миграция в том виде, в каком она существует в нашей стране, способствует росту преступности. Противоречивую роль трудовой миграции отметили 4% респондентов.

На наш взгляд, в этих ответах проявились опасения респондентов в обострении конкуренции на рынке труда. Мигрантофобия, характерная сегодня для всех стран, не обошла стороной и нашу страну. Однако показательно, что при всех опасениях, связанных с трудовыми мигрантами, лишь 18,6% респондентов высказались за то, что нужно закрыть доступ в Россию для людей из других стран. Более 70% считают, что этого делать не нужно.

Контрольным вопросом, выявляющим уровень толерантности участников опроса по отношению к трудовым мигрантам, был следующий: «Должны ли представители коренного населения иметь преимущества перед представителями других национальностей, проживающих на этой территории?»

Меньшая часть (42,3%) респондентов считают, что такие преимущества быть должны. С ними не согласились 53,4% респондентов, к которым с некоторыми оговорками примкнули ещё 4,3%.

Следует признать, что межнациональные конфликты часто имеют экономическую подоплёку. Российский человек, находящийся в трудной жизненной ситуации, испытывает смешанные чувства, видя особняк недавно приехавшего мигранта.

Важным для нашего исследования был вопрос о том, как молодежь относится к применению насилия при решении проблем, возникающих в межнациональных отношениях. Оправдали бы применение насилия 39,6% опрошенных. Однозначно против применения насилия даже для защиты национальных интересов высказались 55,3%. Высказали сомнения по этому поводу 5,1% респондентов.

Однако ответы на вопрос о том, как бы Вы отнеслись к решению о выселении за пределы района представителей некоторых национальных групп, обнаружил противоречивость общественного сознания молодых. Считают возможным при определенных ситуациях выселение за пределы района некоторых национальных групп 44,3% респондентов. Против таких методов однозначно высказались 42,1%. Ещё 12,6% респондентов не имеют четкой позиции по этому вопросу.

Причем среди русских противников выселения существенно меньше (40,9%), а сторонников больше (46,4%). Это свидетельствует о том, что при определенных условиях возможно обострение межнациональных отношений и необходима целенаправленная деятельность, чтобы предотвратить проявления экстремизма в межэтнических отношениях. Об этом же свидетельствуют и данные, полученные в ходе индивидуальных интервью.

Очевидно, дело тут не в мигрантах, а в самом российском обществе, фрустрированном экономическим кризисом, отсутствием уверенности в завтрашнем дне и занятом поиском виноватых во всех действительных и воображаемых бедах последних десятилетий. Такой психологический фон придает в глазах некоторых россиян легитимность насилию, и другим нарушениям законов в отношении к иммигрантам, в которых нередко видят угрозу своему благополучию.

Вместе с тем, наиболее часто истинными причинами межнациональных конфликтов участники опроса считают культурные и религиозные различия (51,3%). Почти треть опрошенных видит причину межнациональных конфликтов в ущемлении прав отдельных наций (30,3%).

Экономические проблемы как основную причину межэтнических конфликтов отмечают 8,5% респондентов. 2,7% полагают, что к этим конфликтам приводит совокупность всех причин. На другие причины указали 7,2% респондентов. Среди других причин русские чаще называют некорректное поведение представителей других национальностей в бытовых ситуациях.

Неспособность адекватно реагировать на культурные различия как фактор межэтнической напряженности, источник ксенофобии выявляется в ходе многих социологических исследований. По данным социологов, 68 % опрошенных в 2011 году откровенно признались, что «испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей».[1,210-211]

Вместе с тем, тот факт, что почти треть респондентов видит причину межнациональных конфликтов в ущемлении прав отдельных наций, свидетельствует о недостаточной эффективности национальной политики как в стране в целом, так и в нашем регионе.

Выводы. Анализ ответов, полученных в ходе анкетирования и на основе индивидуального интервью, позволяет сделать ряд выводов.

Субъективное восприятие проблем в межнациональных отношениях в студенческой среде находится на тревожном уровне. Молодые люди достаточно часто сталкивались с неприязненными высказываниями о людях их национальности, с негативным отношением к себе по причине национальной принадлежности.

Вместе с тем, следует отметить наличие благоприятных предпосылок для снижения межэтнической напряженности и предотвращения межэтнических конфликтов. Эти предпосылки обусловлены достаточно активным общением студентов нашего вуза с представителями разных национальностей, их достаточно объективной оценкой поведения представителей своей национальности, в основном позитивным отношением к межнациональным бракам и рядом других факторов.

В процессе межличностного общения представителей различных культур происходит обогащение национального самосознания. Этническая толерантность личности обнаруживается и, в известном смысле, возникает в ситуациях взаимодействия с представителями других этнических групп.

Являясь значимым институтом социализации, ВУЗ призван не только формировать систему знаний и профессиональных навыков, но и оказывать непосредственное влияние на личность студентов, повышая уровень их социально-психологической компетентности и психологической культуры, поэтому развитие толерантности должно находиться здесь на одном из приоритетных мест.

Студенческий период – важнейший этап формирования этнического самосознания, следовательно, именно на данном этапе воздействие на этнические стереотипы и установки может оказаться наиболее эффективным. А оформившееся в студенческой среде негативное восприятие той или иной этнической группы или представление об исключительности своей национальной группы опасны вдвойне. Ведь носителем негативных установок в межэтническом взаимодействии может стать будущая интеллектуальная элита.

Проведенное социологическое исследование позволяет сформулировать некоторые рекомендации:

- необходимо проводить мониторинг состояния межэтнических отношений в студенческой среде;

- в ходе учебного процесса необходимо формировать у студентов набор общекультурных компетенций, способствующих улучшению условий межнационального взаимодействия. Среди таких компетенций, наиболее полно отражающими суть межнационального взаимодействия, выступают следующие компетенции: уважительное

отношение к историческому наследию и культурным традициям, готовность проявлять национальную, этническую, религиозную толерантность, способность и готовность осуществлять свою деятельность в различных сферах общественной жизни с учетом принятых в обществе моральных норм и ценностей;

- в процессе воспитательной работы вуза необходимо формировать адекватную реакцию студентов на культурные различия, противостоять проявлениям ксенофобии и национальной исключительности;

- следует обеспечить формирование правовой культуры студентов, основанной на знании основных принципов национальной политики в Российской Федерации и основных законодательных актов, регулирующих межнациональные отношения.

-важно сформировать у студентов понимание того, что проблема межнациональных отношений – это общественная, всеобщая, гражданская проблема, связанная с социальным благополучием всех граждан, проживающих в Российской Федерации.

Литература

Двадцать лет реформ глазами россиян [Текст]: аналитический доклад. – М.: Институт социологии РАН. – 2011.

References

Dvadcat' let reform glazami rossijan [Twenty years of reform through the eyes of Russians] // Analiticheskij doklad. M.: Institut sociologii RAN.- 2011.

Белоусова Вера Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры истории, философии и политологии Азово-Черноморский институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде.

УДК 32.019.5

СТЕРЕОТИПИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБРАЗА ВЛАСТИ

Зуева Т.М.

Специфика власти в современной России и отношение к ней населения, определяется огромным количеством факторов. В формировании образа власти участвует множество социально-государственных институций и структур, акторов и агентов, субъектов и персоналий. Вопрос взаимоотношения власти и народа всегда был актуальным. Рассматривается образ власти как феномен массового сознания, как повседневные представления людей.

Сюда включаются мнения и переживания, социальные чувства и ожидания, социальные надежды и социальное самочувствие, социальные представления и социальные восприятия.

Стереотипизация в повседневном дискурсе связана с понятием социального стереотипа. Социальный стереотип, как форма восприятия действительности, есть такое распространенное и клишированное представление о различных социальных событиях, объектах, свойствах и качествах, основывается на привычном, обыденном, повторяющемся, доступном пониманию в упрощенной форме. Стереотипы могут быть не только выражением схематизированного, а поэтому упрощенного социального познания. Это социальное познание обычно ограничено определенными правилами и рамками. Такими правилами и рамками могут быть определенные конфессиональные, этнические, демографические и профессиональные правила и рамки. Свои стереотипы, соответственно,

имеются у представителей указанных выше социальных групп и самих этих социальных групп как определенные формы социального сплочения и групповой идентификации.

Среди наиболее распространенных социальных стереотипов выделяют различные социальные стандарты, социальные установки, социальные шаблоны и ярлыки, образцы повседневной массовой культуры, устойчивые матрицы и схемы повседневной жизни, социальные эталоны и т.п. Распространенные образы власти, клишированные средствами массовой информации, политической пропагандой и агитацией, политическими технологиями и политическими манипуляциями, тоже необходимо относить к устойчивым социальным стереотипам.

Среди установок повседневного мышления выделим установки на патернализм, авторитарный синдром, «великодержавный синдром», националистический дискурс.

Ключевые слова: образ власти, патернализм, социальные стереотипы, повседневный дискурс.

THE STEREOTYPIC FORMING OF THE EVERYDAY IMAGE OF THE STATE POWER

Zueva T.M.

Specificity of power in modern Russia and the attitude of the population to it are determined by a large number of factors. In the formation of the image of the authorities many social institutions and government structures, actors and agents, persons and personalities are involved. The question of relations between the authorities and the people were always topical. We consider the image of the government as a phenomenon of mass consciousness, like everyday people's ideas.

This includes the views and experiences, social feelings and expectations, social hopes and social well-being, social representations and social perception.

Stereotyping in everyday discourse is linked with the concept of social stereotype. Social stereotypes as a form of reality perception is a widespread and stereotyped representation of various social events, objects, properties, and qualities, based on the familiar, everyday, repetitive, comprehensible in a simplified form. Stereotypes are not only an expression of a schematized and therefore simplified social cognition. This social knowledge is usually limited by certain rules and limits. These rules and the scope can be certain confessional, ethnic, demographic and professional rules and frameworks. Respectively the representatives of the above-mentioned social groups and within these social groups have their stereotypes as a certain form of social cohesion and group identification.

Among the most common social stereotypes different social standards, social attitudes, social patterns and shortcuts, daily samples of mass culture, stable and matrix and schemes of everyday life, social standards, etc. are distinguished. Common images of power, clichéd by mass media, political propaganda and agitation, political technologies and political manipulation, must also be attributed to the sustained social stereotypes.

Among everyday thinking settings we select installation on paternalism, authoritarian syndrome, "great-power syndrome", nationalist discourse.

Keywords: image of authority, paternalism, social stereotypes, everyday discourse.

Специфика власти в современной России и отношение к ней населения, то, что может быть условно названо термином «образ власти», определяется огромным количеством факторов. В формировании образа власти участвует множество социально-государственных институций и структур, акторов и агентов, субъектов и персоналий. Вопрос взаимоотношения власти и народа всегда был актуальным. Мы рассматриваем образ власти как феномен массового сознания, как повседневные представления людей.

Сюда включаются мнения и переживания, социальные чувства и ожидания, социальные надежды и социальное самочувствие, социальные представления и социальные восприятия. Любое общество, вне зависимости от уровня цивилизованности, во все времена стремилось

упорядочить стихию внутреннего мира человека, сузить его до приемлемой обществом нормы, короче говоря, упростить человека, чтобы им было легче управлять.

Мышление и поведение упрощенного человека стереотинизировано и ритуализировано. Стереотипизация в повседневном дискурсе связана с понятием социального стереотипа. Социальный стереотип, как форма восприятия действительности, есть такое распространенное и клишированное представление о различных социальных событиях, объектах, свойствах и качествах, основывается на привычном, обыденном, повторяющемся, доступном пониманию в упрощенной форме.

Кем бы ни был агент упрощенного отражения социальной реальности, он обычно действует в привычных ему заданных традицией, общественными привычками и повседневными устоями рамках и не выходит за их пределы. Стереотипное суждение о социальной реальности есть также форма социального познания, но это такой вид социального познания, который строится на готовых шаблонах и схемах, и останавливается на уровне явлений и никогда не восходит к пониманию сущности социальных процессов. Стереотипы могут быть не только выражением схематизированного, а поэтому упрощенного социального познания. Это социальное познание обычно ограничено определенными правилами и рамками. Такими правилами и рамками могут быть определенные конфессиональные, этнические, демографические и профессиональные правила и рамки. Свои стереотипы, соответственно, имеются у представителей указанных выше социальных групп и самих этих социальных групп как определенные формы социального сплочения и групповой идентификации.

Социальные стереотипы достаточно широко распространены, и это имеет свое объяснение. К числу причин широкого распространения социальных стереотипов следует отнести следующие:

- социальные стереотипы – это упрощенные, а поэтому максимально доступные формы регуляции социального поведения;

- социальные стереотипы – это массовидное явление, характерное для массового повседневного бытия;

- социальные стереотипы наполнены смыслами традиций, устоев и социальных привычек, поэтому поддерживаются обществом в форме трансляции опыта, привычек и традиций;

- социальные стереотипы закрепляются в индивидуальном и массовом социальном опыте и существуют как безусловные формы социальной адаптации;

- социальные стереотипы как формы социальной регуляции в обществе с высокой степенью социального риска минимизируют те или иные риски и способствуют уменьшению различных потерь;

- следование социальным стереотипам способствует избеганию ситуаций выбора и ответственности за принятые решения. Среди наиболее распространенных социальных стереотипов выделяют различные социальные стандарты, социальные установки, социальные шаблоны и ярлыки, образцы повседневной массовой культуры, устойчивые матрицы и схемы повседневной жизни, социальные эталоны и т.п. Распространенные образы власти, клишированные средствами массовой информации, политической пропагандой и агитацией, политическими технологиями и политическими манипуляциями, тоже необходимо относить к устойчивым социальным стереотипам. [1]

Среди установок повседневного мышления выделим установки на патернализм. Термин «патернализм» происходит от латинского слова *paternus* - «отеческий». Этот термин есть некий маркер, характеризующий тип общественных отношений, основанных на устойчивой трансляции традиций в обществе. В широком смысле, патерналистское общество – это общество, основанное на традициях. [2]

Социальные акторы, строящие свои отношения с другими людьми и с властью, основывающие свои ценностные взгляды на патерналистских ценностях, как правило, характеризуются отторжением нового, негативными реакциями к социальным инновациям, к

социальной реконструкции и модернизации. В социальном отношении они ориентированы на коллективизм как некую общность, в соответствии с этим, коллективистские нормы доминируют, согласно чему угнетенными являются все формы индивидуально-личностного проявления.

В психологическом плане сторонники патернализма часто проявляют нетерпимость к инакомыслию, они не толерантны. Подобные характеристики патерналистских установок весьма характерны для российской действительности и во многом определяют характер формирования образа власти. В таких трактовках власть имеет сакральный и безусловный характер и находится вне критики и осуждения.

Выявленные выше параметры дают представление о системообразующих признаках повседневного дискурса (участники, цель, способы общения, установки, стереотипы, базовые ценности, реализуемые функции, дискурсивные формулы). Отметим, что спецификой повседневного дискурса является его лаконичность, сжатость, в нем максимально сжата передаваемая и получаемая информация. Причиной этого, на наш взгляд, является повторяемость и массовидность повседневных коммуникативных контактов, но не это главное в том, что информация, передаваемая в виде высказывания в повседневном дискурсе, максимально схематизирована, типизирована и стереотипизирована. Что должен выявить дискурс-анализ повседневного образа власти? Это, прежде всего, отношение к власти в формате основных кластеров отношения: недоверие, интерес, подозрение, уважение, неприязнь, благодарность, надежда, ощущение особенности и значительности, несвобода, сочувствие, доверие, страх, восхищение, зависть, нейтральное чувство.

Указанные кластеры находят свое выражение в специфических лексических единицах, описательных конструкциях, оценках, паттернах, синдромах, антитюдах. Это так называемый первый блок дискурс-анализа, блок отношений. [3]

Следующий блок – характеристика степени устойчивости этого отношения, к примеру, устойчивость символов, лидеров, положений программ.

Третий блок – разграничение категорий «власть» и «оппозиция» в представлении граждан. Обычно эти категории являются достаточно нечеткими, во многом это связано с неясностью для граждан того, кто входит в состав власти (кроме ключевых субъектов высшей федеральной власти, представленных четко).

Четвертый блок – блок представлений о власти, суждений о том, какой должна быть власть. Это теснее всего связано с установками повседневных представлений и ментальностью. Здесь дискурсивными маркерами являются характеристики типа власть ответственная, надежная, предсказуемая (в позитивном формате) и, соответственно, безответственная, ненадежная, непредсказуемая, конъюнктурная, преступная, коррумпированная (в негативном формате).

Предыдущий блок связан с характеристиками того, что те или иные группы ждут от власти. Это выводит нас на пятый блок – блок модальности повседневного политического дискурса. Модальность – это степень долженствования. Соответственно, дискурсивными маркерами здесь является противоречия между «должным» и «сущим», «возможным» и «необходимым», «желательным» и «реализуемым».

Данные параметры дискурс-анализа повседневных представлений о власти характеризуют его смыслообразующие принципы.

Особую роль в стереотипическом формировании повседневного образа власти играют коммуникативные отношения, важной стороной которых, как подчеркивает О.Е. Хухлаев, является область повседневного восприятия (восприятия социальных объектов в повседневной коммуникативной практике), обусловленное существующими установками и стереотипами (коллективной биографией социального опыта). Восприятие социальных объектов через призму установок и стереотипов формирует паттерны повседневного дискурса.[4]

Анализ показывает, что дискурс современных СМИ в Интернет-опросов иллюстрирует, что в массовой общественной психологии современных россиян

наличествуют настроения, оценки, ценности и установки, похожие на те, которые были в Германии после окончания Первой мировой войны. Они пронизаны ностальгическими воспоминаниями о былой мощи, мировой роли и порядках разрушенной империи.

Применительно к современной России – это тоска по Советскому Союзу, ностальгия «по былой мощи». Среди базовых установок современных россиян нужно выделить авторитарный синдром. Суть его заключается в массовом убеждении в необходимости «твердой руки», сильной власти, в сильном, харизматическом лидере, который «наведет в стране порядок». Эти ценности современных россиян показывают многочисленные социологические и политологические опросы.

Они показывают, что большая часть современных россиян связывает свои представления об укреплении порядка и законности с рекомендацией Правительству Российской Федерации твердо и предельно жестко наводить порядок и контролировать экономическую и политическую жизнь в стране.

Жесткий курс и жесткий контроль – это и есть выражение авторитарного синдрома. И нужно отметить, что это одна из ведущих тенденций современного образа власти.

Сопутствующим авторитарному синдрому фактором, формирующим современный образ власти у россиян, является так называемый «великодержавный синдром». Указанный «великодержавный синдром» выражается в следующих лексических кластерах повседневного массового дискурса:

- современная Россия – ведущая мировая держава, играющая значительную роль в мировой политике;

- современная Россия – огромная, бескрайняя страна с неисчислимыми природными ресурсами;

- современная Россия – страна, которой нет и не было равных как в мировой истории, так и в современном мире;

- современная Россия должна заставить весь мир считаться с собой.

Эти лексические кластеры трансформируются сначала в общепринятые штампы, а затем становятся общественными стереотипами. Это порождает новые паттерны типа «враги России», «друзья России», что порождает паттерн ксенофобии.

В формировании образа современной власти необходимо выделять и националистический дискурс. Повседневный дискурс национализма содержит в себе синдром ксенофобии, синдром врага, комплекс ненависти. При этом происходит разделение людей на «своих» и «чужих», противопоставление позиций типа «мы – они», «друзья – враги».

Следует отметить, что такая поляризация отношений в дискурсе о политической власти основывается на экстремистских суждениях, разделяющих людей по национальности (русские – нерусские), месту проживания (столица – периферия), вероисповеданию (православные – неправославные), идеологии (приверженцы ценностей русского патриотизма, патернализма и прочих либералов и демократов). В последнее время в указанные дихотомии оценок вошли полярные суждения о российском народе и «лицах кавказской национальности», о россиянах и представителях западного мира, о людях, исповедующих традиционные патриотические ценности, и так называемых «общечеловеках» с соответствующими негативными коннотациями.

В чем единодушны современные россияне, так это в отношении к коррупции и к чиновникам. Здесь в повседневном дискурсе доминируют негативные оценки и лексические единицы строгости и даже показательной жесткости наказания, вплоть до смертной казни.

Осмысление параметров повседневного политического дискурса дает понимание единого повседневного коммуникационного поля, которое создает условия для повседневной коммуникации, основывающееся на постулатах повседневного дискурса: постулате взаимозаменяемости точек зрения акторов повседневной коммуникации, постулате релевантности, постулатах стереотипизации и идеологизации и целым рядом императивов. В их числе следует выделить следующие социальные императивы:

- социальный императив включения в некоторую социальную, религиозную, этническую, идеологическую или профессиональную группу;
- императив идентичности в указанной группе;
- императив групповой сплоченности и разобщенности;
- императив групповой иерархии;
- императивы позитивного и негативного;
- императивы предпочтительного и избегаемого;
- императивы социальных ролей и статусов;
- императивы властных отношений.

Регулирующие повседневной дискурс императивы дополняются процедурами повседневной рационализации. К ним следует отнести следующие повседневные дискурсы:

- дискурс рутинизации – массовые схемы упрощения социальных ситуаций и сведение их описания, объяснения и понимания к простым и непротиворечивым формам объяснения, к стереотипам и схемам, упрощенным клише и шаблонам;
- дискурс ритуализации (редукция социального порядка к простым правилам), силеволизация, типологизация.

Именно указанные мифологемы, постулаты, императивы, методы повседневной рационализации, как показал проведенный анализ, характеризуют повседневный дискурс как повседневное познание, дающее неявное знание в конструировании повседневного социального мира.

Выявление общих черт системообразующих принципов повседневного дискурса дает возможность рассмотрения практического воплощения повседневного дискурса в виде российского повседневного дискурса. Это возможно на основе анализа материалов СМИ и Интернет-материалов, в которых представлен современный российский дискурс.

Специфика современного российского дискурса, как показал проведенный анализ, характеризует то, что она очень мозаична, пестра, представляет собой сложное сплетение исторических, идеологических, архетипических, психологических, лексических, разговорных, бытовых, ситуативных и прочих составляющих. В ней имеет место коллективистские установки, паттерны индивидуализма, психологического интровертизма, большой спектр паттернов патриотизма и ксенофобии, оценочных суждений по отношению к коррупции и чиновничеству.

Литература

1. Lippman W. Public / W. Lippman – New-York, 1992. – 436p.
2. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 403 с.
3. Хухлаев, О.Е. Ответы практической этнопсихологии на актуальные социальные вызовы [Текст] / О.Е. Хухлаев // Социальная психология и общество. – 2011. – №2. – С.130-133.
4. Политико-психологические проблемы исследования массового сознания [Текст] / Р.В. Базиков, В.С. Карпова, С.В. Нестерова и др. ; под ред. Е.Б. Шестопаля. – М., 2002. – 236 с.

References

1. Lippman W. Public / W. Lippman – New-York, 1992. – 436p.
2. Makarov, M.L. Osnovyteoriiidiskursa. - [Fundamentals of theory of discourse] Moskva: ITDGGK «Gnozis», 2003.-403 s.
3. Huhlaev, O.E. Otvetyprakticheskoijetnopsihologiinaaktual'nyesoci-al'nyevyzovy [Answers practical ethnopsychology on current social challenges] // Social'najapsihologijaiobshhestvo. – 2011.-№2.- S.130-133.

4. Politiko-psihologicheskieproblemyissledovanijamassovogosoznanija [Political and psychological problems of the study of the mass consciousness]/ R.V. Bazikov, V.S. Karpova, S.V. Nesterovai dr.; pod. Red. E.B. Shestopal.- Moskva, 2002/ – 236 s.

Зуева Татьяна Михайловна - доктор философских наук, профессор истории, философии и политологии Азово-Черноморский институт – филиал ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде.

УДК 82-053.2(075)

ОБРАЗ СССР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ОРУЭЛЛА

Курилкин О.А.

В статье рассматривается репрезентация Дж. Оруэллом образа СССР в его антиутопиях. Автор приходит к выводу о том, что, пытаясь в сатирической манере показать, что же творится в СССР и разоблачить советские мифы, Дж. Оруэлл сам породил множество мифов об СССР.

Ключевые слова: СССР, антиутопия, советские мифы, коммунистическое общество.

THE IMAGE OF THE USSR IN THE WORKS OF J. ORWELL

Kurilkin O.A.

The article deals with the representation of George Orwell's image of the USSR in his dystopias. The author concludes that, in a satirical manner trying to show what is going on in the Soviet Union and expose the Soviet myths George Orwell himself has created many myths about the Soviet Union.

Keywords: USSR, dystopia, Soviet myths, communist society.

Образ СССР фигурирует во множестве утопий и антиутопий XX века. Хотя сама идея коммунистического общества уходит корнями в социальные утопии (Сен-Симон, Тома Мор и т.д.), но все же СССР, как самый масштабный проект человечества породил плодотворную почву для утопических и антиутопических идей.

Антиутопия - жанр в художественной литературе, описывающий государство, в котором возобладали негативные тенденции развития. Антиутопия является полной противоположностью утопии. В антиутопиях способом правления всегда выступает деспотизм – власть одного. Образ главы государства в основном один и тот же – вождь. Олицетворяющий своей личностью абсолютную власть (иногда абсолютную власть партии). Интересно то, что таковым, практически никогда не выступает церковная фигура. Дж. Оруэлл, в своем эссе «Литература и тоталитаризм» проводит различие между тоталитарными системами и церковными. Ортодоксальные системы не менялись, ну или менялись, но медленно. Церковь и тоталитаризм контролируют мысли людей. Но церковь дает возможность держаться одних и тех же идей до конца жизни, а тоталитаризм выдвигает догмы и меняет их со дня на день. Получается, что там, где главенствует церковь, тоталитаризма быть не может. Здесь с взглядами Оруэлла можно не согласиться. Власть церкви может быть очень тоталитарной и, в общем, всякая теократия тоталитарна, так сказать, по определению. Потому что религия, как правило, выступает с претензией на абсолютную истинность и отменяет любые иные взгляды как заблуждение, ересь. И в истории мы видим, каковы были теократические государства. Что, например устроил тот же Ж. Кальвин в Женеве в 16-м веке. В общем, как только церковь забирает светскую власть, государство приобретает именно тоталитарный характер, где буквально все проявления жизни людей становятся под жесткий контроль. Ведь это для светской власти характер некоторых проявлений жизни людей может не иметь значения, а для церкви все имеет значение.

Дж. Оруэлл написал две антиутопии, которые стали классическими произведениями этого жанра – «1984» и «Скотный двор». Написанные в сороковые годы прошлого века, они

имеют своим прототипом СССР. Вобрав в себя все страхи и предрассудки, породившие впоследствии множество мифов о нем.

В «1984» как и «Скотный двор», образ вождей имеет прототипами советских вождей, а не являются собирательными персонажами. В «1984» Оруэлл описывает вождя «Большого брата», который внешне похож на Сталина «На Плакате было изображено громадное, больше метра в ширину лицо – лицо человека лет сорока пяти, с густыми черными усами, грубое, по-мужски привлекательное».[1] А подпись под портретом - « Старший брат смотрит на тебя», намекает на тотальную слежку в эпоху сталинизма. Так же в произведении есть такой персонаж как Голдстейн. Его прототипом выступил Лев Троцкий. Его идеи являются противоположными идеям партии и старшего брата. Голдстейна используют как козла отпущения. «Голдстейн и его ереси будут жить вечно. Каждый день, каждую минуту их будут громить, позорить, высмеивать, оплевывать - а они сохраняться. А сохранит их сама партия, для того, что бы ловить инакомыслящих».[1] Старший брат несправедливо обвиняет Голдстейна - Троцкого, некоего рыцаря свободы и обрушивает на него свою репрессивную машину.

Но если в «1984» Оруэлл только намекает на реальность исторических личностей, указывая при этом, что повествование ведется уже после распада СССР. «Мы знаем, что мы делаем, и в этом наше отличие от всех олигархий прошлого. Все остальные, даже те, кто напоминает нас, были трусы и лицемеры. Германские нацисты и Русские коммунисты были уже очень близки нам по методам, но у них не хватало мужества разобраться в собственных мотивах».[1] Автор не просто ставит знак равенства между фашистами и коммунистами, он ставит знак тождества между СССР и описываемым им миром! Равнозначность в методах, в тех жестокостях, которые были описаны в конце романа. Но если здесь автор только намекает на связь своего мира с СССР, то в своей сатирической сказке «Скотный двор» Оруэлл пошел еще дальше. Он рассказывает историю СССР, начиная с революции. Только переносит действие на английскую ферму. А основными персонажами выступают животные.

Действие повествования происходит на ферме мистера Джонса «Усадьба». Старый боров Майер(в некоторых источниках Майор) собрал всех животных фермы в амбаре, где и произнес свою речь. Он говорит о тяжелой судьбе животных, что их жизнь проходит в унижении и непосильном труде. Что ни одно животное не знает что такое отдых и счастье. «Жизнь наша – нищета и рабство». [2, С.6-7]

Человек в этой истории выступает как капиталист, угнетающий животных. «Человек, единственное существо, которое потребляет ничего не производя», «Он гонит их на работу, он отсыпает им на прокорм ровно столько, что бы они не мучились от голода- все же остальное остается в его владениях». [2, С.8] А Майер, это Ленин, поднимающий народ на восстание. На то, что Майер это Ленин, указывает еще одно обстоятельство. Его череп воздвигли на возвышение, и отдавали ему честь каждое утро. Это действие пародирует ситуацию, с помещением тела Ленина в мавзолей. Другие лидеры восстания, кабаны Наполеон и Снежок так же являются пародией на Сталина и Троцкого. Наполеон, получив власть, изгоняет с фермы Снежка. Обвиняя его во всех бедах своего правления. Наполеон не терпит инакомыслия и пререканий, он агрессивен и деспотичен. Для укрепления своей власти, использует обученных собак. Снежок напротив, пользуется доверием и уважением окружающих, он добр и умен.

Эти, и еще множество моментов показывают, что прообразом описываемых событий у автора выступает действительно СССР. В антиутопии, как жанре художественной литературы, описывается государство, в котором возобладали негативные тенденции развития. Это своего рода свободный жанр. Автор размышляет о том, куда может завести людей жажда утопических идей. Замятин написал свое «Мы» в 1920 году. Он просто фантазировал, куда может привести революция. Хотя стоит отметить, что роман «Мы» сильно повлиял на Дж. Оруэлла, который позаимствовал от туда несколько важных элементов. Рэй Брэдбери, в своем научно-фантастическом романе антиутопии «451 градус по Фаренгейту», которая была написана в 1953 году, так же описывает некоторые элементы

тоталитарного общества. Но конкретного прообраза у него не было. Только некоторые моменты. Точнее сама идея о сожжении книг. Литература находится под запретом, владельцы книг подлежат аресту. Этот элемент сюжета можно соотнести с СССР только в одном. В СССР действительно была цензура, и некоторые книги запрещались. Но массового сожжения литературы не было. Хотя такая практика имела в Фашистской Германии.

Антиутопий написано множество, но Оруэлл целенаправленно описывал СССР. Перемешивая правду с вымыслом, его произведения породили множество мифов. Сам Оруэлл искренне хотел показать действительную жизнь в СССР. «Но с другой стороны, для меня было крайне важно, чтобы люди в Западной Европе увидели советский режим таким, каков он есть». [3,С.7] том же предисловии Оруэлл признается, что он никогда не был в России, и его знания ограничиваются только книгами и газетами. (Предисловие к украинскому изданию «Скотного двора» было написано для издания, которое распространялось украинской организацией перемещенных лиц в Мюнхене).

Несколько важных элементов, которым Оруэлл уделяет особое внимание, и которые прослеживаются во многих произведениях этого жанра – диссиденты. Оруэлл, в своих произведениях исходит из определенного события. События, которое произошло в период репрессий – суд над троцкистами. Этот исторический момент является показателем репрессивных методов в обоих произведениях. Персонажи, для которых троцкисты послужили прообразом, выступают в свете «хороших парней». Которые своими идеями противостоят тоталитарной машине, и которые по несправедливости были изгнаны или уничтожены. Такое отношение к троцкистам Оруэлл показывает не только в своих художественных произведениях, но и в своих эссе, а так же в предисловии к «Скотному двору». В 1937 году, когда в Испании началась охота на троцкистов, Оруэлл со своей женой оказались в числе ее «жертв». Хотя ни разу не были арестованы. [3,С.5-6]

Свое отношение к троцкистам Оруэлл изображает в своей излюбленной манере, с помощью эвфемизма. В своей рецензии на книгу «Командировка в утопию», Оруэлл, что бы показать, насколько несправедливо и ложно обвинение коммунистов, приводит пример на Английском правительстве. А точнее, как бы выглядело такое обвинение, если бы его предъявили Черчиллю. Ставя Черчилля на место Троцкого, и показывая, как было бы глупо обвинять Черчилля-Троцкого в предательстве. [4,С.234-239] Безусловно, такое сравнение нельзя назвать объективным. Хотя можно сделать предположение, что в последующем, его отношение к троцкистам немного поменялось. Оруэлл приводит ряд «заведомо истинных фактов, которые могут стать неприемлемыми». Один из них о том, что троцкист никогда не сможет признать, что сталинский режим устаревает русских. [5,С.229-230]

Важной проблемой, которой Оруэлл также уделил много внимания, это то, к чему привела попытка построить социалистическое общество. А точнее, была ли эта попытка вообще? К чему действительно стремились вожди революции? «По моему мнению, ничто так не исказило первоначальную идею социализма, как вера в то, что Россия – социалистическая страна и всем действиям ее властей надо если не подражать, то находить оправдание». [3С.8] ¹ Оруэлл считал, что вся информация, которая касается того, что Россия стремится к светлому будущему, что большевики хотят возродить страну, это выдумки тоталитарной пропаганды. И чтобы, снова возродить социалистические движения, нужно разрушить советский миф. Эта точка зрения об истинных целях партии хорошо им была показана в его произведении «1984». «Партия стремится к власти исключительно ради нее самой. «Нас не занимает чужое благо, нас занимает только власть». [1] А добиваться этого партия будет исключительно террором. И чем могущественнее будет партия, тем она будет нетерпимее, чем слабее сопротивление, тем суровее деспотизм. В интерпретации Оруэлла, тоталитарная власть выступает просто садистом, которая уже даже не скрывает своих целей.

Дж. Оруэлл. Предисловие к украинскому изданию «скотного Двора». //Дж. Оруэлл. Скотный двор. Эссе. М. АСТ 2014 г. Стр. 8

Оба произведения Оруэлла просто пестрят изобилием событий. Он много внимания уделял языку, как способу изменения и порабощения сознания. Рассматривает множество методов подавления личности. Говорить о его произведениях можно бесконечно долго. Пытаясь показать, что же творится в СССР, и разоблачить советские мифы, он попытался сделать это в сатирической манере. Но попытка эта обернулась тем, что он сам породил множество мифов.

Литература

1. Оруэлл, Дж. «1984» / [Электронный ресурс] / Дж. Оруэлл. – Режим доступа: RoyalLib.ru
2. Оруэлл, Дж. Скотный двор [Текст] / Дж. Оруэлл. – М. : АСТ, 2014.
3. Оруэлл, Дж. Предисловие к украинскому изданию «Скотного Двора» [Текст] / Дж. Оруэлл // Скотный двор. Эссе. – М. : АСТ, 2014.
4. Оруэлл, Дж. Рецензия на книгу Юджина Лайонса «Командировка в утопию» [Текст] / Дж. Оруэлл // Скотный двор. Эссе. – М. : АСТ, 2014.
5. Оруэлл, Дж. Заметки о национализме [Текст] / Дж. Оруэлл // Скотный двор. Эссе. – М. : АСТ, 2014.

References

1. Dzh. Orujell. 1984 // jelektronnaja biblioteka RoyalLib.ru
2. Dzh. Orujell. Skotnyj dvor. [Barnyard]- M. AST, 2014.
3. Dzh. Orujell. Predislovie k ukrainskomu izdaniju «Skotnogo Dvora» [Preface to the Ukrainian edition " Barnyard "]/Dzh. Orujell. Skotnyj dvor. Jesse. - M. AST, 2014.
4. Dzh. Orujell. Recenzija na knigu Judzhina Lajonsa «Komandirovka v utopiju». [Book Review Eugene Lyons «Trip to utopia».]//Dzh. Orujell. Skotnyj dvor. Jesse. - M. AST, 2014.
5. Dzh. Orujell. Zametki o nacionalizme [Notes on Nationalism] //Dzh. Orujell. Skotnyj dvor. Jesse. - M. AST, 2014.

Курилкин О.А. – сотрудник Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

УДК 378.172

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУЧЕБНОГО СПОРТИВНО-ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ДОНСКОМ ГАУ

Габибов А.Б., Пономарева Е.В., Семенченко В.В.,
Муратова Ю.Ю., Луценко Е.Ю.

Студенческий спорт имеет важное значение, как для физического и нравственного развития личности, так и для решения очень значимых социальных задач в обществе. Преодоление негативных последствий перестроечных лет во многом предполагает укрепление традиций студенческого спорта, активизацию государственной поддержки, нормативно-правовое, организационное, финансово-экономическое, материально-техническое и информационное направления его возрождения. Студенческий спорт призван гармонизировать воспитание будущих специалистов. Сейчас как-то позабылась идея формирования всесторонне и гармонически развитой личности, а ее место заняла идея развития всех потенциальных возможностей индивида. Однако всесторонне – умственно, нравственно и физически развитый человек – остается востребованным для успешного функционирования и прогресса социума.

В нашей работе мы ориентировались на разработку системы организации учебного процесса по курсу «Физическое воспитание» для студентов, обучающихся в Дон ГАУ, с использованием методов анализа литературных источников, опросов и анкетирования. В результате были определены экспериментальные группы, проведено психодиагностическое исследование по изучаемой проблеме, проанализированы результаты и их интерпретация.

Ключевые слова: физическая культура, учебный процесс, тренировка, самоконтроль, здоровый образ жизни.

ORGANIZATION OF EXTRA-CURRICULAR PHYSICAL EDUCATION STUDENTS IN DON STATE AGRARIAN UNIVERSITY

Habibov B. A., Ponomareva E. V., Semenchenko V. V.,
Muratova, Y.Y., Lutsenko E.Y.

University sport is important for physical and moral development, and for solving important social problems in society. Overcoming the negative consequences of "perestroika" years largely involves strengthening the tradition of student dispute - that, governmental support, legal, organizational, financial - economic, material-technical and information areas for its revival. University sport seeks to harmonize the education of future professionals. Now somehow forgotten the idea of formation of comprehensively and harmoniously developed personality, and its place was taken by the idea of developing all the potential of the individual. However, comprehensively mental, moral and physical development of people demands for the successful functioning and progress of society.

In our work we focused on the development of a system of organization of educational process on "Physical education" for students enrolled in don state agrarian university, using the methods of literature analysis, surveys and questionnaires. As a result were identified in the experimental group, conducted psychodiagnostic research on the problem under study, analysed the results and their interpretation.

Key words: physical culture, educational process, training, self-control, a healthy lifestyle.

Стремление разработать эффективную систему физического воспитания студентов должно в максимальной степени учитывать особенности конкретной выборки студентов. К этим особенностям относятся: уровень «физкультурной» образованности студентов, характер предшествующей двигательной активности, степень декларируемой и реальной включенности в занятия двигательной активностью, характер и степень ожиданий от занятий физическим воспитанием и т.д. Индивидуализация занятий по физическому воспитанию возможна только при учете социально-психологических факторов, а не только результатов оценки состояния здоровья и физической подготовленности студентов [1,3,5,9,12].

Вопрос физического воспитания рассматривался многими специалистами. Однако проблему повышения эффективности физического воспитания студентов в настоящее время нельзя считать достаточно решенной. В последние годы чётко просматривается тенденция к стремлению студентов реализовать свои потребности в сфере физического воспитания на занятиях в группах по видам спорта или двигательной активности по выбору самих студентов. Определение того или иного вида спорта, которое сознательно осуществляет студент, является началом осмысленного выбора форм двигательной активности, удовлетворяющих индивидуальным физическим и психологическим потребностям [2,7,11].

Развитие студенческого спорта на сегодняшний день является значимой составляющей как для формирования резерва спорта высших достижений, так и для продвижения спортивной культуры ценностей здорового образа жизни в молодежной среде. В настоящее время студенческий спорт является для многих стран основной национальной политикой в области спорта. Особенно ярко это демонстрируется в период подготовки и проведения крупнейших международных соревнований (Олимпийские игры, Всемирные универсиады), которые позиционируются страной организатором как общенациональные государственные проекты с целью укрепления международного авторитета стран, развития социально-экономической инфраструктуры [4,6,8,10,11].

Цель работы – разработка системы организации учебного процесса по курсу «Физическое воспитание» для студентов, обучающихся в высших учебных заведениях. В исследовании использовались методы анализа литературных источников, опросы и анкетирование.

Объектом наших исследований стал процесс формирования форм и методов физического образования в студенческой среде.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: – определение экспериментальных студенческих групп; – проведение психодиагностического исследования по изучаемой проблеме; – анализ результатов и их интерпретация. Методы исследования: анкетирование, беседа, социологический опрос, изучение статистических данных в студенческих группах.

С целью оптимизации учебного процесса по физическому воспитанию для студентов основного отделения целесообразно сформированы учебные циклы, объединяющие несколько видов спорта или двигательной активности. При этом следует учитывать популярность вида спорта среди студентов, определяемую путем их анкетного опроса, возможности и состояние спортивных сооружений, которыми располагает высшее учебное заведение, а также наличие специалистов по видам спорта в преподавательском составе кафедры физического воспитания.

Зачисление в группы проводится по результатам медицинского осмотра и на основании результатов контрольных нормативов по избранному виду спорта. Несомненным преимуществом организации физического воспитания является наличие групп физического воспитания по плаванию. Далеко не каждый ВУЗ имеет в своём распоряжении бассейн, а арендовать бассейн для организации занятий по плаванию для студентов в условиях финансового кризиса достаточно сложно. Такая форма организации учебного процесса по физическому воспитанию требует изменения организации структуры кафедры и комплектации штата преподавателей кафедры специалистами по видам спорта в

соответствии с целями и задачами, которые приходится решать при такой схеме организации занятий по физическому воспитанию.

Непосредственно учебный процесс построен по следующему принципу: на вводном занятии необходимо ознакомить студентов с историей развития физической культуры и спорта в Дон ГАУ, системой организации физического воспитания в университете, акцентируя внимание студентов на правах и обязанностях студентов на занятиях по физическому воспитанию. Это вызвано низким уровнем «физкультурной образованности» студентов, приобретённой ими до поступления в ВУЗ и в средних учебных заведениях.

Целесообразным является также проведение анкетирования студентов с указанием того вида спорта или двигательной активности, которые предпочтительно выберет студент при распределении на занятия, построенные по секционной форме работы.

Первые 6-7 недель для студентов 1-х курсов необходимо использовать в учебном процессе по физическому воспитанию занятия по лёгкой атлетике и общей физической подготовке, во время которых следует организовать проведение первичного тестирования студентов для определения степени развития основных физических качеств: силы, быстроты, ловкости. Студенты старших курсов распределяются в группы физического воспитания по видам спорта (двигательной активности) в начале учебного года. В начале каждого учебного семестра студент, выполняющий учебный план по физическому воспитанию, имеет право перевестись в группу по другому виду спорта.

Существуют определённые сложности в проведении учебных занятий, связанные с тем, что студенты 1-х курсов приступают к занятиям в спортивно ориентированных группах физического воспитания в конце второго месяца занятий и, зачастую, имеют недостаточную подготовку в избранном виде. Особенно это сказывается при проведении занятий по командным игровым видам спорта, а также по единоборствам.

На первом этапе нашего исследования мы провели анкетирования среди студентов Дон ГАУ для выявления уровня заинтересованности студентов в восточных единоборствах (рис. 1) и времени тренировки (рис.2).

Анкета состоит из 5 вопросов: пол, возраст, факультет, виды восточных единоборств и время тренировки. Всего было опрошено 1200 студентов из 14 факультетов. Анализ распределения за 5 лет показал, что во время учёбы в университете 41,7% студентов избрали для себя в качестве средств физического воспитания игровые виды спорта, 12,9% – спортивные единоборства, а 45,4% избрали оздоровительное направление физического воспитания в цикле «Фитнес и аэробика».

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- студенты в основной массе сознательно относятся к физической культуре как способу улучшения собственной физической подготовленности и здоровья, и определяют оздоровительную направленность как приоритетную;

№4. Каким из восточных единоборств Вы хотели бы заниматься (в % от 1200 чел.)

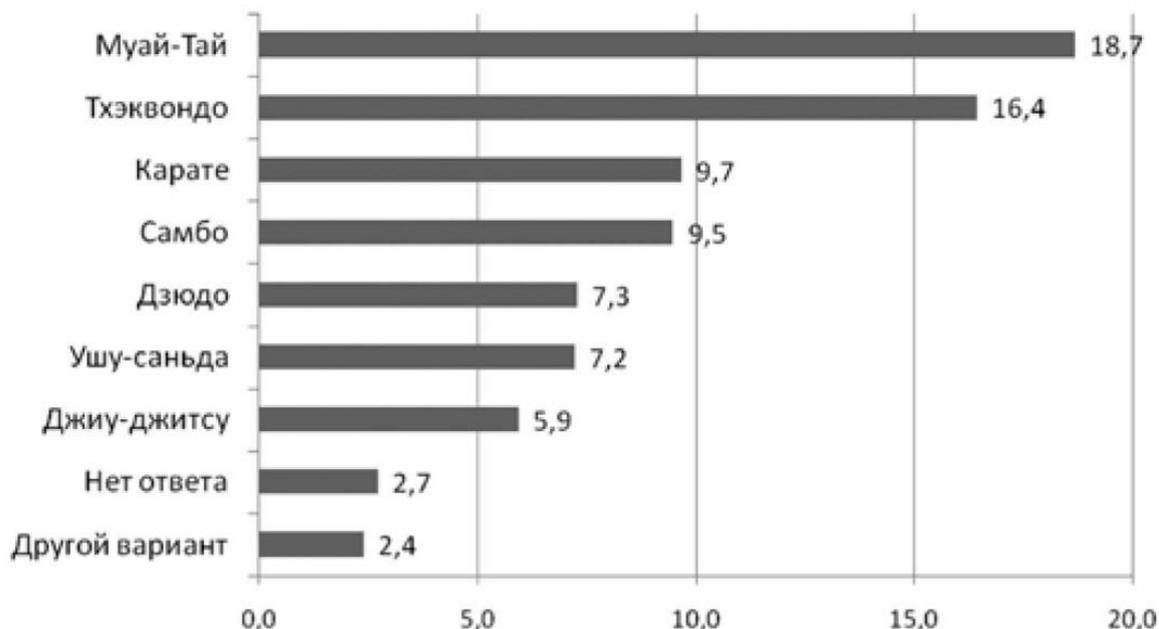

Рисунок 1 - Результаты анкетирования студентов Донского ГАУ

№5. В какое время Вам было бы удобней посещать занятия в районе студенческого городка? (в % от 1200 чел.)

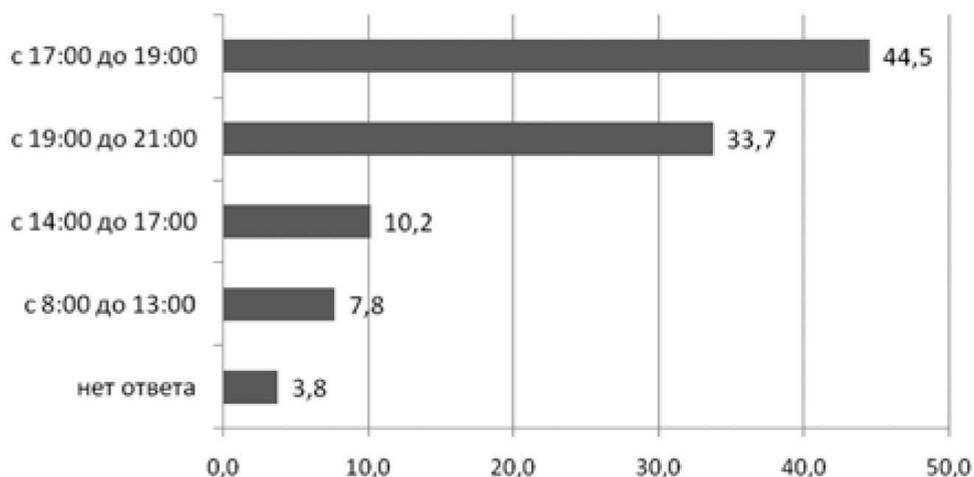

Рисунок 2 - Результаты анкетирования студентов Донского ГАУ

- форма организации занятий по физическому воспитанию в спортивно-ориентированных группах является для студентов более приемлемой в сравнении с традиционным подходом к проведению этой работы;

- имеется специфика организации учебного процесса в спортивно ориентированных группах физического воспитания, связанная с отличиями спортивных баз, которыми располагают высшие учебные заведения;

- первые 5-7 недель для студентов первых курсов целесообразно использовать в учебном процессе занятия по лёгкой атлетике с проведением тестирования студентов для определения их физической подготовленности;

- на повышение интереса к занятиям выбранного вида спорта положительное влияние оказывает привлечение студентов к участию в спортивных соревнованиях, проводимых в высшем учебном заведении;

- выявлена позитивная мотивация к занятиям двигательной активностью у студентов и параллельно открыто проблемное поле в отношении учебно-воспитательного процесса по физическому воспитанию студентов средствами физической культуры и спорта.

Проблема физкультурно-оздоровительной работы со студентами и сотрудниками вуза заслуживает научного обоснования управления и внедрения ее в практику физкультурного движения. Эту задачу можно решить более эффективно только при периодическом проведении панельных исследований запросов, т.е. потребностей и интересов студентов и сотрудников вуза в сфере физической культуры и спорта.

Литература

1. Разработка новых методов, технологий и технических средств в управлении социально-экономическими системами [Текст] : коллективная монография / А.С. Айтимов, Р.Р. Ахмедов, Н.М. Ахметов, А.П. Бахурец, Б.А. Биляшев, А.С. Дегтярь, И.В. Засемчук, Ж.У. Икласова, К.А. Ихсанов, В.Н. Нефедова, Д.А. Переведенцев, А.А. Савинова, С.В. Семенченко ; под ред. С.М. Ахметова. – Новосибирск, 2015.

2. Андрущенко, Л.Б. Спортивно ориентированная технология обучения студентов по предмету «Физическая культура» [Текст] / Л.Б. Андрущенко // Теория и практика физической культуры. – 2002. – №2. – С.47-54.

3. Артёмов, С.В. Запросы и потребности населения как базовый фактор развития физической культуры и спорта городского района [Текст] : автореф. дис... канд. пед. наук / С.В. Артёмова. – М., 1990. – 22 с.

4. Габибов, А.Б. Организация физического воспитания студентов в Донском ГАУ [Текст] А.Б. Габибов, В.В. Семенченко // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2015. – №1-3(15). – С.24-30.

5. Габибов, А.Б. Физическое воспитание для студентов специальной медицинской группы [Текст] А.Б. Габибов, В.В. Семенченко // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2015. – №1-3(15). – С.38-45.

6. Коники, Г.А. Современные тенденции организации физического воспитания студентов [Текст] / Г.А. Коники, В.А. Темченко, Т.Е. Усова // Физическое воспитание студентов творческих специальностей : сб. научных трудов / под ред. проф. С.С. Ермакова. – Харьков : ХГАДИ (ХХПИ). – 2009. – №4. – С.68-74.

7. Коники, Г.А. Учебные занятия по видам спорта как средство формирования мотивации к здоровому образу жизни у студентов высших учебных заведений [Текст] / Г.А. Коники, В.А. Темченко, Т.Е. Усова // Физическое воспитание студентов творческих специальностей : сб. научных трудов / под ред. проф. С.С. Ермакова. – Харьков : ХГАДИ (ХХПИ). – 2006. – №4. – С.108–114.

8. Корнев, В.Г. Волейбол. Подготовка судей [Текст] : учебно-методическое пособие / В.Г. Корнев, В.В. Семенченко, Е.В. Пономарева. – п. Персиановский, 2014. – (Сер. Спортивная библиотечка студента)

9. Мологин, Ю.Д. Социально-педагогические аспекты управления массовой физической культурой в административно-территориальном образовании [Электронный ресурс] : дис... канд. пед. наук: 13.00.04 / Ю.Д. Мологин. – М. : РГБ, 2006.

10. Прохоров, А.О. Мотивы и эффективность занятий взрослого населения популярными формами оздоровительной физической культуры [Текст] / А.О. Прохоров // Теория и практика физ. культуры. – 1988. – С.2-5.

11. Семенченко, В.В. Использование теоретических, практических материалов и контрольных нормативов при проведении занятий по физической культуре в Донском ГАУ [Текст] / В.В. Семенченко // Российское образование: проблемы, векторы и ориентиры развития : материалы международной научно-практической конференции. – пос. Персиановский, 2015. – С.174-181.

12. Темченко, В.А. Секционная форма организации физического воспитания студентов [Текст] / В.А. Темченко, Р.Р. Сиренко // Физическое воспитание студентов. – 2010. – № 3 – С.99-101.

References

1. Ajtimov A.S., Ahmedov R.R., Ahmetov N.M., Bahurec A.P., Bilashev B.A., Degtjar' A.S., Zasemchuk I.V., Iklasova Zh.U., Ihsanov K.A., Nefedova V.N., Perevedencev D.A., Savinova A.A., Semenchenko S.V. Razrabotka novyh metodov, tehnologij i tehniceskikh sredstv v upravlenii social'no-jekonomicheskimi sistemami [Development of new methods, technologies and techniques in the management of socio-economic systems] //kollektivnaja monografija /pod redakciej S.M. Ahmetova. Novosibirsk, 2015.

2. Andrushhenko L.B. Sportivno orientirovannaja tehnologija obuchenija studentov po predmetu «Fizicheskaja kul'tura». [Sports-oriented student learning technology on the subject "Physical training"] / L.B. Andrushhenko // Teorija i praktika fizicheskoi kul'tury. –2002. - №2. - S.47-54.

3. Artjomov S.V. Zaprosy i potrebnosti naselenija kak bazovyj faktor razvitija fizicheskoi kul'tury i sporta gorodskogo rajona: [Requests and needs of the population as a basic factor in the development of physical culture and sports of the city district:]Avtoref. dis... kand. ped. nauk. – M., 1990. – 22 s.

4. Gabibov A.B., Semenchenko V.V. Organizacija fizicheskogo vospitanija studentov v Don GAU [Organization of physical education of students in the Donetsk National Technical University]//Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. - №1-3(15) - S.24-30.

5. Gabibov A.B., Semenchenko V.V. Fizicheskoe vospitanie dlja studentov special'noj medicinskoj grupy [Physical education for students of special medical group] //Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2015. - №1-3(15) - S.38-45.

6. Konik G. A. Sovremennye tendencii organizacii fizicheskogo vospitanija studentov [Modern trends in the organization of physical education students]/ G. A. Konik, V. A. Temchenko, T. E. Usova //Fizicheskoe vospitanie studentov tvorcheskikh special'nostej: Sb. nauchnyh trudov pod red. prof. Ermakova S.S. –Har'kov: HGADI (HHPI). – 2009. – №4. – S.68-74.

7. Konik G. A. Uchebnye zanjatija po vidam sporta kak sredstvo formirovanija motivacii k zdorovomu obrazu zhizni u studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Training sessions on sports as a means of formation of motivation for a healthy lifestyle among students of higher educational institutions]/ G. A. Konik, V. A. Temchenko, T. E.Usova // Fizicheskoe vospitanie studentov tvorcheskikh special'nostej: Sb. nauchnyh trudov pod red. prof. Ermakova S. S.-Har'kov: HGADI (HHPI). – 2006. – №4. – S.108–114.

8. Kornev V.G., Semenchenko V.V., Ponomareva E.V. Volejbol. Podgotovka sudej [Volleyball. Training of judges]//Uchebno-metodicheskoe posobie. p. Persianovskij, 2014. Ser. Sportivnaja biblioteka studenta

9. Mologin Ju.D. Social'no-pedagogicheskie aspekty upravlenija massovoi fizicheskoi kul'turoj v administrativno-territorial'nom obrazovanii [Social-pedagogical aspects of the management of mass physical culture in the administrative-territorial entity] [Jelektronnyj resurs]: Dis.kand.ped. nauk: 13.00.04. M.: RGB, 2006.

10. Prohorov A. O. Motivy i jeffektivnost' zanjatij vzroslogo naselenija populjarnymi formami ozdorovi- tel'noj fizicheskoj kul'tury [Motives and adult training effectiveness population popular forms of Physical Culture]// Teorija i praktika fiz. kul'tury. – 1988. – S.2-5.

11. Semenchenko V.V. Ispol'zovanie teoreticheskikh, prakticheskikh materialov i kontrol'nyh normativov pri provedenii zanjatij po fizicheskoj kul'ture v Don GAU //V sbornike: Rossijskoe obrazovanie: problemy, vektory i orientiry razvitija [Using theoretical, practical materials and reference standards during physical training at Don GAU] /Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. pos. Persianovskij, 2015. – S.174-181.

12. Temchenko V.A., Sirenko P.P. Sekcionnaja forma organizacii fizicheskogo vospitanija studentov [The sectional form of the organization of physical education students] // Fizicheskoe vospitanie studentov – 2010. - № 3 – S.99-101.

Габиров Альберт Бейдулахович – кандидат с.-х. наук, доцент, заведующий кафедрой физического воспитания ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет».

Пономарева Елена Владимировна - старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет».

Семенченко Валерий Васильевич – старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет».

Муратова Юлия Юрьевна – старший преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет».

Луценко Екатерина Юрьевна – преподаватель кафедры физического воспитания ФГБОУ ВО «Донской государственной аграрный университет».

УДК 81

**КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БАРАКА ОБАМЫ
В АМЕРИКАНСКОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОФИЦИАЛЬНЫХ МЕДИАДИСКУРСАХ**

Поломошнов Л.А.

Автор проводит сравнительный анализ способов репрезентации образа президента США Б. Обамы в российской и западной официальной прессе. В результате получены следующие выводы. Образ Б. Обамы контрастно представлен в российском и американском медиадискурсе. Если в американском медиадискурсе доминирует позитивная репрезентация с небольшой долей критики, то в российском медиадискурсе доминирует негативная репрезентация различной степени жесткости (от умеренной до крайне жестких форм) с очень незначительной долей позитивных характеристик. Важную роль в системе лингвистических средств репрезентации образа Б. Обамы как в российских, так и в американских СМИ играют не столько прямые, сколько косвенные характеристики, задаваемые с помощью таких средств, как контекстная и речевая характеристики, средства номинации и т.п. Доминирующим мотивом репрезентации Б. Обамы в американских и российских СМИ очень часто выступает противопоставление или сравнение американского и российского президентов. Принижение образа одного из них выступает способом возвышения образа другого. Применяемые в американском и российском медиадискурсах лингвистические средства репрезентации Б. Обамы демонстрируют высокую эффективность, обеспечивая формирование в массовом сознании устойчивого негативного (в России), или позитивного (в США) образа Б. Обамы.

Ключевые слова: Б. Обама, средства массовой информации, лингвистическая репрезентация, имидж.

**CONTRAST REPRESENTATION OF BARACK OBAMA'S IMAGE
IN AMERICAN AND DOMESTIC OFFICIAL MEDIA DISCOURSE**

Polomoshnov L.A.

The author carries out a comparative analysis of the methods of representation of the image of US President Barack Obama in the Russian and Western official press. As a result, the following conclusions were got. The image of Obama contrastly presented in Russian and American media discourse. If in the American media discourse is dominated the positive representation with a small share of criticism, in the Russian media discourse is dominated the negative representation of varying severity (from mild to extremely severe forms) with a very small share of positive characteristics. An important role in the system of linguistic means of representation of the image of Barack Obama both in the Russian and the American media are playing not so much direct as indirect characteristics asked by means such as speech and contextual characteristics, means of nomination, etc. The dominant motive of representation Obama in the American and Russian media are very often in favor or opposed to a comparison of the US and Russian presidents. Belittling the image of one of them acts as a way of elevation image of the other. Applicable in the US and the Russian media discourse linguistic means of representation Obama demonstrate high efficiency, enabling the formation in the mass consciousness of sustainable negative (in Russia), or positive (in the US), the image of Barack Obama.

Keywords: Barack Obama, the media, linguistic representation, image.

Прежде чем приступить к исследованию, следует обозначить определение медиадискурса. Масс-медийный дискурс понимается как речь участников масс-медийного общения. Отдавая отчет в том, что дискурс масс-медиа разнопланов и многообразен, объектом исследования данной статьи является медиа-дискурс политической направленности, который понимается как совокупность медиа-текстов, относящихся к политической сфере общества. «Дискурс СМИ представляет собой сиюминутный срез языкового и культурного состояния общества, поскольку в силу своей природы отражает как языковое, так и культурное статус-кво социума».[2,С.29] Дискурс, по замечанию М. Л. Макарова, воспроизводит социальные институты, культурные схемы, системы ценностей социума. Соответственно, дискурс масс-медиа предполагает процесс порождения соответствующих текстов в определенном культурном контексте. Это означает, что в тексте масс-медиа будут реализованы имеющиеся в том или ином лингво-культурном сообществе установки и требования к созданию речевого продукта, соответствующего внешним условиям ситуации порождения данного продукта.[3,С.36]

Политические дискурсы являются сегодня мощным властным ресурсом, посредством которого государственные и общественные институты осуществляют самопрезентацию, конструируют и продвигают в выгодном для них свете те или иные образы окружающей нас действительности.[4] Главная черта политического дискурса СМИ заключается в том, что отправитель сообщения (журналист) в данном случае является лишь посредником между реальными политическими деятелями и событиями и получателем сообщения (читателем). Поскольку население дистанцировано от правительства и не может непосредственно наблюдать процесс принятия решений, касающихся общественной жизни, журналисты становятся «рассказчиками» о политике и политиках и, соответственно, формируют общественное мнение.[1,С.116-133] Они дают ту или иную оценку различным политикам и политическим событиям, осуществляя, таким образом, политическую модализацию, являющуюся неотъемлемым признаком медиадискурса.

При этом один и тот же политик через призму медиадискурса может быть изображен по-разному и цель нашего исследования – показать участие лингвистических средств репрезентации этого контраста на примере сравнения образов президента США Барака Обамы, представленных в российском и американском медиадискурсах, которые, по нашим предположениям, будут сильно отличаться.

Материалом исследования послужили множество контекстов с лексемами «Барак Обама», «президент США», «Мистер Обама», «Обама» и их метонимическими и синонимическими заменами, отобранных из российских изданий «Российская газета», «Коммерсант», и «Комсомольская правда», а также американских изданий «The New York Times», «Wall Street Journal», «USA Today». Анализ данных контекстов осуществлялся с помощью дискурсивно-когнитивного и контекстологического методов, а также методов стилистического анализа.

В результате проведенного исследования была выявлена контрастность репрезентации образа Б. Обамы в российском и американском медиадискурсах. Рассмотрим вначале репрезентацию образа Б. Обамы в американских СМИ. В качестве лингвистических средств такой репрезентации используются: средства номинации, оценочные высказывания, сравнения, эпитеты, речевая характеристика. В качестве средств номинации Б. Обамы используются следующие лексические единицы: 1.Mr. Obama – 41%, 2.President Obama – 25%, 3.Obama – 14%, 4.US President – 8%, 5. President – 7%, 6.Barak Obama – 5%. Такой набор свидетельствует о высоком статусе Обамы в американском медиадискурсе.

В отношении личности и отдельных действий Б. Обамы преобладают положительные оценочные высказывания. Например: «But give Obama, the rare politician who is prone to honest self-reflection, credit for raising the issues himself. One of the «regrets of my presidency», he said on Tuesday, was that the “rancor and suspicion between the parties has gotten worse instead of better». (Нью Йорк Таймс). Пример позитивной оценки можно найти в статье, опубликованной редакцией Нью-Йорк Таймс: «On Thursday, for the first time in American

history, a president walked into a federal prison». Само упоминание, что Обама является первым президентом за всю историю США, который посетил федеральную тюрьму говорит об историческом факте, под этим подразумевается, что Обама диктует новшества, которые выведут систему правосудия на новый уровень. Этот момент останется в истории и в головах читателей надолго. Авторы статьи оценивают действия Обамы положительно.

Корреспондент газеты NBC news, в январе 2016 года, пишет следующее: «But the **normally stoic** Obama grew visibly emotional when he recalled the murders of 20 first-graders and six staffers three years ago by a gunman with an assault rifle at the grade school in Newton, Connecticut». Без сомнений можно сказать, что фраза «normally stoic Obama grew visibly emotional» описывает президента как очень стойкого, собранного и мужественного человека, который проявил сострадания при упоминании о жестокости убийства невинных людей. Другими слова, автор статьи обращает внимание читателя на положительные качества Обамы, выставляя его в лучшем свете. Далее, чтобы закрепить этот эффект было написано следующее: «"Every time I think about those kids it gets me mad," Obama said as his eyes welled up with tears»/ Этой цитатой с описанием поведения Б. Обамы автор показывает насколько скорбит со своим народом президент и *gjlx`hrbdfn* непоколебимость Обамы и его готовность действовать против подобных актов жестокости.

Достаточно редко встречаются негативные оценочные высказывания. Например, в марте, 2016 года, корреспондент Вашингтон Таймс, Дэйв Бойер, пишет следующее: «Republican presidential candidates and others criticized the president for attending a baseball game in Havana with Cuban President Raul Castro and dancing the tango at a state dinner in Argentina in the aftermath of the bombings in Belgium that killed at least 34, including two Americans». За два дня до этого, в другой статье, от Дэйва Бойера, звучала уже подобная фраза: «The trip and the images of Mr. Obama dancing as the world reels from the terrorist attacks in Brussels have left Mr. Obama open to criticism that he should have returned home, a suggestion Mr. Obama and his aides have firmly rejected». Из этих цитаты следует, что американские репортеры считают поведение Б. Обамы абсолютно неприемлемым, бестактным, непрофессиональным и недостойным.

Сравнение является одним из приемов, с помощью которого авторы СМИ передают определенное отношение и выстраивают определенный образ президента Барака Обамы в статьях. В американской прессе большинство сравнений направлено на то, чтобы показать Обаму с лучшей стороны и возвысить его над его оппонентами в различных аспектах, в зависимости от того материала, на котором происходит сравнение.

Например: «Obama remarked that his Russian counterpart Vladimir Putin has emphasised "military might" instead of economic development». В этом предложении проводится контраст между Бараком Обамой и Владимиром Путиным, где российский президент выставляется агрессором, приверженцем военной силы, в то время как президент Америки выглядит миролюбивым и прогрессивным лидером. Еще одним примером является следующее сравнение: «[Obama's] presidency has been perhaps the most consequential since Franklin Roosevelt's time. Ronald Reagan certainly competes with Obama for that claim. But on the night of Reagan's final State of the Union speech in 1988, when he boasted that "one of the best recoveries in decades" should "send away the hand-wringers and doubting Thomases," the economic numbers were not as good as those on Obama's watch». Здесь автор использует пренебрежительное слово «boast» и ироничные цитаты в отношении контекстуального оппонента Барака Обамы, чтобы приукрасить его образ на фоне Рональда Рейгана.

В связи с президентскими выборами в США 2016 года, в некоторых американских СМИ начинают все активнее использовать сравнения Путина и Обамы, но уже в пользу Путина. Обама — хромяя утка, уходящий президент. Кандидатам в президентское кресло США выгодно повесить на Обаму все ошибки, раскритиковать его политику и наобещать избирателям все исправить, изменить к лучшему и вернуть США былое величие. Таким образом, Путина делают «хорошим», чтобы иметь больше возможностей критиковать нынешний курс Обамы и предлагать разнообразные изменения. По сути, Путин и Россия

разыгрываются как одна из карт в предвыборной борьбе. Не единственная, но одна из. Карта, надо отметить, очень удобная. Россия теперь рисуется не как враг и «ось зла», а как набирающий силу политический конкурент, претендующий на ведущую роль в ближневосточных делах. И кандидаты в президенты США могут теперь предлагать по этому поводу массу разных решений.

Несмотря на то, что новостные издания, на материале которых проводился анализ, стараются придерживаться нейтральной лексики и не высказывать прямых субъективных оценок, однако мы нашли несколько эпитетов, недвусмысленно говорящих об отношении авторов статьи к Бараку Обаме. Можно отметить следующие примеры: «**remarkable** doer», «**transformational** president», «**stoic** Obama», «Obama, with that **first-class** intellect to go with a **first-class** temperament, with that **pitch-perfect** sense of humor».

Важное место в репрезентации образа Барака Обамы в американской прессе также играет цитирование и интерпретация речи самого президента. Цитирование «нужных» слов президента и использование реплик политика (а также реплик других политиков, сказанных в его сторону) в определенном контексте позволяет авторам подводить читателя к соответствующим выводам, причем этот прием используется, иногда, чтобы намекнуть на слабые стороны президента США. Так, в одной из статей говорится: «Obama set out an optimistic vision of a planet without nuclear weapons <...> Obama admitted that the US and Russia were unlikely to further reduce their stockpiles of nuclear weapons during the remainder of his presidency». Здесь автор намекает на двуличность президента, который с одной стороны выступает против ядерного оружия, но в то же время не предпринимает никаких мер по сокращению ядерного оружия своей страны. Также можно отметить следующую цитату: «Obama used interventions during summit sessions on Sunday to urge leaders to produce a strong communiqué on climate change as a precursor to the UN-led climate talks in Paris next month». Этой фразой автор подчеркивает, как минимум, невежливость и проявление бестактности президента. Еще одним примером можно считать цитату «It was 2009 when, in a landmark speech in Prague, Obama set out an optimistic vision of a planet without nuclear weapons. But what he hoped would be a legacy issue has been buffeted by the terrorist threat, rogue behaviour by North Korea, the slow pace of reducing nuclear stockpiles and worsening relations with America's chief nuclear rival». Здесь компрометирующим предстает тот факт, что Обама за время своего правления не выполнил намерения, озвученные в 2009 году, следовательно, ставится под сомнение его правдивость и его возможность адекватно оценивать возможности как его самого, так и доверенного ему государства.

Впрочем, в американской прессе, обильно цитирующей выступления Б. Обамы, преобладает скорее позитивная речевая характеристика американского президента. Комментаторы отмечают высокую эффективность выступлений Б. Обамы, его способность овладеть аудиторией и увлечь ее.

В целом имидж Барака Обамы, создаваемый с помощью описанных нами лингвистических средств в американских СМИ, совершенно позитивен: Обама выступает в американских СМИ как сильный, харизматичный, уверенный в себе лидер, но в то же время обыкновенный афроамериканец со своими достоинствами и недостатками, добившийся своего положения самостоятельно и, пройдя такой длинный и тернистый путь от простого человека до президента США. Он всегда открыт для людей. Барак Обама хороший муж и отец, верующий христианин. Имидж, созданный для Барака Обамы отвечает всем требованиям современного американского общества и как нельзя лучше вписывается в современную обстановку в США.

В российском медиадискурсе образ Б. Обамы представляется контрастным, по сравнению с американскими СМИ. Большинство проанализированных источников выставляют его, прежде всего, слабым человеком, слабым политиком, слабым, неэффективным руководителем. Некоторые СМИ обращают внимание на жесткость и агрессивность Б. Обамы, особенно по отношению к России.

Для этого используется целый набор лингвистических средств. Важную роль в этом наборе играют средства номинации. В официальной российской прессе чаще всего используются примерно в равной пропорции следующие наименования: 1. Барак Обама и 2. Б. Обама. Причем, первое наименование используется обычно в позитивном контексте, а второе, если речь идет о каких-то негативных контекстах. Значительно реже используются такие обозначения как: «президент США», «Обама», «американский президент», «президент Обама» и др.

Нередко в российском не официальном медиадискурсе можно встретить и негативные прямые или косвенные номинации различной степени остроты. Из них наиболее безобидными можно считать следующие: «хромая утка», «хромейшая утка», «хлюпик», «диктор, читающий с телесуфлера» и т.п.

Для российского медиадискурса характерно использование также такого лингвистического средства репрезентации как акцентированные критические заголовки, которые изначально задают вполне определенный, чаще всего негативный контекст репрезентации. Прочитав такой заголовок, у читателя формируется вполне определенный имидж Б. Обамы. Приведем примеры таких заголовков. Так, газета «Коммерсант», освещая ядерный саммит, проведенный Б. Обамой в марте 2016 года, оперирует следующими заголовками: 1. «Там не очень хорошо, где нас нет», 2. «Расщепление ядерного саммита». Еще примеры - говорящие сами за себя заголовки из Российской газеты: 1. «Апофеозом американской аморальной «правды» стало послание Обамы», 2. «Пушков: Обама лукавит, Совет Россия-НАТО не работает», 3. «Комиссар полиции Нью-Йорка назвал глупостью план Обамы», 4. «Саммит одного актера», 5. ««Закрытая встреча» Порошенко с Обамой оказалась фейком», 6. «Пушков назвал пустым призыв Обамы к переговорам по ядерному оружию». Этот список можно продолжать долго. Причем мы привели примеры не самых острых и кричащих заголовков, которые типичны для неофициального российского медиадискурса.

При использовании акцентировано критических заголовков обычно подчеркивается неэффективность тех или иных конкретных действий Б. Обамы. Сам текст статьи оказывается лишь комментарием или доказательством тезиса, вынесенного в заголовок. Так, например, статья «Апофеозом американской аморальной «правды» стало послание Обамы» содержит в себе следующую уничижительную оценку выступления Б. Обамы перед Конгрессом: «Эти строки дописывались в тот день, когда Обама произносил свое прощальное послание «О положении страны». Доказывал главный и неизменный тезис всей вашингтонской пропаганды - что Америка - не только самая богатая и сильная, но и самая человечная и справедливая нация в мире.

Говорил складно, порой можно было заслушаться. Приходилось делать усилие, чтобы вспомнить, что президент - хромейшая из хромых уток. Что обращается он к Конгрессу, в котором большинство на дух не переносит ни его самого, ни его политику. И что все его прочувствованные слова - миражи, наподобие горбачевских.

Кстати, все обратили внимание, что даже в этой речи Обама с горечью признал, что ему за все годы президентства так и не удалось сплотить страну. Межпартийная идеологическая поляризация, недоверие населения к власти и окружающим при нем только усилились. Политологи с удивлением констатируют, что при первом темнокожем главе государства обострилась даже межрасовая напряженность».

Дополнением к акцентированным критическим заголовкам статей выступает такое лингвистическое средство как оценочные высказывания и эпитеты.

Так, например, корреспондент деловой газеты «Взгляд» в статье «Обама завершает свой срок вторжением в Сирию и Ирак» использует следующий эпитет: «Обама оказался совершенно несостоятельным». В эпитете «несостоятельный» можно увидеть недоверие к компетентности президента США по ряду вопросов и уверенность в том, что ввиду этого он не в силах решить некоторые вопросы. Кроме того, автор статьи наделяет президента США таким эпитетом, как «Противоречивый Обама». Под этим подразумевается ненадежность и недоверие к Обаме как к человеку, который не придерживается одной конкретной позиции и

может поменять свою политику или мнение в любой момент, по сути, обманывая и разрушая возложенные на него надежды.

Андрей Иванов, корреспондент новостного агентства «Свободная Пресса» употребляет следующие слова в адрес Б. Обамы: «мы сделали фильм о коррумпированном Обаме». Этими словами автор дополняет облик Б. Обамы как лжеца, только обвиняет его он уже в попытке обмануть закон. Если обобщить список таких эпитетов, то все они впишутся в рубрику «неэффективный, малокомпетентный лидер». Репрезентация образа политического деятеля не может обойтись также без такого лингвистического средства, как оценочные высказывания. Однако, для российской официальной прессы характерно уклонение от прямых оценочных высказываний. Используются обычно лишь косвенные оценочные высказывания, нередко со ссылками на иностранных авторов. Особенно популярны ссылки на различные рейтинги мировых популярных лидеров, где В. Путин всегда уверенно и намного опережает Б. Обаму.

Методами косвенных оценок являются неявные косвенные контекстуальные сравнения российского и американского президента, естественно, что это сравнение в российских СМИ всегда проводится в пользу президента В. Путина. Если говорить о сравнениях Обамы с другими американскими президентами, то в российском медиадискурсе, в отличие от американского преобладают сравнения не в пользу Обамы. Например, один из авторов интернет-журнала «Политическая Россия» в статье под названием «Граждане США поняли, почему Михаил Горбачев назвал Обаму «хромой уткой» и знаком для американского государства» пишет: «Буш-младший и нынешний глава американского государства Барак Обама лишь растрачивали наследство Рейгана». Здесь выражена негативная оценка его политики в целом, Б. Обама выставляется по сути разрушителем и расточителем, который не только не помог стране стать сильнее, но ослабил ее неэффективным использованием уже имеющихся ресурсов.

Речевая характеристика является также одним из важных лингвистических средств репрезентации политического лидера. При использовании этого приема в репрезентации Б. Обамы в российских и американских СМИ наблюдается очевидный контраст. Американцы называют Б. Обаму «самым одухотворенным оратором своего поколения». Действительно, Барак Обама говорит очень эмоционально, с огромным позитивным посылом к аудитории. Его речи способны зажечь самую холодную аудиторию. Обама смог обаять даже политиков, бизнесменов и журналистов - людей, которые в силу профессии привыкли относиться абсолютно ко всему с недоверием и скептицизмом. «Эти выборы показали, что США по-прежнему остаются страной, в которой возможно осуществление любой, самой невероятной мечты. Мы доказали миру, что являемся не просто набором «красных» и «голубых» штатов, не просто собранием индивидуумов, мы - Соединенные Штаты Америки. В этот важный момент перемены пришли в нашу страну», - заявляет 44-й президент США.

В отличие от американских СМИ, российские СМИ, признавая ораторские способности Обамы, стараются акцентировать внимание на мало убедительном содержании речей американского президента. В речах Барака Обамы мало конкретики, зато много общих фраз, эмоциональных лозунгов, призывов. Например: «Если вы идете верным путем и будете продолжать по нему идти, то, в конечном счете, добьетесь успеха» - общая фраза, не имеющая глубокого смысла и не относящаяся к политике, но, сказанная особым тоном, имеет статус афоризма. Ни в одной из речей Обамы не была дана конкретная программа действий, конкретный проект развития страны или план выхода из кризиса, но 42-й президент США Билл Клинтон, например, считает Обаму величайшим оратором со времен Кеннеди. Выступления Барака Обамы построены на обещаниях и на фразах, которые хочет услышать население, и это, безусловно, эффективно воздействует на массовое сознание. Обама обещает привести свой народ к светлому будущему, возродить «американскую мечту», сделать образование более доступным, обеспечить людей жильем и поддержать средний класс.

Некоторые российские СМИ дают и гораздо более резкие негативные речевые характеристики Б. Обаме. Один из авторов интернет-журнала «Политическая Россия», давая негативную оценку обращению Обамы, пишет: «вялая и невнятная речь Обамы выглядит нехорошим знаком для американского государства». Обобщая репрезентацию Б. Обамы в российском медиадискурсе, мы можем констатировать, что с помощью разнообразных лингвистических средств Б. Обама представляется непрофессиональным, плохо квалифицированным, несостоятельным и некомпетентным человеком, плохо подходящим на пост руководителя страны, не эффективно решающим внутренние проблемы и проблемы международной политики.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, образ Б. Обамы контрастно представлен в российском и американском медиадискурсе. Если в американском медиадискурсе доминирует позитивная репрезентация с небольшой долей критики, то в российском медиадискурсе доминирует негативная репрезентация различной степени жесткости (от умеренной до крайне жестких форм) с очень незначительной долей позитивных характеристик. Во-вторых, важную роль в системе лингвистических средств репрезентации образа Б. Обамы как в российских, так и в американских СМИ играют не столько прямые, сколько косвенные характеристики, задаваемые с помощью таких средств, как контекстная и речевая характеристики, средства номинации и т.п. В-третьих, доминирующим мотивом репрезентации Б. Обамы в американских и российских СМИ очень часто выступает противопоставление или сравнение американского и российского президентов. Приращение образа одного из них выступает способом возвышения образа другого. В-четвертых, следует признать, что применяемые в американском и российском медиадискурсах лингвистические средства репрезентации Б. Обамы демонстрируют высокую эффективность, обеспечивая формирование в массовом сознании устойчивого негативного (в России), или позитивного (в США) образа Б. Обамы.

Литература

1. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ [Текст] / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М. : Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. С.116-133.
2. Иванова, С.В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии [Текст] / С.В. Иванова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 1(24). – С. 29.
3. Левенкова, Е.Р. Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ [Текст] / Е.Р. Левенкова. – Самара, 2010. – С. 36.
4. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М. : Гносиз, 2003. – 280 с.

References

1. Dem'yankov V.Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI [The interpretation of political discourse in the media]// Yazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: uchebnoe posobie / отв. red. M.N. Volodina. M.: Izd-vo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova, 2003. S.116-133.
2. Ivanova S. V. Politicheskij media-diskurs v fokuse lingvokul'turologii [The political media discourse in focus lingvokulturologii] // Politicheskaya lingvistika. - Vyp. 1(24). - Ekaterinburg, 2008. - S. 29.
3. Levenkova E.R. Britanskiy i amerikanskiy politicheskij diskurs: kontrastivnyy analiz [British and American political discourse: contrastive analysis] /E.R. Levenkova. Samara, 2010.- S. 36.
4. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa. [Fundamentals of theory of discourse] - M.: Gnosiz, 2003. - 280 s.

Поломошнов Лев Андреевич – магистр 1 курса филологического факультета Южного Федерального Университета.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 008

Поломошнов А.Ф.

Донской государственный аграрный университет

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ГЛОБАЛЬНОМУ КОММУНИЗМУ?

Статья посвящена анализу альтернатив исторического развития человечества в XXI веке. Автор анализирует особенности современного глобального капитализма и доказывает его историческую бесперспективность. Позитивной альтернативой глобальному капитализму является глобальный коммунизм. Исторический опыт советского социализма рассматривается как первая форма глобального коммунизма.

УДК 945.05

Курилкин О.А.

Южный Федеральный Университет

НАСИЛИЕ И НЕНАСИЛИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ МАКИАВЕЛЛИ

В статье анализируется позиция Н. Макиавелли по проблеме насилия в политике. Автор отмечает, что Макиавелли не поощряет жестокость и насилие, но считает, что в политической жизни без нее не обойтись. Однако к жестокости нужно прибегать для того, чтобы не допустить большего зла или за тем, чтобы принести пользу большинству.

УДК 1 (091)

Поломошнов П. А.

Рогтовский Государственный Экономический Университет (РИНХ)

ТРАНСФОРМАЦИИ СУБЪЕКТНОГО ФАКТОРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ОБРАЗА РАЦИОНАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается трансформация статуса субъекта в условиях неклассической и постнеклассической рациональности. Неклассический тип рациональности с его принципами нелинейности, относительности, плюрализма, самоорганизации, возникая в недрах естествознания, находит свое отражение в сфере гуманитарных наук, порождая в социальной философии новый тип мышления, модифицируя социальную онтологию и методологию в духе антифундаментализма, полипарадигмальности и децентрированности.

Глобализация взаимодействий, поиск общего звена между концепциями, субъектами, осуществляемый в поле коммуникации актуализирует субъекта как ценность, как значимый, задающий смысл, создающий его, определяющий, элемент социальной коммуникации.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК. 303.1

Швандерова А.Р.

Ростовский филиал «РГУП»

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ АБЕРРАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА

В статье исследуются структурные и функциональные связи между аберрантностью и институциональной системой общества риска. В контексте данного подхода автором предпринята попытка объяснить экспансию различных типов девиантного поведения и их институционализацию в современном российском обществе риска. Автор разделяет позицию неoinституционализма, принадлежащего к неоклассическому направлению, исходящего из двух общих установок: во-первых,

социальные институты имеют значение и, во-вторых, они поддаются анализу с помощью стандартных инструментов экономической теории.

УДК 37.01

Шпалова Е.В.

Донской Государственный Аграрный Университет

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена экспликации религиозной культуры как элемента общей культуры личности. Культура личности рассматривается автором как целостность её природных, и социальных характеристик, базирующихся на её включенности в творческую созидательную деятельность, на её гуманистическом отношении к миру. Религиозная культура общества представляет собой единство миропонимания и культа, т.е. обрядовых действий и избранной формы объединения и поведения верующих. Индивидуальная религиозная культура, основанная на соответствующей системе ценностей и идеалов, проявляется в исполнении религиозных предписаний, норм поведения, отправлении религиозных культов и ритуалов. В качестве основных компонентов религиозной культуры личности автор выделяет религиозное сознание, религиозную деятельность и религиозные отношения. Опираясь на определение религиозной культуры личности, автор дает характеристику типов религиозности.

УДК 130.2

Меняйло А.А.

Азово-Черноморский Инженерный Институт

ФЕНОМЕН НЕОВАРВАРИЗАЦИИ В КУЛЬТУРЕ

В статье анализируется феномен неоварваризации в культуре и формы его проявлений. Представлены взгляды Ф. Ницше, который рассматривал внедрение «первобытной силы» как возможность обновления истории. Х. Ортега-и-Гассет процесс варваризации описывал основном негативно и связывал его с распространением массовой культуры и уходом от цивилизационных норм и ценностей.

Н.А. Бердяев объясняет варваризацию культуры природой самой цивилизации, когда над человеком начинает господствовать техника и механистичность. Схожей позиции придерживается А. Тойнби, который считал варваризацию неизбежным этапом в жизненном цикле любой цивилизации.

В конце XXвека сложность и стихийность процессов глобализации поставили вопрос о возможности появления новой исторической фигуры – варвара. Тогда же начинается анализ сущности и предпосылок варваризации современного общества. В статье указываются тенденции, формирующие пространство неоварваризации, предпосылки их возникновения. Описаны процессы трансформации в сфере культуры и ментальности, характеризующие некоторые тенденции современного переходного периода, но сущностно схожие с архаической культурой. Это иррационализация культуры, которая проявляется в увлечении магией и фантастикой, в замене печатного слова и звучащей речи изображением (телевидение, кино), в отказе от научного познания как средства понимания окружающего мира в пользу мифа и религии. Архаизации общественной жизни проявляется также в тоталитарных режимах, в девальвации ценностей культуры модерна, в ремифологизации массового сознания, в господстве «клипового сознания», в воскрешении дохристианских религиозных традиций и культов. «Новое варварство»выражается в обострении этнических и конфессиональных конфликтов, ослаблении государственной власти, усилении влияния международных криминальных структур, росте терроризма.

УДК 004, 007, 008 (075)

Михайленко Т.Н.

Донской Государственный Аграрный Университет

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ КУЛЬТУРЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Статья посвящена анализу тенденций динамики семейно-брачных отношений студенческой молодежи. В основу своего анализа автор кладет тезис о постмодернистской деконструкции традиционного семейного идеала моногамной нуклеарной семьи под влиянием негативных внутренних и внешних факторов. Данный тезис обоснован детальной характеристикой основных проявлений разрушения традиционных семейных идеалов и ценностей и замещения их деструктивными постмодернистскими. Автор отмечает, что в России постмодернистская деконструкция традиционной семьи не достигла еще значительного развития.

Автор считает крайне важной борьбу за сохранение традиционных социально-позитивных, социокультурно-идентичных ценностных ориентаций российской молодежи в сфере семейно-брачных отношений, борьбу против глобализаторского нивелирования российской социокультурной идентичности в сфере культуры семейно-брачных отношений современной российской молодежи, борьбу против постмодернистской деконструкции, дефундаментализации самого института семьи. Ведь, от исхода этой борьбы зависит само будущее существование российского народа и российской цивилизации.

Автор считает опаснейшим заблуждением позицию, утверждающую позитивность постмодернистской деконструкции традиционной семьи, необходимость активизации трансформации традиционных ценностных ориентаций в сфере семейно-брачных отношений в духе сомнительных западных «образцов» для современного российского общества.

УДК 316.613

Чекрыгина Т.А.

Донской Государственный Аграрный Университет

КУЛЬТУРНОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В данной статье описываются результаты теоретико-эмпирического исследования социокультурных детерминант идентификации личности, проводимого автором статьи с 1997 по 2014 гг. в южном регионе России на выборке 1260 человек (12-20 лет). Одной из важных задач исследования стало изучение особенностей типа культурного мышления, присущего современной молодежи. Автором разработана методика исследования культурного мышления (модификация методики Дж.Брунера «Профиль мышления», методика исследования идентификационной направленности на архетипические культурные черты, ДДО Климова). Теоретически обосновывается положение о том, что культурные формы мышления являются основой социокультурной идентификации. Эмпирически выявляются особенности культурного мышления современной молодежи. Статистически подтверждается, что особенностью культурного мышления молодежи является преобладание художественного типа с выраженной креативностью.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338.436:140

Москалюк В. М.

Луганский Национальный Аграрный Институт

ЭКОНОМИКА АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье раскрывается экономическая проблема развития аграрно-промышленных комплексов в ее философском осмыслении. Автор анализирует взаимосвязь экономики и духовного, творческого начала личности, составляющей человеческий и социальный капитал современного общества. В статье доказывается, что эффективное развитие аграрно-промышленных комплексов является возможным только при условии популяризации науки и создания благоприятных условий для творческого развития человека сельскохозяйственного труда.

УДК 316.4

Белоусова В.Н.

Азово-Черноморский Инженерный Институт

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

В статье на основе конкретного социологического исследования анализируется субъективное восприятие студентами межнациональных отношений в обществе, выявляются их установки по отношению к представителям других национальностей, отношение к трудовым мигрантам, а также к применению насилия для защиты национальных интересов.

Объектом исследования были студенты всех факультетов Азово-Черноморского инженерного института – филиала Донского ГАУ в г. Зернограде. Для сбора первичной информации были использованы следующие методы исследования: выборочный анкетный опрос и индивидуальное интервью для определения основных позиций респондента, его мотивов и отношения к изучаемой проблеме. Выборочная совокупность включала 485 человек, что составило 41,6% студентов очного обучения АЧИИ. В выборку попали представители 19 национальностей.

Проведенное социологическое исследование позволило сделать некоторые выводы о состоянии межнациональных отношений в молодежной среде и показало важность формирования у студентов понимания того, что проблема межнациональных отношений – это всеобщая, гражданская проблема, связанная с социальным благополучием всех граждан, проживающих в Российской Федерации.

УДК 32.019.5

Зуева Т.М.

Азово-Черноморский Инженерный Институт

СТЕРЕОТИПИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ ПОВСЕДНЕВНОГО ОБРАЗА ВЛАСТИ

Специфика власти в современной России и отношение к ней населения, определяется огромным количеством факторов. В формировании образа власти участвует множество социально-государственных институций и структур, акторов и агентов, субъектов и персоналий. Вопрос взаимоотношения власти и народа всегда был актуальным. Рассматривается образ власти как феномен массового сознания, как повседневные представления людей.

Сюда включаются мнения и переживания, социальные чувства и ожидания, социальные надежды и социальное самочувствие, социальные представления и социальные восприятия.

Стереотипизация в повседневном дискурсе связана с понятием социального стереотипа. Социальный стереотип, как форма восприятия действительности, есть такое распространенное и клишированное представление о различных социальных событиях, объектах, свойствах и качествах, основывается на привычном, обыденном, повторяющемся, доступном пониманию в упрощенной форме. Стереотипы могут быть не только выражением схематизированного, а поэтому упрощенного социального познания. Это социальное познание обычно ограничено определенными правилами и рамками. Такими правилами и рамками могут быть определенные конфессиональные, этнические,

демографические и профессиональные правила и рамки. Свои стереотипы, соответственно, имеются у представителей указанных выше социальных групп и самих этих социальных групп как определенные формы социального сплочения и групповой идентификации.

Среди наиболее распространенных социальных стереотипов выделяют различные социальные стандарты, социальные установки, социальные шаблоны и ярлыки, образцы повседневной массовой культуры, устойчивые матрицы и схемы повседневной жизни, социальные эталоны и т.п. Распространенные образы власти, клишированные средствами массовой информации, политической пропагандой и агитацией, политическими технологиями и политическими манипуляциями, тоже необходимо относить к устойчивым социальным стереотипам.

Среди установок повседневного мышления выделим установки на патернализм, авторитарный синдром, «великодержавный синдром», националистический дискурс.

ИСТОРИЯ

УДК 82-053.2(075)

Курилкин О.А.

Южный Федеральный Университет

ОБРАЗ СССР В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ОРУЭЛЛА

В статье рассматривается репрезентация Дж. Оруэллом образа СССР в его антиутопиях. Автор приходит к выводу о том, что, пытаясь в сатирической манере показать, что же творится в СССР и разоблачить советские мифы, Дж. Оруэлл сам породил множество мифов об СССР.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.172

Габибов А.Б., Пономарева Е.В., Семенченко В.В., Муратова Ю.Ю., Луценко Е.Ю.

Донской Государственный Аграрный Университет

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕУЧЕБНОГО СПОРТИВНО-ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНТОВ В ДОНСКОМ ГАУ

Студенческий спорт имеет важное значение, как для физического и нравственного развития личности, так и для решения очень значимых социальных задач в обществе. Преодоление негативных последствий перестроечных лет во многом предполагает укрепление традиций студенческого спорта, активизацию государственной поддержки, нормативно-правовое, организационное, финансово-экономическое, материально-техническое и информационное направления его возрождения. Студенческий спорт призван гармонизировать воспитание будущих специалистов. Сейчас как-то позабылась идея формирования всесторонне и гармонически развитой личности, а ее место заняла идея развития всех потенциальных возможностей индивида. Однако всесторонне – умственно, нравственно и физически развитый человек – остается востребованным для успешного функционирования и прогресса социума.

В нашей работе мы ориентировались на разработку системы организации учебного процесса по курсу «Физическое воспитание» для студентов, обучающихся в Дон ГАУ, с использованием методов анализа литературных источников, опросов и анкетирования. В результате были определены экспериментальные группы, проведено психодиагностическое исследование по изучаемой проблеме, проанализированы результаты и их интерпретация.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Поломошнов Л.А.

КОНТРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА БАРАКА ОБАМЫ В АМЕРИКАНСКОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОФИЦИАЛЬНЫХ МЕДИАДИСКУРСАХ

Автор проводит сравнительный анализ способов репрезентации образа президента США Б. Обамы в российской и западной официальной прессе. В результате получены следующие выводы. Образ Б. Обамы контрастно представлен в российском и американском медиадискурсе. Если в американском медиадискурсе доминирует позитивная репрезентация с небольшой долей критики, то в российском медиадискурсе доминирует негативная репрезентация различной степени жесткости (от умеренной до крайне жестких форм) с очень незначительной долей позитивных характеристик. Важную роль в системе лингвистических средств репрезентации образа Б. Обамы как в российских, так и в американских СМИ играют не столько прямые, сколько косвенные характеристики, задаваемые с помощью таких средств, как контекстная и речевая характеристики, средства номинации и т.п. Доминирующим мотивом репрезентации Б. Обамы в американских и российских СМИ очень часто выступает противопоставление или сравнение американского и российского президентов. Принижение образа одного из них выступает способом возвышения образа другого. Применяемые в американском и российском медиадискурсах лингвистические средства репрезентации Б. Обамы демонстрируют высокую эффективность, обеспечивая формирование в массовом сознании устойчивого негативного (в России), или позитивного (в США) образа Б. Обамы.

PHILOSOPHY

UDC 008

Polomoshnov A. F.

Don State Agrarian University

IS THERE AN ALTERNATIVE TO GLOBAL COMMUNISM?

This article analyzes the alternatives of historical development of mankind in the XXI century. The author analyzes the features of contemporary global capitalism and shows its historic hopelessness. A positive alternative to global capitalism is global communism. The historical experience of Soviet socialism is seen as the first form of global communism.

UDC 945.05

Kurilkin O.A.

South Federal University

VIOLENCE AND NONVIOLENCE IN POLITICAL VIEWS MACHIAVELLI

The article analyzes the position of Machiavelli on the problem of violence in politics. The author notes that Machiavelli does not encourage cruelty and violence, but believes that it cannot do without in the political life. However, by the cruelty, we need to resort to in order to avoid a greater evil or in order to benefit the most.

UDC 1 (091)

Polomoshnov P.A.

Rostov State Economics University

TRANSFORMATION OF SUBJECTIVE FACTOR IN THE CONTEXT OF MODERN CHANGES OF IMAGE OF A RATIONAL

The article deals with of the status of the subject at the conditions of non-classical and post-nonclassical rationality. Non-classical type of rationality with its principles of non-linearity, relativity, pluralism, self-organization, originating in the depths of the natural sciences, is reflected in the humanities, social philosophy in creating a new type of thinking, modifying social ontology and methodology in the spirit of antifundamentalizm, multiparadigmatic character and decentering.

The globalization of interactions, search for a common link between the concepts, entities engaged in the communications field is updated the subject as a value, as a significant element defining the meaning, creating its defining of social communication.

CULTURAL SCIENCES

UDC 303.1

Shvandrova A.R.

Rostov branch RSUP

TO THE QUESTION OF THE SOCIO-CULTURAL BACKGROUND ABERRANTTION BEHAVIOR IN RISK SOCIETY

The article examines the structural and functional connection between aberrantly and institutional framework of the risk society. In the context of this approach the author attempts to explain the expansion of various types of deviant behavior and their institutionalization in contemporary Russian society risk. The author shares the position of new institutionalism, which belongs to neo-classical direction, coming from two General settings: first, social institutions are important and, second, they are amenable to analysis using standard tools of economic theory.

UDC 37.01

Shpalova E.V.

Don State Agrarian University

RELIGIOUS CULTURE OF PERSON AS SUBJECT OF RESEARCH

The article is devoted to the explication of religious culture as an element of the general culture of the person. Culture of person regarded by the author as the integrity of its natural and social characteristics based on its involvement in the artistic creative activity, on its humanistic attitude toward the world. The religious culture of society is a unity of outlook and worship, i.e., ceremonial activities and the chosen forms of association and the behavior of believers. Individual religious culture based on the system of appropriate values and ideals is manifested in the performance of religious obligations, norms of behavior, religious cults and rituals. The main components of the identity of religious culture, author distinguishes the religious consciousness, religious activities and religious relations. Based on the definition of the religious culture of the individual, the author gives a description of religiosity types.

UDC 130.2

Menyaylo A.A.

Azovo-Chernomorskiy Engeniering Institue of Don State Agrarian University

PHENOMENON OF NEOBARBARIZATION IN CULTURE

The article analyzes the phenomenon of neobarbarization in culture and forms of its manifestation. Views of F. Nietzsche who considered introduction of "the primitive force" as a possibility of updating of history are presented. The process of barbarization H. Ortega-i-Gasset described main negatively and connected it with distribution of mass culture and leaving from civilization norms and values.

N. A. Berdyaev explains barbarization of culture with the nature of the civilization when the equipment and mechanicalness begins to dominate over the person. A. Toynbee who considered barbarization an inevitable stage in life cycle of any civilization adheres to a similar position.

At the end of the 20th century, complexity and spontaneity of processes of globalization have raised a question of a possibility of emergence of a new historical figure – the barbarian. Then the analysis of essence and prerequisites of barbarization of modern society begins. In the article the tendencies forming space of neobarbarization, the prerequisite of their emergence are specified. The processes of transformation in the sphere of culture and mentality characterizing some tendencies of a modern transition period, but appreciably similar to archaic culture are described. It is an irratsionalization of culture which is shown in hobby for magic and a fantasy, in replacement of the printing word and the sounding speech with the image (television, cinema), in refusal of scientific knowledge as means of understanding of the world in favor of the myth and religion. Arkhaization of public life it is shown also in the totalitarian modes, in devaluation of values of culture of a modernist style, in a remifologization of mass consciousness, in domination of "clip consciousness", in revival of pre-Christian religious traditions and cults. "New barbarity" is expressed in an aggravation of the ethnic and confessional conflicts, weakening of the government, strengthening of influence of the international criminal structures, growth of terrorism.

UDC 004, 007, 008 (075)

Mikhaylenko T. N.

Don State Agrarian University

THE POSTMODERN DECONSTRUCTION OF THE FAMILY RELATIONS CULTURE OF THE YOUTH

The article is devoted to analysis of the family relations dynamics tendencies of students. The basis of his analysis, the author puts the thesis of postmodern deconstruction of the traditional family ideal of the monogamous nuclear family under the influence of negative internal and external factors. This thesis is proved by the detailed characteristic of the main manifestations of destruction of traditional family ideals and values and replacements with their destructive

postmodern ones. The author notes that in Russia the postmodern deconstruction of a traditional family hasn't reached still considerable development.

The author considers extremely important fight for preservation of traditional social and positive, sociocultural and identical valuable orientations of the Russian youth in the sphere of the family and marriage relations, fight against globalstorage leveling of the Russian sociocultural identity in the sphere of culture of the family and marriage relations of modern Russian youth, fight against a post-modernist deconstruction, a defundamentalization of the institute of a family. Future existence of the Russian people and the Russian civilization depends on the result of this fight.

The author considers the most dangerous delusion position, affirming positivity postmodern deconstruction of the traditional family, the need to intensify the transformation of traditional value orientations in the field of family relations in the spirit of dubious Western "models" for the modern Russian society.

UDC 316.613

Chekrygina T.A.

Don State Agrarian University

CULTURAL THINKING AS THE BASIS OF SOCIOCULTURAL IDENTITY

This article describes the results of theoretical and empirical studies of social and cultural identification of determinants, conducted by the author between 1997 and 2014 in the southern Russian region on a sample of 1260 people (12-20 years). One of the important objectives of the study was to investigate the characteristics of the type of cultural thinking inherent in today's youth. The author developed a technique to study the cultural thinking (modification techniques J.Brunera "thinking profile" method of research focus on identifying the archetypal cultural traits, DDO Klimov). We theoretically substantiate the position that the cultural forms of thinking are the basis of social and cultural identification. We empirically identified a particular cultural mindset of today's youth. Statistically it confirmed that feature the cultural mindset of young.

SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

UDC 338.436:140

Moskaliuk V.M.

Lugansk National Agrarian University

THE ECONOMY OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

The article deals with the problem of economic development of the agro-industrial complexes in its philosophical interpretation. The author analyses intercommunication of economy and spiritual, creative beginning of personality, which is the part of human and social capital of modern society. In the article it is proved, that effective development of agro-industrial complexes is possible only on condition of popularization of science and creation of favorable terms for creative development of people, who work in agricultural sphere.

UDC 316.4

Belousova V.N.

Azovo-Chernomorskiy Engeniering Institue of Don State Agrarian University

INTERNATIONAL RELATIONS AND THEIR PERCEPTION IN THE STUDENT'S ENVIRONMENT

In article on the basis of concrete sociological research it is analyzed subjective perceptions by students of the international relations in society, their installations in relation to representatives of other nationalities, the attitude towards labor migrants, and also to application of violence for protection of national interests come to light.

Students of all faculties of Azovo-Chernomorsky engineering institute – branch of the Don GAU in Zernograd were object of research. For collecting primary information the following

methods of research have been used: selective questionnaire and individual interview for definition of the main positions of the respondent, his motives and the relation to the studied problem. The sample included 485 people that has made 41,6% of students of resident instruction of AChEI. Representatives of 19 nationalities have got to selection.

The conducted sociological research allowed to draw some conclusions about the state of interethnic relations among the youth, and showed the importance of the formation of students' understanding of the problem of international relations - is universal, civic problem with social well-being of all citizens living in the Russian Federation.

UDC 32.019.5

Zueva T.M.

Azovo-Chernomorskiy Engeniering Institue of Don State Agrarian University

THE STEREOTYPIC FORMING OF THE EVERYDAY IMAGE OF THE STATE POWER

Specificity of power in modern Russia and the attitude of the population to it are determined by a large number of factors. In the formation of the image of the authorities many social institutions and government structures, actors and agents, persons and personalities are involved. The question of relations between the authorities and the people were always topical. We consider the image of the government as a phenomenon of mass consciousness, like everyday people's ideas.

This includes the views and experiences, social feelings and expectations, social hopes and social well-being, social representations and social perception.

Stereotyping in everyday discourse is linked with the concept of social stereotype. Social stereotypes as a form of reality perception is a widespread and stereotyped representation of various social events, objects, properties, and qualities, based on the familiar, everyday, repetitive, comprehensible in a simplified form. Stereotypes are not only an expression of a schematized and therefore simplified social cognition. This social knowledge is usually limited by certain rules and limits. These rules and the scope can be certain confessional, ethnic, demographic and professional rules and frameworks. Respectively the representatives of the above-mentioned social groups and within these social groups have their stereotypes as a certain form of social cohesion and group identification.

Among the most common social stereotypes different social standards, social attitudes, social patterns and shortcuts, daily samples of mass culture, stable and matrix and schemes of everyday life, social standards, etc. are distinguished. Common images of power, clichéd by mass media, political propaganda and agitation, political technologies and political manipulation, must also be attributed to the sustained social stereotypes.

Among everyday thinking settings we select installation on paternalism, authoritarian syndrome, "great-power syndrome", nationalist discourse.

HISTORY

UDC 82-053.2(075)

Kurilkin O.A.

South Federal University

THE IMAGE OF THE USSR IN THE WORKS OF J. ORWELL

The article deals with the representation of George Orwell's image of the USSR in his dystopias. The author concludes that, in a satirical manner trying to show what is going on in the Soviet Union and expose the Soviet myths George Orwell himself has created many myths about the Soviet Union.

PEDAGOGICS

UDC 378.172

Habibov B. A., Ponomareva E. V., Semenchenko V. V., Muratova, Y.Y., Lutsenko E.Y.

Don State Agrarian University

ORGANIZATION OF EXTRA-CURRICULAR PHYSICAL EDUCATION STUDENTS IN DON STATE AGRARIAN UNIVERSITY

University sport is important for physical and moral development, and for solving important social problems in society. Overcoming the negative consequences of "perestroika" years largely involves strengthening the tradition of student dispute - that, governmental support, legal, organizational, financial - economic, material-technical and information areas for its revival. University sport seeks to harmonize the education of future professionals. Now somehow forgotten the idea of formation of comprehensively and harmoniously developed personality, and its place was taken by the idea of developing all the potential of the individual. However, comprehensively mental, moral and physical development of people demands for the successful functioning and progress of society.

In our work we focused on the development of a system of organization of educational process on "Physical education" for students enrolled in don state agrarian university, using the methods of literature analysis, surveys and questionnaires. As a result were identified in the experimental group, conducted psychodiagnostic research on the problem under study, analysed the results and their interpretation.

PHILOLOGY

UDC 81

Polomoshnov L.A.

South Federal University

CONTRAST REPRESENTATION OF BARACK OBAMA'S IMAGE IN AMERICAN AND DOMESTIC OFFICIAL MEDIA DISCOURSE

The author carries out a comparative analysis of the methods of representation of the image of US President Barack Obama in the Russian and Western official press. As a result, the following conclusions were got. The image of Obama contrastly presented in Russian and American media discourse. If in the American media discourse is dominated the positive representation with a small share of criticism, in the Russian media discourse is dominated the negative representation of varying severity (from mild to extremely severe forms) with a very small share of positive characteristics. An important role in the system of linguistic means of representation of the image of Barack Obama both in the Russian and the American media are playing not so much direct as indirect characteristics asked by means such as speech and contextual characteristics, means of nomination, etc. The dominant motive of representation Obama in the American and Russian media are very often in favor or opposed to a comparison of the US and Russian presidents. Belittling the image of one of them acts as a way of elevation image of the other. Applicable in the US and the Russian media discourse linguistic means of representation Obama demonstrate high efficiency, enabling the formation in the mass consciousness of sustainable negative (in Russia), or positive (in the US), the image of Barack Obama.

ВЕСТНИК
ДОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 1 (19.2), 2016

Часть 2

Адрес редакции:

346493, п. Персиановский Октябрьского района Ростовской области,

ул. Кривошлыкова 1. Тел. 8(86360) 36-150

e-mail: dgau-web@mail.ru

